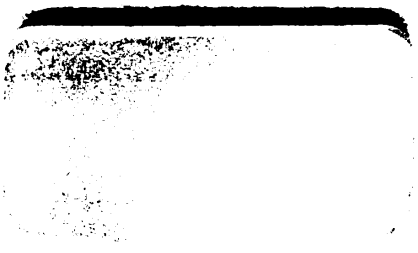
UC-NRLF
$B 602 708



PRESERVATION
COPY ADDED
MU 12/85

Mintslov, S. R.

С. Р. МИНЦЛОВЪ

Гусарский монастыр

ГУСАРСКІЙ МОНАСТЫРЬ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Софія.

PG3467
M72 G57
1919
MAIN

ГЛАВА I.

Усадьба Владиміра Димитріевича Пентаурова занимала въ сороковыхъ годахъ въ городѣ Рязани цѣлый кварталъ.

Съ Большой улицы, сквозь рѣшетчатую зеленую ограду прохожимъ видѣнъ былъ стоявшій въ глубинѣ широкаго двора огромный, двухъэтажный домъ съ мезониномъ и башенками по угламъ, придававшими ему видъ стариннаго замка; стариннымъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ, такъ какъ выстроилъ его еще прадѣдъ Владиміра Димитріевича въ царствованіе императрицы Елизаветы.

Передъ домомъ красовалась высокая куртина, нѣсколько закрывавшая, благодаря разросшимся на ней кустамъ сирени, выступъ пространнаго шатроваго подъѣзда.

По ту сторону дома, за клумбами цвѣтовъ, раскидывался густой паркъ изъ столѣтнихъ, неохватныхъ липъ; прямая аллея, начинавшаяся отъ увитаго плющемъ балкона, пересѣкала паркъ и упиралась въ только что начатое постройкой большое зданіе, выходившее фасадомъ на другую улицу.

Рязань въ тѣ времена изобиловала богатымъ дворянствомъ, широко, по помѣщичьи расположившимся и проживавшимъ въ ней, но усадьба Пентаурова и самъ хозяинъ ея пользовались въ городѣ особой извѣстностью.

Владиміръ Димитріевичъ считался загадочнымъ человѣкомъ. Съ большими связями въ Петербургѣ, богатый, побывавшій—что было рѣдкостью тогда—за-границей и, стало быть, повидавшій виды, онъ вдругъ года

295380

два назадъ вернулся изъ столицы въ Рязань и зажилъ въ ней безвыѣздно и даже только раза два-три заглянулъ въ свое подгородное имѣніе Баграмово. Что была за причина такого переселенія,—никто въ городѣ не зналъ и какъ ни ломали себѣ рязанцы головы, — додуматься ни до чего не могли.

Одни полагали это слѣдствіемъ смерти жены Пентаурова, приключившейся въ Петербургѣ и послѣ которой, якобы, столица ему опостылѣла; другіе шепоткомъ передавали, что онъ навлекъ на себя немилость кого-то изъ великихъ міра сего, чуть не самого Императора. Третьи, самые рьяные вѣстовщики несли такую окончательную несуразицу, что на нихъ только руками махали.

Какъ бы тамъ ни было, но Пентауровъ, переселившись въ Рязань, сдѣлалъ всего три-четыре оффиціальныхъ визита и затворился въ своихъ палатахъ. Псовой охоты, излюбленнаго тогда занятія помѣщиковъ, онъ терпѣть не могъ и не держалъ, хозяйствомъ лично не занимался и чѣмъ наполнялъ свои досуги,—опять таки было неизвѣстно.

И вдругъ, черезъ два года въ полномъ безмолвіи паркѣ Пентаурова застучали топоры и плотники стали возводить какое-то строеніе.

Первою всполошилась Клавдія Алексѣевна Соловьева, дѣвица лѣтъ тридцати пяти, необычайно длинная и сухопарая и чрезвычайно интересовавшаяся всѣмъ, что ни происходило въ городѣ.

Ужъ больше недѣли назадъ, проходя мимо парка, она примѣтила, что къ нему начали свозить бревна. Она остановнлась и обратилась къ возчикамъ съ вопросомъ, зачѣмъ они привезли бревна.

Бородатый, осанистый мужикъ въ бѣлой посконной рубахѣ и синихъ штанахъ глянулъ на тощую, какъ шестъ, незнакомую не то барыню, не то барышню, бывшую, несмотря на жаркій іюньскій день, въ толстой черной мантильи и подъ раскрытымъ огромнымъ, что верхушка копны, порыжѣлымъ зонтомъ. Маленькіе черные глазки Клавдіи Алексѣевны оживленно бѣгали то по бревнамъ, то по лицамъ артели, то по части парка,

прилегавшей къ забору. Но разгадки происходившему ниоткуда не появлялось.

— Велѣно... отозвался возчикъ.

— Кто велѣлъ?

— Баринъ, стало быть, нашъ; Пентауровскіе мы.

— Зачѣмъ?

— Этого мы знать не можемъ! Мужикъ ухватилъ за конецъ бревно и сталъ подымать его черезъ колесо.

— Строиться что ли хочетъ вашъ баринъ, или заборъ будутъ поправлять?

— Заборъ?.. мужикъ такъ неопредѣленно произнесъ это слово, что Клавдія Алексѣевна сочла его за утвердительный отвѣтъ и, не видя больше ничего интереснаго кругомъ, поспѣшила дальше, чтобы успѣть первой разнести вѣсть, что Пентауровъ наконецъ зашевелился и рѣшилъ поправлять свой значительно пообветшавшій заборъ.

— Ну и ду-у-ра!... протянулъ мужикъ, когда она отошла на значительное разстояніе:—таки бревна да на заборъ?

— Что съ нея взять? отвѣтилъ другой, какъ бы сожалѣючи:—видалъ, чать, какая у нея головка, что куричья, на спичкѣ взоткнута. А глаза-то братцы? Ровно блохи прыгаютъ!

Мужики захохотали.

На другой день, на мѣсто предстоящихъ работъ, дыша, что запаленный конь, прикатился Арефій Петровичъ Званцевъ.

Званцевъ былъ не только извѣстенъ рѣщительно всей Рязани, но и весьма любимъ всѣмъ дворянствомъ ея. Любили его прежде всего за наружный видъ, сразу заставлявшій улыбаться людей:—онъ состоялъ какъ бы изъ двухъ арбузовъ,—маленькаго и большого, поставленныхъ другъ на друга. Верхній, маленькій арбузъ, цвѣта новорожденнаго поросенка; былъ всегда тщательно выбритъ и спереди, кромѣ щелокъ для глазъ и рта, имѣлъ красную пуговку—носикъ и по бокамъ пару большихъ, словно приклеенныхъ, ушей. Нижній арбузъ и короткія ножки облекала коричневая пара.

Не имѣя геніальной прозорливости Соловьевой, об-

ладавшей даромъ сообщать вѣсти о событіяхъ еще наканунѣ ихъ происшествія, онъ обладалъ даромъ потѣшать городъ и весьма немаловажной статьей для него являлось улавливанье Клавдіи Алексѣевны и уличенье ея во лжи. Эта неисчерпаемая статья необыкновенно радовала рязанскихъ обывателей, и даровыя представленія, устраивать которыя Званцевъ былъ великій мастеръ, доставляли ему, владѣльцу трехъ крѣпостныхъ душъ, не только безбѣдное, но и пріятное существованіе.

— А ну-ка, какъ нынче погрызутся Арефа съ Клавдинькой? говаривали обыватели, собираясь на какую нибудь вечеринку и уже заранѣе испытывая удовольствіе.

Какъ человѣкъ смѣтливый и въ строительныхъ дѣлахъ болѣе свѣдущій, Званцевъ, какъ только окинулъ заплывшими жиромъ глазками груду навезеннаго матеріала, сразу сообразилъ, что заборъ тутъ ни при чемъ и что Пентауровымъ затѣяно что-то другое.

Сердце взыграло у него при мысли о предстоящемъ посрамленіи Соловьевой и, улыбаясь и причмокивая, онъ поспѣшилъ въ лавку купца Хлѣбодарова, въ которой, какъ ему было извѣстно, забиралъ разную бакалею приказчикъ Пентаурова.

Лавка Хлѣбодарова находилась неподалеку, на углу той же улицы и почиталась въ Рязани самой лучшей; позади лавки имѣлась просторная комната, куда допускались только избранные посѣтители и гдѣ, подъ видомъ „пробы“ вновь полученныхъ винъ, происходили веселыя попойки и легкіе кутежи преимущественно офицеровъ квартировавшаго въ Рязани гусарскаго Бѣлоцерковскаго полка и сливокъ мужской части общества.

Михайло Хлѣбодаровъ у нихъ извѣстенъ былъ подъ шутливымъ прозвищемъ „мосье Мишу“, даннымъ ему кѣмъ-то изъ гусаровъ.

Для болѣе серьезныхъ кутежей служила гостинница. занимавшая весь верхъ надъ лавкою и примыкавшими къ ней складами того же владѣльца.

Хлѣбодаровъ—огромный, грузный человѣкъ, съ ум-

нымъ, но непомѣрно раздутымъ лицомъ, словно весь налитой растопленнымъ жиромъ, колыхавшимся подъ кафтаномъ, былъ въ лавкѣ и бесѣдовалъ съ двумя какими-то чуйками, когда въ нее, съ видомъ пріятно прогуливающагося человѣка, со шляпою на боку, чуть повихливая бедрами, мурлыкая и помахивая палкою, вошелъ Званцевъ. Чуйки почтительно отступили въ стороны.

— Здравствуй, Михайло Дмитричъ! небрежно бросилъ онъ, подходя къ прилавку.

Голосъ у него оказался визгливымъ и совершенно бабьимъ.

— Добраго вамъ здоровьица-съ!... отвѣтилъ тотъ, слегка наклонивъ голову съ начавшею просвѣчивать лысиной.

— Какъ живешь - можешь? покровительственно продолжалъ Званцевъ, дѣлая видъ, что разсматриваетъ разныя сласти, выставленныя въ открытыхъ ящикахъ.

— Терпитъ Богъ—помаленьку-съ... Что вашей милости требуется-съ?

— Да... вотъ такъ... а свѣжее шампанское получилъ? словно вдругъ вспомнилъ гость.

Легкій лукавый огонекъ мелькнулъ на мигъ въ темныхъ глазахъ Хлѣбодарова.

— Нѣтъ-съ... отвѣтилъ онъ:—а старенькаго сколько угодно-съ!

— Ну, мнѣ оно не нравится; я такого не пью. Вотъ когда придетъ новое, тогда возьму дюжинку. Кстати: что это Пентауровъ—строиться никакъ затѣялъ?

— Выходитъ, что такъ-съ.

Званцевъ насторожился.

— Чего же это онъ такъ? сказалъ онъ, пробуя миндаль изъ мѣшка:—хорошій миндаль, а почемъ?

— Сорокъ копѣечекъ фунтикъ.

— На серебро? ужаснулся Званцевъ. — Разорить ты насъ всѣхъ, Михайло Дмитричъ, хочешь! Домъ что ли онъ себѣ новый строить вздумалъ?

— Вродѣ какъ бы домъ...

— А это почемъ? Званцевъ запустилъ горсть въ

другой мѣшокъ.—Вкусная шептала! Такъ что же такое вродѣ дома можетъ быть,—конюшня?

— Те-а-тръ-съ... внушительно выговорилъ Хлѣбодаровъ.

У Званцева изъ открывшагося рта чуть не вывалилась только-что засунутая въ него крупная шептала.

— Театръ? какъ эхо, совсѣмъ фистулой визгнулъ онъ въ изумленіи.

— Да-съ. Приказчикъ ихъ, Пентауровскій, самъ мнѣ сказывалъ!

— Вотъ это такъ пуля! все еще не придя въ себя, протянулъ Званцевъ.—Да что же въ этомъ театрѣ дѣлать будутъ?

Купецъ развелъ похожими на подушку руками.

— А ужъ этого не знаемъ-съ: ихъ на то воля. Представлять, надо быть, станутъ, какъ на Москвѣ, слыхать, представляютъ!

Званцевъ озабоченно поправилъ шляпу на головѣ и принялся застегивать пуговицы своего сѣраго сюртука; новость оказалась настолько поразительной, что разносить ее будничнымъ образомъ не подобало.

— Однако, заболтался я тутъ съ тобой... некогда мнѣ! проверещалъ онъ. — Ну, прощай, Михайло Дмитричъ!

Званцевъ съ достоинствомъ вышелъ изъ лавки, но, минуту спустя, опять заторопился и чуть не бѣгомъ пустился по улицѣ.

— Голосокъ-то, какъ у свинки! соболѣзнующе проронила одна изъ чуекъ, проводивъ его глазами.

— Богатый, надо быть, баринъ? поинтересовалась другая:—на много, чать, беретъ у тебя, Михалъ Митричъ?

Хлѣбодаровъ усмѣхнулся и провелъ ладонью по рѣденькой, но длинной бородѣ своей.

— На рупь въ годъ! проронилъ онъ въ отвѣтъ:—а наверещитъ, какъ съ настоящими господами придетъ,—сразу на сто!

ГЛАВА II.

Новость, быстро разнесшаяся по городу, поразила и взбудоражила рѣшительно всѣхъ.

Театра въ тѣ времена въ Рязани не было; знали о немъ только понаслышкѣ и для большинства обывателей, незаглядывавшихъ въ Москву, даже самое слово это звучало, какъ что-то необычайное и даже жуткое.

Затѣй такое предпріятіе кто-нибудь изъ другихъ помѣщиковъ, подобнаго количества толковъ оно, можетъ быть, и не вызвало бы. Но его затѣялъ отшельникъ, и безъ того загадочный человѣкъ, и притомъ такъ неожиданно.

Къ мѣсту постройки начались паломничества; всѣмъ хотѣлось своими глазами убѣдиться въ справедливости слуховъ и взглянуть, что творится въ недоступномъ ни для кого паркѣ Пентаурова.

Многіе изъ помѣщиковъ, разъѣхавшихся на лѣто по деревнямъ, нарочно вернулись въ Рязань; нѣкоторые пріѣзжали даже съ семьями, и обыкновенно пустынная улица позади парка Пентаурова превратилась въ своего рода Невскій проспектъ, по которому отъ четырехъ до пяти часовъ дня вереницей, какъ на масляничномъ катаньи, медленно стали проѣзжать высокія гитары, дрожки и даже рыдваны-коляски, наполненныя, какъ клѣтки съ курами на базарѣ, рязанцами всякихъ возрастовъ.

Кто не имѣлъ своихъ лошадей, — тотъ прогуливался пѣшкомъ.

Разряженныя дамы, въ накинутыхъ на плечи разноцвѣтныхъ, большею частью желтыхъ шаляхъ съ каймою внизу, щебетали, что ласточки передъ отлетомъ, но громче и чаще всѣхъ слышался голосъ полнотѣлой Маріи Михайловны Груниной,—дамы, занимавшей въ городѣ первенствующее мѣсто, не по положенію мужа, а по необычайной способности говорить безъ умолку въ теченіе какого угодно времени и о чемъ угодно.

Какъ и всегда, ее сопровождали мужъ, благообразный пожилой господинъ съ сѣдѣющими густыми

баками, Антонъ Васильевичъ и черноглазая дочка Нюрочка, барышня лѣтъ двадцати; при Марьѣ Михайловнѣ они всегда поневолѣ безмолствовали и только Нюрочкѣ, дѣвицѣ весьма проворной, изрѣдка, при долгой остановкѣ ихъ коляски около встрѣчной, удавалось въ секунду оплошности маменьки выкрикнуть словечко—другое своей пріятельницѣ.

Гулянье, такъ неожиданно перенесенное съ Большой улицы на захолустную Запарковскую, начавшую всѣми звучно именоваться Театральной, доставило обитателямъ ея огромное удовольствіе. Но, какъ вездѣ это водится, нашлись и недовольные.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ отставной приказный Зосима Петровичъ Морковкинъ, владѣвшій чистенькимъ, веселымъ домикомъ на углу той же улицы и священникъ о. Михей, въ приходѣ котораго состояли Пентауровъ и Морковкинъ.

Причины недовольства ихъ были, разумѣется, различныя. О. Михей—никогда никого неосуждавшій, молчаливый человѣкъ въ большихъ, темныхъ очкахъ, скрывавшихъ его больные глаза, въ сущности, никакого неудовольствія не заявлялъ, а, услыхавъ о затѣѣ Пентаурова, проронилъ только—„не подобало бы!“

Все остальное договорила его попадья, дебелая и румяная, съ волосами, что смоль, Маремьяна Никитична, державшая съ своихъ рукахъ не только о. Михея, но и весь причтъ.

— Изволите видѣть, что надумалъ?! сдвинувъ черныя брови, говорила она низкимъ, звучнымъ контральто.— На церковной крышѣ, прости Господи, черти въ свайку играли, вся въ дырахъ, а онъ, самый богатый прихожанинъ,—театръ бѣсовскій строитъ!

— Правильно-съ, матушка, правильно... поддержалъ ее Морковкинъ, ихъ сосѣдъ и пріятель, бывшій у нихъ на ту пору въ гостяхъ:—и какой это такой будетъ театръ—неизвѣстно! Неиначе какъ развратъ, думается мнѣ.

Онъ открылъ съ глубокомысленнымъ видомъ табакерку, затянулся понюшкою и покачалъ словно молью побитою головой.

— Доносецъ на сіе написать, я такъ полагаю, слѣдовало бы!

— На что же доносецъ? удивился о. Михей:—съ разрѣшенія властей, чаю, онъ дѣлаетъ?

Желтыя брови Морковкина взъѣхали на лобъ. Онъ поднялъ вверхъ указательный перстъ.

— Съ разрѣшенія ли, отецъ Михей? А ежели и разрѣшено, такъ вѣдь фармазонство нынче не въ поощреніи! Оборотите это во вниманіе!

— И напиши, напиши, Зосимъ Петровичъ! одобрила Маремьяна Никитична.—Фармазонство это, вѣрное твое слово!

О. Михей молчалъ и только неопредѣленно качнулъ головой.

Долетѣла новость и до гусарскаго полка и вызвала тамъ большой восторгъ среди молодежи. Особенно обрадовала она гусарскій монастырь: такъ именовался тогда въ Рязани обширный, запущенный домъ, стоявшій въ концѣ Левитской улицы; садъ его, густой, что лѣсъ, спускался съ горы къ самой Лыбеди—небольшому озеру, расположенному въ глубокой котловинѣ на краю города.

Домъ этотъ принадлежалъ какой-то старой помѣщицѣ, никогда ненаѣзжавшей въ Рязань и отданъ былъ ею подъ постой гусарамъ. Помѣщался въ немъ цѣлый второй эскадронъ; домъ занимало пятеро офицеровъ, а въ многочисленныхъ службахъ вокругъ него располагались солдаты.

Настоятелемъ монастыря состоялъ эскадронный командиръ, ротмистръ Костицъ, усачъ чрезвычайно суроваго вида; отцомъ благочиннымъ былъ громадный поручикъ Возницынъ; отцомъ ключаремъ и казначеемъ — молчаливый и всегда серьезный поручикъ Радугинъ, имѣвшій обычай, если его спрашивали о здоровьи кого либо изъ знакомыхъ, отвѣчать самымъ искреннимъ и грустнымъ тономъ: „умеръ вчера“, что нерѣдко приводило къ всевозможнымъ происшествіямъ; отцомъ келаремъ былъ хорошенькій, что дѣвушка, корнетъ Курденко. Пятый изъ нихъ, самый юный и только что про-

изведенный въ прапорщики Свѣтицкій, числился отцомъ звонаремъ.

Посѣтители монастыря — и штатскіе и военные — всѣ именовались богомольцами.

Монастырь жилъ самой развеселой жизнью и вызывалъ зависть къ себѣ у другихъ эскадроновъ, расположенныхъ далеко не такъ удобно и привольно, какъ счастливый второй.

Вѣсть о закладкѣ въ городѣ театра привезъ въ монастырь одинъ изъ самыхъ частыхъ богомольцевъ его, нѣкій Андрей Ивановичъ Штучкинъ, господинъ среднихъ лѣтъ, высокій и необычайно мрачной наружности, обладавшій глухимъ, загробнымъ голосомъ и похожими на черные кусты бровями; въ монастырѣ онъ слылъ подъ названіемъ „голосъ изъ камина". Ни на военной, ни на гражданской службѣ онъ никогда не служилъ, дальше Москвы никуда не заглядывалъ, но именовалъ себя военною косточкой и любилъ разсказывать разныя приключенія, случавшіяся съ нимъ во Франціи.

Только что поднявшіеся съ кроватей гусары сидѣли въ большой залѣ, служившей имъ общей столовой и пріемной и отпивались послѣ крѣпкой вчерашней попойки чернымъ кофе, когда быстрыми шагами къ нимъ вошелъ Штучкинъ.

— Господа! не здороваясь, началъ онъ голосомъ, выходившимъ какъ бы изъ сосѣдней стѣны и подымая правую руку, въ которой держалъ шляпу:—событіе величайшее!

— Сосѣдняя попадья родила тройню! густымъ басомъ вставилъ Возницынъ, сидѣвшій, вѣрнѣе возлежавшій за столомъ, съ ногами, положенными на кресло.

Штучкинъ опустилъ руку.

— Отецъ благочинный! внушительно отвѣтилъ онъ: —мы, военные, сплетнями не занимаемся. У насъ въ Рязани скоро будетъ театръ!

— Да ну? въ голосъ воскликнули Курденко и Свѣтицкій; первый даже вскочилъ со стула.

— Истина-съ! Пентауровъ началъ строить театръ...

— Стро-о-ить еще только? разочарованно протя-

нулъ Курденко. Онъ махнулъ рукою и сѣлъ допивать свой кофе.

— Это еще съ годъ пройдетъ, пока будутъ давать въ немъ представленія! сказалъ Свѣтицкій.

— Нѣтъ-съ, не годъ! возразилъ Штучкинъ;—а черезъ два мѣсяца. Пентауровъ его строитъ.

— Кто это такой? проронилъ Костицъ.

— Вы не знаете Пентаурова? изумился Штучкинъ.

Костицъ скосилъ налитые кровью глаза на правый усъ свой, спадавшій ему на грудь и покрутилъ его,

— Не имѣю этой великой чести...

— Первый богачъ рязанскій! При Дворѣ былъ въ фаворѣ, Потемкинымъ вторымъ, можетъ быть, былъ бы, но... Штучкинъ понизилъ голосъ и оглянулся на дверь—сорвалось! Дуэль у него съ Аракчеевымъ чуть не вышла, сюда велѣли выѣхать. Вотъ-съ кто такой Пентауровъ. И онъ самъ мнѣ вчера сказалъ, что черезъ два мѣсяца подыметъ занавѣсъ. Этими словами сказалъ! А актриски у него, господа, какія... У-ухъ! Штучкинъ вытянулъ впередъ хоботкомъ бритыя губы и поцѣловалъ кончики своихъ костлявыхъ пальцевъ.

Еще измятыя послѣ сна лица всѣхъ оживились.

— Вы ихъ видѣли? быстро задалъ вопросъ Курденко, слывшій, несмотря на свою дѣвичью наружность, первымъ ходокомъ по части женскаго пола.

— Разумѣется. Всѣхъ ихъ знаю!

— Откуда онъ ихъ набралъ? спросилъ Свѣтицкій.

— Откуда? Ну, дѣвки дворовыя, разумѣется: кто жъ еще въ актрисы пойдетъ?

— Дуры-дурами и будутъ по сценѣ ходить! насмѣшливо отозвался Возницынъ.—Есть что посмотрѣть: королевы, мадамъ „Чаво"!

— Вы, Левъ Михайловичъ, любите, не глядя, критику пустить! возразилъ Штучкинъ. Подлинную королеву въ театръ вѣдь изъ за-границы не выпишешь! А дѣвка—дѣвкѣ рознь. У него замѣчательныя есть: по-французски даже говорятъ!

— Быть не можетъ? усомнился Курденко.

— Ей Богу, самъ говорилъ съ ней! Личикомъ —

херувимъ. И имя у нея замѣчательное—Леня, Леонида, то-есть...

Гусары переглянулись.

— Что-жъ, отецъ настоятель, проговорилъ Возницынъ, поворачиваясь къ Костицу: — коль такое дѣло, отмолебствовать, какъ будто, подобаетъ?

Костицъ кивнулъ начавшей сѣдѣть головой въ знакъ согласія.

— Ударь, сыне, въ кандію!... обратился онъ къ Свѣтицкому.

Тотъ протянулъ руку къ подвижному колоколу, висѣвшему на небольшомъ треножникѣ, поставленномъ передъ нимъ на столѣ и дважды дернулъ за ремешокъ, привязанный къ языку. Звонъ разнесса по всему дому.

Изъ прихожей выскочило двое вѣстовыхъ.

— Шампанскаго! приказалъ Костицъ.

Вѣстовые исчезли и мигомъ появились снова съ бутылками, завернутыми въ салфетки.

— Господа! слабо запротестовалъ было Штучкинъ:—нельзя, вѣдь десять часовъ утра всего.

— Не впадай въ ересь, нечестивецъ! произнесъ, всѣмъ говорившій „ты", Костицъ, протягивая ему большой стаканъ, полный искрившимся виномъ.

— За процвѣтаніе театра! воскликнулъ, подымая свой стаканъ, Свѣтицкій

— За Леню! поддержалъ Курденко.

Всѣ чокнулись и залпомъ осушили вино; лица начали зарумяниваться, только Костицынъ и Возницынъ составляли исключеніе, такъ какъ и безъ того были цвѣта добраго стараго бургонскаго.

Послѣ перваго стакана выпито было по второму и по третьему, и только когда огромные, стоявшіе у стѣны англійскіе часы начали бить полдень, посоловѣвшіе глаза Штучкина съ недоумѣніемъ и страхомъ, точно на лицѣ привидѣнія, остановились на циферблатѣ. Онъ спохватился и вспомнилъ, что ему необходимо торопиться домой.

— Двѣнадцать часовъ?! ужаснулся онъ, подымаясь съ мѣста,—языкъ плохо повиновался ему.

— А же-на ска-жетъ, что я опять пьянъ!

— Это будетъ напраслина! возгласилъ подъ общій смѣхъ Возницынъ. Курденко, сидѣвшій рядомъ съ Штучкинымъ, схватилъ его за рукавъ.

— Погодите! сказалъ онъ и повернулся къ Костицу:—отецъ настоятель, повелишь ли богомольцевъ до многолѣтія отпускать?

— Нѣтъ! отрубилъ тотъ:—ну-ка, отецъ благочинный, хвати за болярина Курдюмова, или какъ его тамъ...

— Пентаурова, поправилъ Свѣтицкій.

Огромный Возницынъ всталъ и густо, какъ настоящій протодьяконъ, откашлялся въ руку.

— Потѣшнику нашему, театросоздателю и дѣвокъ учителю, болярину Пентаурову... могучими раскатами пронеслось по двусвѣтной залѣ:—театру его, и лицедѣйкамъ, и господамъ театраламъ, и всѣмъ въ подпитіи находящимся—многая лѣта-а-а...

Стекла зазвенѣли въ окнахъ при послѣднихъ словахъ; побагровѣвшій Возницынъ взялъ стаканъ съ виномъ, разомъ, какъ рюмку водки, опрокинулъ его въ ротъ и тяжело плюхнулся въ затрещавшее кресло.

— Великолѣпно! проговорилъ Штучкинъ. — Ну, я, однако, бѣгу...

— А кому-то сегодня попадетъ! лукаво протянулъ Курденко, прощаясь съ нимъ.

— Мнѣ? Штучкунъ ткнулъ пальцемъ въ свою грудь.—Никогда! Я ни въ одномъ глазу!

— Не женитесь никогда, сыны мои! во всеуслышаніе объявилъ Костицъ: — бо впадете въ житіе прискорбное, аки сей богомолецъ нашъ! Будутъ обнюхивать васъ жены ваши по возвращеніи вашемъ и учинять скандалы веліе:

Подъ общіе шутки и смѣхъ Штучкинъ распростился съ гусарами и поспѣшилъ усѣсться на свою гитару съ парой понуро стоявшихъ лошадей.

Только что выѣхалъ онъ на Левитскую улицу, на встрѣчу ему попалась бричка, запряженная парой буланыхъ коньковъ.

— Стой, стой! завопилъ сидѣвшій въ ней господинъ въ бѣлой накидкѣ.

Брички остановились, и Штучкинъ, въ глазахъ ко-

тораго все двоилось и рябило, узрѣлъ къ крайнему своему изумленію два прыщеватыхъ лица на узкихъ плечахъ вѣчнаго рязанскаго жениха—Николая Николаевича Заводчикова.

— Вы откуда? хрипло прокричалъ Заводчиковъ, вставъ въ своей бричкѣ.

— Изъ монастыря... выпрямившись, что шестъ, раздѣльно выговорилъ Штучкинъ.

— Что, служатъ тамъ сегодня? каріе глаза плюгаваго Заводчикова такъ и шарили по лицу Штучкина.

Тотъ вдругъ икнулъ, прикрылъ губы рукою и кивнулъ головой.

— Служатъ... и съ многолѣтіемъ...

— Пошелъ! крикнулъ вдругъ Заводчиковъ на своего кучера и ткнулъ его нѣсколько разъ въ загривокъ:— чего ты ждешь, оселъ?!

Экипажи разъѣхались въ разныя стороны.

ГЛАВА III.

... Въ то время, какъ въ гусарскомъ монастырѣ возглашалась Пентаурову здравица, онъ сидѣлъ въ вольтеровскомъ, высокомъ креслѣ у себя въ кабинетѣ и бесѣдовалъ съ почтительно стоявшимъ передъ нимъ человѣкомъ весьма захудалаго вида.

Пентауровъ имѣлъ рѣдкую въ тѣ времена привычку тщательно одѣваться съ утра и поэтому сидѣлъ въ легкомъ лѣтнемъ сюртукѣ синяго цвѣта, въ бѣлоснѣжномъ жабо и съ такими же кружевными рукавами, изъ которыхъ выставлялись выхоленныя бѣлыя руки; довольно округленный животъ его облекалъ бѣлый жилетъ; ноги, обтянутыя бронзовыми чулками, были перехвачены у колѣнъ синими подвязками съ бантами и покоились одна на другой.

Лѣтъ Пентаурову было на видъ подъ сорокъ, въ дѣйствительности же около пятидесяти пяти. Ни бороды, ни усовъ онъ, какъ штатскій человѣкъ, не носилъ, и правильно очерченное лицо его можно было бы назвать красивымъ, если-бъ не излишняя округленность

и припухлость розовыхъ щекъ и подбородка, придававшая ему оттѣнокъ чего-то младенческаго.

Карiе глаза его внимательно глядѣли на стоявшаго передъ нимъ невысокаго, щуплаго человѣка съ круглымъ, чернявымъ лицомъ и взъерошенной, какъ послѣ хорошей трепки, головой; облеченъ тотъ былъ въ крѣпко заношенный и лоснившiйся, нанковый казакинъ и такiя же длинныя, необыкновенно широкiя брюки, изъ подъ бахромы которыхъ неуклюже торчали носки порыжѣлыхъ и заскорузлыхъ сапогъ.

Это былъ „заправскiй“ актеръ Бѣлявка, выписанный Пентауровымъ изъ Москвы отъ одного своего прiятеля, большого знатока и любителя театра.

— Такъ вотъ что, Грицко... я написалъ нѣсколько пьесъ, говорилъ мягкимъ, прiятнымъ теноркомъ Пентауровъ.—И хочу ихъ поставить на сценѣ: для этого я устраиваю театръ и выписалъ тебя къ себѣ на помощь. Говорилъ тебѣ Максимъ Ульяновичъ, что ты будешь у меня режиссеромъ?

— Ховорыли-съ!... съ сильнымъ хохлацкимъ акцентомъ произнесъ Бѣлявка.

— Онъ мнѣ пишетъ, что ты дѣльный и толковый человѣкъ... продолжалъ Пентауровъ.—Очень радъ буду, если ты поддержишь эту свою, какъ ее по-русски?.. репутасьонъ. Я буду тобой доволенъ — и ты будешь мной доволенъ! выразительно добавилъ онъ.—Въ первую очередь нужно будетъ тебѣ прилично одѣться: ты вѣдь теперь глава труппы! Какъ твое имя?

— Грицко жъ Бѣлявка! отвѣтилъ тотъ.

— А по отцу?

— Харлампычъ-съ.

— Такъ вотъ, я тебѣ покажу сейчасъ моихъ актеровъ и ты разберись въ нихъ; если мало ихъ, или найдешь лучшаго,— выбирай любого, не стѣсняйся: дворня у меня большая, выбрать есть изъ кого. Твоя главная обязанность—отыскать мнѣ таланты!

Пентауровъ взялъ со стола бронзовый колокольчикъ и позвонилъ.

Въ кабинетъ, какъ на пожаръ, вскочилъ малый лѣтъ пятнадцати со вздернутымъ, словно вставшимъ

на дыбы, носомъ и отъ роду удивленными, свѣтлыми глазами.

— Приказчикъ здѣсь?.. спросилъ Пентауровъ.

— Тута-съ...

— А актеры?

Малый прикрылъ красной лапой носъ, какъ бы собираясь удержать его отъ прыжка, и хихикнулъ.

— И актеры тута-съ!.. отвѣтилъ онъ, отдернувъ руку и покашливая, чтобы какъ-нибудь скрыть свою оплошность.

— Пошелъ, позови! слегка сдвинувъ безволосые бугорки бровей, приказалъ Пентауровъ; малый метнулся назадъ, за дверь.

Немного погодя, въ кабинетъ вступилъ плотно сложенный, плечистый человѣкъ, лѣтъ сорока, въ черномъ кафтанѣ; намасленную русую голову его раздѣлялъ проборъ, тщательно сдѣланный по серединѣ; маленькіе глаза умно и спокойно, какъ звѣрьки изъ норъ, глядѣли изъ подъ круто осѣвшаго надъ ними, низкаго лба.

За нимъ осторожно, на носкахъ, слѣдовала небольшая кучка дворовыхъ, мужчинъ и дѣвушекъ.

Ухмыляющаяся носатая рожа парня показалась на мигъ за спинами вошедшихъ, фыркнула, какъ испуганный котъ, и опять исчезла.

Приказчикъ свободной походкой привычнаго человѣка подошелъ къ столу и сталъ чуть поодаль отъ Бѣлявки. Остальные толпой стѣснились у дверей.

— Маремьянъ, обратился Пентауровъ къ приказчику:—есть у тебя въ запасѣ новое, хорошее платье и все прочее?

— Найдется съ...

— Такъ выдай вотъ ему!.. онъ кивнулъ головой на Бѣлявку.

Приказчикъ окинулъ взглядомъ своего сосѣда, будто только что замѣтивъ его.

— Слушаю-съ! обронилъ онъ.

— Подойдите ближе! приказалъ Пентауровъ актерамъ.

Тѣ несмѣло придвинулись на нѣсколько шаговъ и опять остановились.

— Я вамъ выписалъ изъ Москвы начальника и учителя.., заговорилъ Пентауровъ: — вотъ онъ! Дѣло свое онъ знаетъ отлично...

Бѣлявка кашлянулъ и заложилъ назадъ правую руку.

— Смотрите, слушаться его безъ разговоровъ!

Пентауровъ постучалъ по ручкѣ кресла.—Онъ будетъ проходить съ вами роли, научитъ что и какъ нужно дѣлать на сценѣ. А ты, Григорій Харлампычъ, держи ихъ въ рукахъ крѣпко,—чуть что—мнѣ доложи!

Величанье бариномъ по имени-отчеству новаго человѣка произвело большое впечатлѣніе на актеровъ. Приказчикъ уже внимательнѣй глянулъ на Бѣлявку.

Тотъ слегка отставилъ ногу и пріосанился.

— Вотъ тебѣ списокъ актеровъ!... продолжалъ Пентауровъ, протягивая исписанный листокъ бумаги. Бѣлявка подскочилъ и бережно, обѣими руками, принялъ бумагу.

— Я написалъ здѣсь ихъ настоящія имена и затѣмъ фамиліи, подъ которыми они будутъ играть въ театрѣ. Фамиліи должны отвѣчать ихъ... какъ это... сказать?... ну, ролямъ! Я уже все обдумалъ и взвѣсилъ и ничто перемѣнено быть не можетъ. Ну, вызывай ихъ по порядку, посмотри на каждаго!

Бѣлявка близко поднесъ листокъ къ своему лицу.

— Сенька Македонскій! возгласилъ онъ.

Изъ кучки дворовыхъ выступилъ огромнаго роста, бѣлокурый богатырь съ пріятнымъ и умнымъ лицомъ.— Херой! дочиталъ Бѣлявка и вскинулъ глаза на того.

— Хорошъ!.. Оченно даже годенъ!.. одобрительно замѣтилъ онъ, обозрѣвъ героя отъ головы до ногъ.

— Я думаю!.. съ удовольствіемъ произнесъ Пентауровъ:—такого и въ Преображенскомъ полку не сыщешь.

— А зубы у тебя всѣ? спросилъ Бѣлявка, и не успѣлъ богатырь отвѣтить, какъ ужъ тотъ проворно, какъ у лошади, приподнялъ ему верхнюю губу. За нею блеснули бѣлые, что кипень, зубы.

— Всѣ!.. удовлетворенно отвѣтилъ самъ себѣ Бѣлявка и отошелъ опять на прежнее мѣсто.

— Трагикъ... Петька Сарданапаловъ?

Выдвинулся дворовый средняго роста, черный, съ большимъ крючковатымъ носомъ и бровями, сросшимися на переносицѣ.

— Онъ же и злодій!.. Бѣлявка склонилъ голову на бокъ.—И сей ничего... носъ соотвѣтственный... хрескій!.. глубокомысленно сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ты посмотри, каковъ онъ, когда нахмурится! Вмѣшался Пентауровъ.— Петька, нахмурься!

Будущій актеръ исполнилъ приказъ, и точно туча покрыла лицо его.

— А что? воскликнулъ Пентауровъ.—Талантъ, а?

— Наглядно-съ! согласился Бѣлявка.

— Спирька... онъ запнулся и уткнулся совсѣмъ въ листокъ...—Бонапарте! Комикъ. Это ты Бонапарте? Какъ бы не довѣряя прочитанному, спросилъ онъ выдвинувшагося впередъ невысокаго человѣка съ волосами цвѣта мочалки, мутными глазами и съ такимъ острымъ и ярко краснымъ, стерляжьимъ носомъ, что, казалось, будто бы онъ только что прободалъ имъ насквозь какое-нибудь живое существо.

— Я-съ!.. мрачно и сипло отвѣтилъ тотъ.

Бѣлявка безмолвно перевелъ глаза на Пентаурова и увидалъ, что тотъ весь трясется отъ беззвучнаго смѣха.

— Каковъ, а? вытирая слезы, сказалъ Пентауровъ: —нѣтъ, ты посмотри на эту рожу!.. и онъ опять зашелся смѣхомъ.

Улыбнулся, но дѣланно, и Бѣлявка. Пентауровъ замѣтилъ это.

— Что, кажется, онъ тебѣ не нравится? спросилъ онъ, переставъ смѣяться.

— Ничего-съ!.. торопливо отвѣтилъ Бѣлявка. — А только-съ... того, не выпиваетъ ли онъ?

— Самый запьянцовскій! проронилъ, ни къ кому не обращаясь, приказчикъ.

— И настоящій Бонапарте такой же плюгавецъ-пьянчужка былъ! Публика поймета намекъ; какъ увидитъ его, такъ и захохочетъ! А будетъ пить,—уже стро-

го добавилъ Пентауровъ, опять стуча по креслу, — пороть буду! Слѣдующаго!

— Благородный отецъ, Васька Вольтеровъ?

— Здѣсь! отозвался голосъ и изъ за спинъ актеровъ выбрался пожилой, весьма благообразный дворовый.

— По всѣмъ статьямъ годенъ! одобрилъ его Бѣлявка. — Теперь кто же... героиня Настасья Антуанетина?..

— Погоди, перебилъ Пентауровъ: — надо кое-что пояснить вамъ всѣмъ. Слыхалъ ты когда-нибудь про Марію Антуанетту?

— Никакъ нѣтъ-съ!... отвѣтилъ Бѣлявка.

— Были двѣ королевы, — одна красавица собой, Марія Антуанетта, ее казнили. А другая злодѣйка—Елизавета; вотъ по ихъ именамъ я и назвалъ этихъ двухъ. Бѣленькая Антуанетина, а та чернушка — злодѣекъ будетъ играть, она Санька Елизаветина. Поняли?

Не успѣлъ никто отвѣтить, какъ черноволосая, названная Елизаветиной, дѣвушка выскочила впередъ, упала передъ Пентауровымъ на колѣни и, обхвативъ его ноги, припала къ нимъ головой.

Онъ вздрогнулъ и откинулся.

— Батюшка, баринъ, смилуйся! въ источный голосъ завопила, залившись слезами, дѣвушка: — ослобони меня, не хочу я въ злодѣйкахъ быть!..

— Глупая, вѣдь это не въ самомъ дѣлѣ, а представлять только такъ будете!

— Гдѣ жъ мнѣ, баринъ, съ ей справиться? она здоровая, она сама мнѣ всѣ глаза выдеретъ! продолжала причитать дѣвушка. — Не хочу я въ актеркахъ быть!

Пентауровъ разсердился.

— Пошла прочь! сказалъ онъ, оттолкнувъ ея голову концами пальцевъ:—посѣки ее, Маремьянъ, немножко, чтобы она опомнилась!

— Слушаю!.. отозвался приказчикъ. — Встань, дуреха, сейчасъ! сурово обратился онъ къ Елизаветиной.

Дѣвушка разомъ смолкла, поднялась и отошла въ сторону, утирая глаза передникомъ.

— Ванька, воды! приказалъ Пентауровъ, увидавъ высунувшуюся изъ-за актеровъ любопытную рожу малаго.

Ванька исчезъ и черезъ мигъ явился съ полотенцемъ черезъ плечо; въ рукахъ онъ держалъ серебряный тазикъ съ водой: Пентауровъ имѣлъ привычку, прикоснувшись къ кому-нибудь, немедленно обмывать руки.

Онъ пополоскалъ пальцы въ водѣ и сталъ вытирать ихъ пушистымъ полотенцемъ.

— Можете итти всѣ... кромѣ тебя, Григорій Харлампычъ: ты останься, я тебѣ пьесу сейчасъ свою прочту и объясню! А въ четыре часа всѣмъ актерамъ собраться въ залѣ: будетъ первый урокъ вамъ.

Пентауровъ и Бѣлявка остались въ кабинетѣ, а актеры, стараясь не зашумѣть, гуськомъ выбрались за двери.

— Вотъ такъ напасть! разведя руками, вполголоса, съ ужасомъ произнесъ обладатель краснаго носа. — Былъ человѣкомъ, а теперь, нате вамъ, что,—Бонапартіемъ сталъ!..

Благородный отецъ вздохнулъ и сокрушенно покачалъ головою:—ваша фамилія, Спиридонъ Вавилычъ, еще что? прошепталъ онъ, оглядываясь, не услыхалъ бы приказчикъ:—а вотъ моя! онъ махнулъ рукою: --сказываютъ, причастія за нее лишить могутъ!

ГЛАВА IV.

Къ четыремъ часамъ дня въ большой залѣ Пентауровскаго дома, среди закрытой бѣлыми чехлами золоченой мебели и высокихъ простѣночныхъ зеркалъ, робкою кучкой собрались актеры. Бѣлявка, одѣтый въ новое платье и сапоги, разгуливалъ по лоснившемуся паркету и останавливался передъ каждымъ зеркаломъ.

Видъ собственной персоны въ длиннѣйшемъ сюртукѣ, сидѣвшемъ на немъ мѣшкомъ, доставлялъ ему чрезвычайное удовольствіе. Онъ то поправлялъ на себѣ воротникъ, то ухватывалъ въ кулакъ подбородокъ, по-

крытый сизой щетиной и на минуту-другую такъ и застывалъ въ восторженномъ самозабвеніи.

Актеры покашливали и переминались, не смѣя даже прислониться къ стѣнамъ.

Ровно въ четыре часа Ванька распахнулъ бѣлую дверь и изъ кабинета появился, точный всегда и во всемъ, Пентауровъ.

По мановенію его пальца Ванька вкатилъ изъ сосѣдней гостиной одно изъ креселъ и поставилъ его у середины стѣны.

— Начинайте!.. проронилъ Пентауровъ, опускаясь въ кресло.

Ванька подалъ ему раскуренную трубку, съ вышитымъ голубымъ бисеромъ чубукомъ въ ростъ человѣка, и Пентауровъ, откинувшись и облокотившись на одну руку, сталъ посасывать мундштукъ и пускать мелкія кольца дыма.

Бѣлявка вставилъ два пальца за свой воротникъ подъ подбородкомъ и потянулъ его впередъ, словно желая дать больше простора горлу.

— Наперво я наглядно скажу вамъ, шо таке сцена!.. началъ онъ, обращаясь къ актерамъ и закинувъ назадъ голову:—это вамъ нэ котухъ и нэ дѣвичья; съ нея усе видно, какъ на долони, а потому держать соби на ней треба, какъ слѣдуетъ... не харкать и въ подолъ и въ руку не сморкаться! Спиной къ публикѣ становиться нэльзя, бо ничего хорошаго на спинѣ не имѣется; помните усе время твердо, кого вы играете: коли ты храфъ—храфомъ и держи себя; коли злодій, такъ шобъ сразу видать было, шо ты свинья и подлецъ!

Пентауровъ одобрительно кивнулъ головой, и замѣтившій это Бѣлявка продолжалъ еще съ большимъ одушевленіемъ.

— А какъ это сдѣлать? Вотъ какъ! перво-наперво ходыть надо, какъ слѣдуетъ. Скажемъ, герой я, Александръ Македонскій, альбо Буцефалъ какой, такъ неужто жъ я, какъ михрютка, лазать стану? Да никогда! Хрудь у него колесомъ должна быть, голова вверхъ, руку такъ вотъ держать; идетъ, полъ подъ нимъ трещать долженъ!.. вотъ такъ...

Бѣлявка выпятилъ впередъ грудь, окончательно задралъ голову, вытянулъ надъ ней руку и индѣйскимъ пѣтухомъ прошелся по залѣ.

— Величаво и хорошо! произнесъ онъ, остановясь и опуская руку:—сразу понятно всѣмъ, шо я херой. —Ну вотъ, ты, Петръ, трагикъ... иди сюды до мени!..

Черноволосый парень со сросшимися бровями сдѣлалъ два шага впередъ и остановился.

— Ховорю, ты трагикъ. Играешь ты, скажемъ, ролю разбойника и убивать долженъ кого-нибудь, меня, скажемъ. Какъ же ты ко мнѣ подойдешь? Ну, ходи же, ходи!..

Сарданапаловъ двинулся на него, держа руки точно приклеенными къ бокамъ.

— И не такъ, и не такъ! замахалъ на него Бѣлявка.—А то жъ такъ до господина пристава пороться ходютъ, а не убиваты! Ты злодій, такъ ты въ дугу согнись, крадься, загребай руками, очи, якъ у рака, выставь, шобъ морозъ по кожѣ подралъ, вотъ якъ!.. Бѣлявка вытаращилъ глаза и опять продѣлалъ все по своимъ указаніямъ.

Пентауровъ снова съ одобреніемъ наклонилъ голову: теорія Бѣлявки была въ тѣ времена общепринятой.

Бѣлявка вдохновился и разошелся окончательно.

— Благородный отэцъ—опять другая статья! продолжалъ онъ.—Ты, Василій, будешь храфовъ и королей играть, ну, какъ же они ходютъ?

Вольтеровъ направился къ нему неуклюжей походкой и приподнялъ обѣ руки, словно держа въ нихъ блюдо.

— Ну и лакей, а не король! огорченно воскликнулъ Бѣлявка. — Гордо долженъ иттить, благородно шобъ въ очи кидалось, шо ты король, а нэ хамъ! Ось дывысь, якъ короли ходютъ!..

Бѣлявка откинулся всѣмъ туловищемъ назадъ, скосилъ и прищурилъ глаза и, дѣлая пріятные, легкіе жесты ручкой, прошелся мимо актеровъ.—Поняли?

— Поняли!.. посыпались сдержанные отвѣты.

— Сдѣлаемъ же теперь репэтыцію!..

— А намъ вы ничего не показали, Григорій Харламповичъ? несмѣло произнесла героиня—Елизаветина.

— Вамъ? А чого вамъ показывать? Женскій полъ и безъ науки свое дѣло знаетъ! Головку на бокъ, плечиками переминайся, вотъ якъ ежели у тебя по спинѣ червякъ ползетъ; глазами эдакъ!.. Бѣлявка поджалъ губы и съ томнымъ видомъ скосилъ глаза.—И готово дѣло—пропалъ человѣкъ!

Дѣвушка вспыхнула и заалѣла по самые виски.

— Мнѣ то, колесомъ что ли прикажете ходить? мрачно спросилъ комикъ.

— Э, твое дѣло самое трудное! воскликнулъ Бѣлявка.—Смотря какая роля у тебя будетъ: по одной горошкомъ катись, по другой воробушкомъ прыгай, а по трэтьей и колесомъ вертысь! Ну, репэтыція начинается!

Онъ хлопнулъ въ ладоши.

— Вотъ, оце буде сцена! Бѣлявка указалъ рукой на часть залы:—херой, ты входишь слѣва, а благородный отецъ справа. Они долго не видались и должны поздоровкаться. Ну-съ,—расходитесь каждый въ свою сторону!

Актеры стали у противоположныхъ стѣнъ и двинулись другъ другу навстрѣчу.

Герой Сенька шелъ съ закинутой назадъ головой и поднявъ вверхъ руку.

— Стой, стой, стой! закричалъ, бросаясь между ними Бѣлявка. — Герой, ты хорошо идэшь, но глядѣть такъ свысока на короля нэвозможно: онъ же жъ важнѣй тебя; онъ тебѣ сразу морду набьетъ за это! Улыбайся, ласково гляди, вѣдь ты же его нэ укусить хочешь? А ну, еще разъ!..

Актеры разошлись и снова пошли другъ къ другу.

— Стой!.. опять крикнулъ Бѣлявка и съ прискорбіемъ замоталъ головой изъ стороны въ сторону:—король, да руки то у тоби гдѣ? Вареники что-ль въ мискѣ несешь?

— Виноватъ-съ... привыкъ у стола служить! отозвался Вольтеровъ.

— Затвэрди жъ, шо ты король; благородно иди,

свободно, вотъ такъ, ручками маши!.. шо тоби херой? плевать ты на него хотѣлъ!

Но какъ ни бился и ни поправлялъ Вольтерова Бѣлявка, ничего путнаго не выходило.

— О, Боже жъ, ты мой! вздыхалъ Бѣлявка, утирая краснымъ платкомъ со лба прошибшій его потъ.— Бугая грамотѣ скорѣе выучишь, чѣмъ тебя ходить!..

— Постой, мягко вмѣшался Пентауровъ; онъ отдалъ трубку Ванькѣ, всталъ и направился къ актерамъ. —Я его самъ научу. Вѣдь ты жъ видалъ, какъ я хожу? обратился онъ къ Вольтерову.

— Видалъ-съ...

— Вотъ тебѣ и примѣръ, какъ короли ходятъ: такъ и пройди! Чувствуй себя бариномъ... Это же такъ просто!

Пентауровъ прошелся передъ актерами походкой, напоминавшей Арефія Петровича Званцева передъ лавкой Хлѣбодарова.

— Вотъ изобрази меня!

— Я не смѣю-съ!.. смущенно пробормоталъ тотъ.

— А я приказываю! строже сказалъ Пентауровъ.— Ну, живо!

Вольтеровъ выставилъ впередъ животъ и пошелъ, виляя имъ изъ стороны въ сторону.

— Дуракъ! воскликнулъ, разсердясь Пентауровъ:—: развѣ я такъ хожу? Чего ты пузо выпятилъ? Гдѣ же у меня животъ? Онъ оглядѣлъ себя и пожалъ плечами —совсѣмъ у меня живота нѣтъ!

— Виноватъ-съ!... Вольтеровъ стоялъ красный, какъ ракъ, и опустивъ глаза въ полъ.

— На меня смотри, а не внизъ! продолжалъ Пентауровъ:—вотъ я гуляю... свободно!... легко!.. Онъ остановился около Вольтерова.

— Гуляй рядомъ со мной. Гляди, какъ я иду, такъ и перенимай въ точности!

Вольтеровъ, слѣдя за каждымъ движеніемъ подобравшаго животъ барина. сдѣлалъ плечо о плечо съ нимъ нѣсколько торопливыхъ шаговъ, потомъ вдругъ занырялъ точно такой жеманной походкой, отставивъ заднюю часть на манеръ журавля..

Ванька, стоявшій у кресла съ разинутымъ ртомъ и съ трубкой въ рукѣ, фукнулъ въ кулакъ, уронилъ трубку и, бросившись подымать ее, ткнулся съ размаха носомъ о ручку кресла.

Пентауровъ взглянулъ на него, потомъ на своего сосѣда и отвѣсилъ послѣднему оплеуху: кулакомъ онъ никогда не дрался.

— Болванъ! крикнулъ онъ:—ты шута гороховаго, а не меня изображаешь! Выпороть прикажу!

— Ванька, воды!.. добавилъ онъ нѣсколько спокойнѣе.

Ванька слеталъ за водой, и Пенатуровъ опять ополоскалъ въ тазикѣ руку и вытеръ ее полотенцемъ.

— Удивительное дѣло! сказалъ онъ, бросая полотенце на плечо Ваньки, у котораго носъ распухъ и принялъ окончательно необычайные размѣры: — такъ все это просто, а они не понимаютъ!

— Удывительно! поддакнулъ Бѣлявка.—Такой примѣръ на глазахъ видаютъ—и никакой храціи перенять не могутъ! А ну, пройдись еще разъ?

Еще двѣ пощечины выпали на долю будущаго короля въ цѣляхъ укорененія въ немъ величія и дважды Ванькѣ пришлось подавать барину воду для омовенія рукъ.

Репетиція утомила Пентаурова.

— На сегодня довольно! проговорилъ наконецъ онъ. —Усталъ я съ вами!.. А завтра съ утра займись съ нимъ. Григорій Харлампычъ, какъ слѣдуетъ: успѣхъ нѣкоторый уже есть!

— Есть, есть-съ! подхватилъ, низко кланяясь, Бѣлявка:—на изнанку вывернусь, а ужъ знаменитая труппа будэ!

ГЛАВА V.

Верстахъ въ двадцати отъ Рязани, неподалеку отъ обсаженнаго березами широкаго тракта на Москву, находилось имѣніе Аграфены Степановны Степниной — Рыбное.

Большой барскій домъ стоялъ на бугрѣ почти надъ нешырокою рѣчкой и только зеленая деревянная крыша его да окна выглядывали изъ густо разросшихся кустовъ жасмина и сирени. Вокругъ него шумѣлъ запущенный, заросшій лопухами и дудочникомъ, старый садъ, полный раскидистыхъ яблонь и стройныхъ грушъ и пересѣченный березовыми аллеями; прохлада и тѣнь царили въ нихъ даже въ знойный полдень.

Аграфена Степановна два мѣсяца назадъ въ семидесятый разъ отпраздновала день своего рожденія, и хотя крѣпко погнулась къ землѣ, но была бодра и подвижна, несмотря на значительную полноту.

Проживала она въ имѣніи не одна; съ ней жила единственная дочь ея, давно овдовѣвшая, Серафима Семеновна Рѣпьева, полная, что мать, но еще болѣе добродушная и привѣтливая.

Два мѣсяца назадъ въ Рыбномъ праздновали не только день рожденія его владѣлицы, но и свадьбу старшей внучки ея Ани, вышедшей замужъ за молодого сосѣда, помѣщика Александра Николаевича Шемякина.

Младшая—и послѣдняя—дочка Серафимы Семеновны, Соня, оставалась еще дома и наполняла его жизнью и смѣхомъ.

Но и она уже была на излетѣ и около нея цѣлымъ роемъ увивалась молодежь.

Аграфена Степановна съ дочерью, внучкой и двумя пожилыми приживалками сидѣли на балконѣ, высокія бѣлыя колонны котораго густо обвивалъ плющъ, и кушали душистый варенецъ, когда за садомъ послышался приближавшійся звонъ колокольчика.

Синеглазая, румяная Соня съ длинной, почти бѣлой косой положила ложку.

— Это къ намъ? сказала она и прислушалась. — Ну, конечно, къ намъ! Нашихъ звонокъ! она бросила скомканную салфетку на скатерть и вскочила.

— Сиди, егоза, сиди... кончай кушать! проговорила Серафима Семеновна, но та уже сбѣжала по ступенькамъ балкона и голубое платье ея замелькало среди кустовъ.

Не больше какъ черезъ минуту она вихремъ взлетѣла обратно.

— Не они... гусары пріѣхали! едва переводя духъ, возвѣстила она, садясь на свое мѣсто и принимая чинный видъ.

Въ залѣ послышалося звяканье шпоръ и сквозь стеклянную дверь показались голубые ментики Курденко и Свѣтицкаго.

На балконѣ они сдѣлали по глубокому поклону и, звякнувъ шпорами, подошли къ ручкѣ дамъ.

— А къ вамъ еще гости будутъ сейчасъ! сказалъ Курденко, послѣ обмѣна обычными привѣтствіями и принимаясь за очутившуюся передъ нимъ тарелку съ варенцомъ.

Свѣтицкій отъ варенца отказался и, молча, но выразительно, поглядывалъ на Соню.

— Кто такіе? спросила Аграфена Степановна.

— Грунины всей семьей; мы ихъ обогнали по дорогѣ.

— Вотъ и отлично! Павла Андреевна, обратилась Серафима Семеновна къ одной изъ приживалокъ,—похлопочите, голубушка, насчетъ кофею!

Соня поняла, наконецъ, выразительные взгляды Свѣтицкаго, встала, медленно отошла къ сходу въ садъ и, заложивъ руки за спину, устремила глаза куда-то вдаль.

Свѣтицкій далъ товарищу время вовлечь въ разговоръ дамъ, затѣмъ поднялся и пошелъ къ Сонѣ.

— Что новенькаго у васъ въ городѣ слышно? спросила Серафима Семеновна, любившая послушать городскіе толки; Аграфена Степановна относилась къ нимъ равнодушно.

— А что у насъ можетъ быть новаго? отвѣтилъ гусаръ:—мы вѣдь своимъ міркомъ больше живемъ...

— Слыхала я! нѣсколько недовольнымъ тономъ произнесла Степнина:—монастырь какой-то устроили... правда, что-ль?

— Пустое! усмѣхнувшись, возразилъ Курденко: — такъ, шутимъ мы между собой.

— Да развѣ священнымъ шутятъ?.. сказала Степнина:—чины, сказываютъ, у васъ всякіе есть?

— Мы священнаго и не касаемся, Аграфена Степановна.

— На тебѣ-то чинъ какой?

По праву старости она, какъ было общепринято въ тѣ времена, всѣмъ говорила „ты".

— Я келарь... Курденко засмѣялся.—Вѣдь у насъ общежитіе, Аграфена Степановна, кто-нибудь долженъ же хозяйственными дѣлами вѣдать, вотъ я и вѣдаю... Ей-Богу, ничего грѣховнаго не дѣлаемъ!

Аграфена Степановна покачала головой.

— То-то вотъ, дурите вы всѣ въ молодости, а потомъ и пойдете полы церковные лбомъ протирать, да всѣмъ святымъ надоѣдать, чтобъ умолили за васъ!

— А гдѣ же Сонечка? хватилась Серафима Семеновна.

Но Сонички и Свѣтицкаго уже и слѣдъ простылъ: они неслись на перегонки въ аллеѣ и издали слышались ихъ веселые, звонкіе голоса.

Такіе же голоса раздались вдругъ и въ залѣ.

— Да это наши молодые, никакъ? сказала Серафима Семеновна и радостная улыбка, словно солнечный лучъ, облила все лицо ея.

На балконъ вбѣжала и бросилась цѣловать мать и бабушку Аня; за нею, стараясь казаться солиднымъ, вошелъ ея мужъ. Обоимъ имъ вмѣстѣ было лѣтъ сорокъ, оба были ростъ въ ростъ,—небольшіе и худенькіе, и только на свѣжемъ лицѣ Ани, что васильки, свѣтились большіе, синіе глаза, а у мужа ея они притаились, сѣрые и насмѣшливые, подъ навѣсомъ высокаго лба.

Усы у него только еще намѣчались, но тѣмъ не менѣе были уже для серьезности тщательно выбриты; на видъ ему можно было дать нѣсколько больше его двадцати двухъ лѣтъ.

— Мамочка, онъ такъ мнѣ надоѣлъ, такъ надоѣлъ, силъ моихъ нѣтъ! весело щебетала Аня, указывая рукою на мужа, стоявшаго заложивъ руку за бортъ сѣраго сюртука и отставивъ ногу, обутую въ черный чулокъ и щегольскую туфлю.

— Да ну? Такъ скоро? улыбаясь, спросила Серафима Семеновна.

— Я дома сижу, подушку для него же вышиваю, а онъ передъ зеркаломъ станетъ, охорашивается и говоритъ: „ахъ, Аничка, какъ я радъ, что ты такая счастливая!“ Чѣмъ счастливая?—„А мужъ у тебя ужъ очень хорошъ!“ А сегодня осмѣлился сказать, что „завидуетъ“ мнѣ! Это же дерзость? Бабушка, мамочка, скажите,—ну, развѣ онъ лучше меня?

Подъ смѣхъ и обсужденіе этого важнаго вопроса на балконѣ появились новыя лица — семья Груниныхъ; всѣ, кромѣ Аграфены Степановны, поднялись имъ навстрѣчу.

— У васъ веселье, смѣхъ, какъ и всегда! произнесла, цѣлуясь съ дамами, Марья Михайловна.

— А вотъ они все, потѣшники! отвѣтила Серафима Семеновна, усаживая гостей вокругъ стола.—Каждый день что-нибудь новое выдумаютъ!

Ловкій Курденко тѣмъ временемъ предложилъ руку черноглазой Нюрочкѣ, и никто не замѣтилъ, какъ исчезла и вторая пара.

— Новостей я вамъ привезла изъ Рязани—цѣлый коробъ! продолжала Марья Михайловна.—Одна такая, что и не повѣрите!..

— Ну, ну, сказывайте, какая? заинтересовалась Серафима Семеновна, но гостья пила маленькими глоточками свой любимый кофе и наслаждалась интересомъ, вызваннымъ ея словами.

Супругъ ея внушительно тронулъ себя за баки.

— Пента... началъ было онъ, но Марья Михайловна безцеремонно ткнула его локтемъ.

— Пожалуйста, помолчи! обрѣзала она. — Пентауровъ... строитъ .. театръ!

Новость, къ ея удивленію, впечатлѣнія разорвавшейся бомбы не произвела.

— А Господь съ нимъ, пускай! отозвалась Степнина.

— Да вѣдь Пентауровъ, не кто-нибудь другой! продолжала Марья Михайловна—вотъ что удивительно! Два

года сиднемъ сидѣлъ, ни слуху о немъ, ни духу не было, и вдругъ—театръ?

— Что же представлять въ немъ будутъ? задала вопросъ Серафима Семеновна.

Антонъ Васильевичь поднялъ руку къ бакамъ, безъ чего, какъ это было извѣстно всей Рязани, онъ не могъ начать говорить и хотѣлъ что-то сказать, но не успѣлъ.

— Помолчи хоть немного! еще внушительнѣе, чѣмъ въ первый разъ осадила его супруга. — Вотъ въ этомъ то и загвоздка! Можете себѣ представить,—дирижера настоящаго себѣ изъ Москвы выписалъ, дворовымъ ученья у него теперь каждый день происходятъ; ну совсѣмъ какъ солдатъ на площадяхъ муштруютъ! Одинъ актеръ съ кругу спился съ горя, актерку высѣкли одну... Ты опять? Господи, что за несносный человѣкъ! вскинулась снова Марья Михайловна на дернувшаго рукой мужа.

— Матушка, да ты меня кофеемъ обварила!.. взмолился онъ, указывая на пальцы, покрытые кофейною гущей изъ разлитой въ порывѣ увлеченія, только-что поданной его женѣ второй чашки.

— Ну, такъ что жъ изъ этого? Кажется, невелика бѣда!.. отвѣтила та, пришлепывая салфеткой мокрое мѣсто на скатерти.—Домъ подъ театръ большой строитъ. Теперь катанье около него началось,—ну, совершенно, какъ по Елисейскимъ Полямъ въ Парижѣ... рѣшительно всѣ ѣздятъ!.. засыпала она опять словами.

— Вѣдь больно... я хотѣлъ только это сказать... пробормоталъ Грунинъ, воспользовавшись минутой, когда Марья Михайловна пригубила свой кофе.

— Видите, какой характеръ у человѣка отвратительнѣйшій? обратилась ко всѣмъ Марья Михайловна, съ сердцемъ ставя чашку на блюдце. — Покоя отъ него нѣтъ, цѣлые дни ворчитъ и брюзжитъ!...

— Я не ворчу совсѣмъ, а только...

Марья Михайловна схватилась за уши.

— Довольно, ради Бога, довольно, не дѣлай мнѣ сценъ хоть въ гостяхъ! величественно добавила она, опуская руки и подаривъ мужа уничтожающимъ взгля,

домъ.—Удивляюсь, какъ это я могла двадцать лѣтъ съ такимъ человѣкомъ прожить?!

— Что жъ такое съ Пентауровымъ случилось? поспѣшила сказать Серафима Семеновна, чтобы прекратить супружескія недоразумѣнія.

— Ой! вдругъ громко произнесъ Шемякинъ, сидѣвшій на противоположномъ концѣ стола рядомъ съ женой.

Всѣ оглянулись въ ихъ сторону; Аничка покраснѣла до ушей.

— Аня щиплется, маменька... сохраняя серьезный видъ, заявилъ Шемякинъ.

— Все лжетъ противный! воскликнула Аничка: — а если я скажу, какія ты мнѣ сейчасъ на ухо глупости шепталъ?

— А если я скажу, какія ты мнѣ умности шептала?

— Не смѣешь!

— Она сказала: вотъ и я съ тобой такъ...

Аничка вскочила и зажала ему ротъ салфеткой. — Господи? какъ я только могла за такого глупаго замужъ выйти?!

— Бабушка... тономъ изнеможенія обратился, освободившись отъ салфетки, Шемякинъ къ Аграфенѣ Степановнѣ. — Она меня въ гробъ вгонитъ дерзостями: въ часъ шестьдесятъ разъ дуракомъ называетъ! Ей-Богу, я больше двухъ разъ не заслуживаю!

— Ну, и подѣломъ, значитъ! смѣясь, отвѣтила старуха.

— Маменька, такъ же нельзя, вѣдь я же глава! Дьяконъ-то что въ церкви читалъ, ты забыла? строго добавилъ онъ, повернувшись къ женѣ.

Та сдѣлала ему изъ за спины бабушки реверансъ.

— Вашъ дьяконъ по старой книгѣ читалъ; въ новомъ изданіи это про жену сказано.

— Бабушка, уймите!

— Коли ты глава, ты и унимай!

— А, такъ? трагическимъ тономъ произнесъ Шемякинъ, вставая со стула и засучивая рукава:—расправлюсь самъ!

— Еще поймай сперва! крикнула Аня, спасаясь въ садъ; за нею помчался Шемякинъ.

— Очень милы, очень... дѣланнымъ тономъ произнесла Марья Михайловна, лорнируя ихъ вслѣдъ.

— Котята, совсѣмъ котята.., любовно сказала Серафима Семеновна, принимавшая слова гостьи за чистую монету.

— А Нюрочка моя гдѣ же? удивилась гостья, только тутъ увидавъ, что дочери около отца нѣтъ.

— Въ саду давно; тамъ и моя Соня... поспѣшила успокоить ее Серафима Семеновна, и Марья Михайловна опять, какъ дождемъ, принялась поливать хозяекъ новостями.

ГЛАВА VI.

— Правда, чудный у насъ садъ? воскликнула Соня, добѣжавъ до круглой площадки среди аллеи и остановившись на ней.—Я его такъ люблю! Вся сіяющая и радостная отъ молодости и избытка силъ, она была очень мила, и Свѣтицкій, и безъ того неравнодушный къ ней, почувствовалъ себя покореннымъ окончательно.

— Садъ отличный! отвѣтилъ онъ: — у васъ здѣсь все хорошо, Софья Александровна!

Дѣвушка не поняла затаеннаго смысла его словъ.

— Правда вѣдь? сказала она, идя рядомъ съ гусаромъ и обмахиваясь вѣткой жасмина.—Эта часть передъ домомъ у насъ называется бабушкинымъ садомъ: она сама здѣсь много деревьевъ посадила. А вотъ на этой скамейкѣ—Соня указала рукой на зеленую скамью, затаившуюся подъ столѣтнимъ кленомъ,—она въ первый разъ съ дѣдушкой въ любви объяснилась. И папа съ мамой тоже...

— Наслѣдственная скамья... отозвался Свѣтицкій.

— Да, да! И каждый уголокъ здѣсь полонъ какихъ-нибудь воспоминаній: это такъ хорошо имѣть такой садъ, правда? Иной разъ идешь одна, задумаешься —и вдругъ видишь дѣдушку съ бабушкой совсѣмъ молоденькими, знаете, какъ на большихъ портретахъ, что въ гостиной висятъ, и папу... всѣ точно оживутъ и гу-

ляютъ по аллеямъ съ тобой! Бабушка вѣдь очень красивая была!

— У васъ всѣ очень красивыя въ семьѣ... несмѣло замѣтилъ Свѣтицкій.

Соня не отвѣтила, и молодые люди, оба покраснѣвъ, молча, шли по аллеѣ. Свѣтицкій волновался и не находилъ ни словъ, ни рѣшимости произнести то, что кипѣло внутри его.

— А вы, Софья Александровна, гдѣ—здѣсь будете объясняться? вполголоса спросилъ, наконецъ, онъ и заалѣлъ по самыя уши.

— Непремѣнно на ней же! отвѣтила, улыбаясь, Соня.

Гусаръ остановился.

— Такъ... можетъ быть, мы пойдемъ посидимъ на ней?

Соня въ смущеніи скрутила вѣтку жасмина.

— Нѣтъ, лучше побѣгаемъ! вырвалось у нея и она бросилась бѣжать въ глубину сада.

Гусаръ постоялъ нѣсколько секундъ съ разочарованнымъ видомъ, затѣмъ вдругъ ожилъ и кинулся вдогонку.

Курденко пріѣхалъ въ Рыбное только изъ чувства товарищества, какъ онъ выразился Свѣтицкому, когда тотъ упрашивалъ его ѣхать съ нимъ и тѣмъ ему дать возможность побыть наединѣ съ Соней.

Бесѣдовать со старухами онъ не любилъ и потому былъ очень доволенъ, когда оказалось, что у Степниныхъ составится для него болѣе подходящее общество въ видѣ Нюрочки Груниной.

Груниной, да и вообще никѣмъ изъ барышень и дамъ, Курденко особенно не интересовался, но любилъ всѣхъ поддразнивать и пользовался славой сердцѣда и опаснаго человѣка.

Имѣлъ онъ большой успѣхъ и у Нюрочки Груниной, и бойкой дѣвицѣ очень хотѣлось назваться поскорѣе мадамъ Курденко. Поэтому, когда гусаръ преувеличенно галантно подалъ ей согнутую въ видѣ кренделя руку, она тотчасъ продѣла въ нее свою и съ затаенною

радостью въ душѣ отправилась съ нимъ въ прохладныя сумерки аллеи.

— А куда вашъ Свѣтицкій дѣвался? съ невиннымъ видомъ спросила Нюрочка.

— Гдѣ „мой" Свѣтицкій, не знаю, а свой собственный былъ на балконѣ.

— А Соничка гдѣ?

— Была тамъ же.

— Гдѣ же они теперь?

— Тамъ же, гдѣ и мы съ вами, вѣроятно... что, развѣ это неприлично? Скорѣе вернемся тогда назадъ! добавилъ Курденко, замѣтивъ, что Нюрочка съ легкой гримасой поджала губки.

— Нѣтъ, нѣтъ, отчего же, нисколько... отвѣтила та, удерживая своего спутника. — Разскажите, что вы подѣлываете... Все кутите?

— Помаленьку-съ... отвѣтилъ Курденко.

— Нехорошо!.. Нюрочка покачала головой.

— Неужели?

— Вы неисправимы. И все также, конечно, ухаживаете за всѣми?

— Я? искренно удивился Курденко. — Помилуйте, ужъ въ этомъ-то, кажется, негрѣшенъ!

— Пожалуйста... она погрозила пальцемъ, — я все знаю!

— А! Со всезнающими не спорю!

— Вотъ видите, сами сознаетесь? Знаете, что мнѣ ужасно хочется? Нюрочка кокетливо склонила голову и заглянула снизу вверхъ въ лицо гусара.

— Лишенъ этой чести...

— Женить васъ!

Курденко высвободилъ руку и отступилъ на шагъ отъ своей дамы.

— Не говорите такихъ страстей: къ вечеру дѣло идетъ! произнесъ онъ съ притворнымъ ужасомъ.—Кѣмъ же вы собрались осчастливить меня, осмѣлюсь узнать?

— А ужъ это выбирайте сами! еще игривѣе отвѣтила Нюрочка:—я у васъ посредницей буду!

— Интересуетъ меня одна барышня... медленно,

какъ бы въ раздумьи, началъ Курденко: — да не пара она мнѣ!

Глаза Нюрочки заблестѣли подъ опущенными рѣсницами.

— Кто она? скромно поинтересовалась она.

— Фамиліи пока не назову...

— Почему же вы думаете, что она не пара вамъ?

— Да, видите ли, грѣшенъ ужъ я очень, въ адъ прямо попаду, а она святая, въ рай мѣтитъ... намъ и не по пути выходитъ!

— Ну, а если она и въ адъ готова вмѣстѣ съ вами идти? Нюрочка остановилась, выпрямилась и съ такой выразительностью произнесла эти слова, что Курденко понялъ, что еще мигъ и онъ попадетъ въ адъ гораздо скорѣе, чѣмъ разсчитываетъ.

— Нѣтъ, я не тороплюсь! пусть ужъ она одна туда отправляется! насмѣшливо отвѣтилъ онъ:—человѣкъ я набожный, мнѣ надо сперва отмолиться какъ слѣдуетъ въ монастырѣ!

Станъ Нюрочки принялъ обычное положеніе; она закусила губы.

Молча сдѣлали они шаговъ двадцать и, выйдя на перекрестокъ аллей, столкнулись съ другой парой — Соней и Свѣтицкимъ.

И тѣ и другіе увидали неожиданную картину: на бабушкиной скамейкѣ сидѣла Аня, а около нея на колѣняхъ стоялъ Шемякинъ и, обнявъ, цѣловалъ ее въ шейку.

Услыхавъ голоса, Шемякинъ оглянулся, медленно поднялся съ колѣнъ и сѣлъ около жены.

— Господа, я въ этой ужасной сценѣ невиноватъ: я былъ только Адамомъ! сказалъ онъ, обчищая, песокъ съ колѣнъ:—вы всѣ видѣли, какъ она меня цѣловала?

Аничка всплеснула руками.

— Ты совсѣмъ безсовѣстный! воскликнула она: — господа. да вѣдь это же онъ меня цѣловалъ?!

Подъ начавшійся смѣхъ и шумъ Соня съ улыбкой обратилась къ насупившемуся Свѣтицкому.

— Ничего не подѣлаешь... наша вакансія занята, Дмитрій Назаровичъ!

Всѣ веселой гурьбой направились къ дому,

Нюрочка, чтобы наказать своего дерзкаго кавалера, взяла подъ руку Соню и пошла рядомъ съ ней и съ Шемякинымъ.

Гусары нѣсколько поотстали.

— Что, отче звонарь, мраченъ? спросилъ Курденко:—иль не выгорѣло?

Свѣтицкій молча кивнулъ головой.

— Эка, нашли чего печалиться! Хотите утѣшиться —подите скорѣй къ этой,—онъ указалъ на Нюрочку:— эта сейчасъ къ вамъ на шею бросится!

— Неинтересно! пробурчалъ Свѣтицкій.

На балконѣ встрѣтило ихъ еще новое лицо: Федоръ Андреевичъ Плетневъ, невысокій ростомъ и необычайно застѣнчивый молодой человѣкъ, близкій сосѣдъ Степниной.

Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы онъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ не заглянулъ въ Рыбное и, конечно, застрѣвалъ тамъ на цѣлый вечеръ. Говорилъ онъ мало и, когда пріѣзжалъ, все время сидѣлъ около старушекъ, слушалъ ихъ или игралъ съ ними въ карты.

Только темные глаза его, всегда искавшіе Соню и краска, вспыхивавшая на лицѣ, когда она останавливалась вблизи его стула, выдавали истинную причину его визитовъ.

Говорить съ Соней онъ почти не осмѣливался и виной тому была не только врожденная робкость, но еще въ большей степени недостатокъ, который необычайно волновалъ и мучилъ самолюбиваго молодого человѣка: онъ заикался.

Въ Рыбномъ всѣ до того привыкли къ его посѣщеніямъ, что̀ если онъ не пріѣзжалъ въ какой-нибудь изъ дней, всѣ удивлялись и спрашивали другъ друга,— не случилось ли чего съ Федоромъ Андреевичемъ.

Только одинъ человѣкъ не то что недолюбливалъ, а холодно и нѣсколько пренебрежительно относился къ всегда услужливому и благовоспитанному Федору Андреевичу—старая, крѣпкая, что дубъ, нянька Ани и Сони,—Ненила. Такъ она впрочемъ относилась ко всей

молодежи, начинавшей уже увиваться вокругъ ея любимицы—Сони.

Поздоровавшись съ Плетневымъ, Соня бросилась къ матери.

— Мамочка, милая, сыграй намъ, мы танцовать хотимъ.

Серафима Семеновна встала и, подхваченная подъ руки дочерями, почти побѣжала съ ними въ домъ.

Шемякинъ шелъ за ними.

— Аня... Соня... какіе манеры... у меня волосы дыбомъ встаютъ! говорилъ онъ, поднявъ вверхъ плечи.

Въ старомъ залѣ съ хорами раздались звуки вальса. Шемякинъ обхватилъ сзади жену за талію и первая пара закружилась по паркету; второй пошли Свѣтицкій съ Соней, третьей Курденко съ Нюрочкой. Лакеи проворно зажигали свѣчи.

— Какъ вамъ ни непріятно танцовать со мной, а ужъ, такъ и быть,—удостойте! сказалъ Курденко Нюрочкѣ, звякнувъ шпорами и наклонивъ не то съ повинной, не то съ насмѣшкою голову.

— Противный... томно произнесла та, склонившись ему почти на самое плечо.

За вальсомъ послѣдовалъ менуэтъ, послѣ него Аничка затребовала гросфатеръ и въ этомъ важномъ дѣдовскомъ танцѣ смѣшилъ всѣхъ чопорностью и самыми неожиданными штуками Шемякинъ.

Только послѣ ужина, около полуночи, стали разъѣзжаться гости изъ Рыбнаго.

Серафима Семеновна и Соня вышли провожать ихъ на крыльцо.

Ночь была темная, безлунная; лакеи свѣтили фонарями господамъ, сходившимъ съ лѣстницы. У крыльца на дворѣ виднѣлись позванивавшіе колокольцами и бубенцами два четверика и тройка; на лѣвыхъ коняхъ первыхъ сидѣли форрейторы съ длинными шестами въ рукахъ, на концахъ которыхъ дымно пылали смоляные факелы.

Около тройки офицеровъ вертѣлся на сѣромъ конѣ подлужный гусаръ тоже съ факеломъ въ рукѣ. Гости разсѣлись по своимъ экипажамъ, раздались про-

щальные возгласы. колокола дрогнули и пошли заливаться въ перебой другъ другу все дальше и дальше отъ дома; красный свѣтъ факеловъ замелькалъ сквозь навѣсъ вѣтвей на дорогѣ-аллеѣ и затѣмъ разомъ погасъ у поворота за садъ.

Хозяева вернулись въ домъ; Соня простилась съ матерью и побѣжала къ себѣ, а Серафима Семеновна направилась зачѣмъ-то въ залъ и задумалась у клавикордъ.

— Что, матушка, пригорюнилась? спросила высокая, крѣпкая, съ темнымъ морщинистымъ лицомъ старуха, вошедшая вслѣдъ за ней и начавшая тушить свѣчи.

— А такъ, Ненилушка... опомнившись, отозвалась Серафима Семеновна. — Жизнь-то, гляжу, наша очень ужъ скоро бѣжитъ... Давно ли я сама молода была и такъ же вотъ здѣсь плясала... И все прошло; далеко, далеко все гдѣ-то!,.

— Такъ ужъ Богомъ устроено! отвѣтила Ненила.— Всякому овощу свое время, сказываетъ пословица.

— А и совсѣмъ осиротѣемъ, должно быть, скоро: Сонюшка-то у насъ—того и гляди, улетитъ, пожалуй! вдругъ сказала Серафима Семеновна.

Ненила опустила руку со щипцами для свѣчей и повернулась къ барынѣ.

— Какъ это такъ улетитъ?

— А какъ Аничка: замужъ выйдетъ.

— Молода еще! буркнула Ненила:—для нея здѣсь и жениховъ невырощено!

— Ну, не говори, есть и хорошіе...

— Кто такіе?

— Свѣтицкій, Дмитрій Назаровичъ...

Ненила неодобрительно мотнула головой.

— Федоръ Андреевичъ... этотъ, какъ мужъ, еще лучше будетъ!

— Ну, ужъ и мужъ! презрительно протянула Ненила:—да его за одну ночь кошка съѣстъ!

Серафима Семеновна разсердилась.

— Какія ты глупости говоришь! Развѣ въ ростѣ дѣло? Онъ отличный человѣкъ...

— И поотличнѣе еще сыщется! Съ такимъ мужемъ нешто можно жить: онъ въ годъ-то пять словъ всего вымолвитъ — начнетъ говорить, а его сейчасъ и закупоритъ!

Серафима Семеновна махнула рукой и ушла въ спальню.

Ненила, ворча, погасила послѣднія свѣчи, и старый домъ погрузился въ темноту и безмолвіе.

ГЛАВА VII

Совсѣмъ близко отъ Рыбнаго, всего верстахъ въ двухъ отъ него, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ произошла когда-то битва съ татарами, раскинулось по берегамъ рѣки Вожи привольное имѣніе Пентаурова.

Барскій домъ стоялъ на высокомъ нагорномъ берегу ея и черезъ огромный садъ, спускавшійся до самой рѣки, глядѣлъ на заливные луга, безпредѣльною степью разлегшіеся по ту сторону.

Поодаль отъ усадьбы подымала надъ березовой рощей синія главы и золоченые кресты церковь; тамъ, вокругъ нея спали, по преданію, воины, легшіе за Русь въ знаменитой битвѣ.

Начинаясь отъ церкви, березовая роща полукругомъ окаймляла всю усадьбу Пентаурова и упиралась другимъ концомъ въ рѣку. Въ томъ крылѣ ея, неподалеку отъ сада, лежала громадная каменная глыба; старики утверждали, что она съ гуломъ и трескомъ, въ видѣ огненной бомбы, упала ночью съ неба.

Недоброй славой пользовался этотъ „чертовъ“ камень и ходившіе по грибы и ягоды бабы и дѣти избѣгали показываться вблизи него.

Нелучшая слава витала и надъ мрачнымъ барскимъ домомъ.

Говорили, что въ горѣ подъ нимъ имѣются обширныя подземелья, вырытыя еще разбойниками, когда-то подвизавшимися въ тѣхъ мѣстахъ; будто гдѣ-то въ нихъ спрятанъ несмѣтный, заклятой кладъ и нечистая сила день и ночь сторожитъ его. Въ самомъ домѣ не

разъ якобы видѣли привидѣніе и всегда оно появлялось передъ чьей-либо смертью, либо передъ несчастьемъ.

Благодаря всѣмъ такимъ слухамъ и толкамъ, суевѣрный Пентауровъ и не поселился въ Баграмовѣ, а предпочелъ ему свой рязанскій домъ.

Но баграмовскія хоромы стояли непустыя: въ нихъ проживала мать Пентаурова, суровая и нелюдимая Людмила Марковна со своею воспитанницей Леней.

Вѣсть о затѣѣ Владиміра Степановича долетѣла до нихъ послѣднихъ, когда подъ топорами многочисленныхъ рабочихъ театръ поднялся уже до высоты двухъэтажнаго дома и оставалось только покрыть его крышей.

Огромныя размѣры зданія опять явились предметомъ недоумѣнія для любознательныхъ рязанцевъ; Соловьева и Званцевъ, несмотря на все свое усердіе, только путали и сбивали всѣхъ съ толку въ догадкахъ о цѣли такой обширности зданія и, чтобы покончить со всякими недоразумѣніями, энергичная Грунина рѣшила покончить все разомъ.

Когда-то давно, лѣтъ пятнадцать назадъ, Грунина поѣхала съ мужемъ на богомолье въ Солотчинскій монастырь и тамъ въ церкви послѣ обѣдни сдѣлалась свидѣтельницей слѣдующаго.

Какая-то, важная по виду, старая барыня, высокая и прямая, несмотря на годы свои, со строгимъ землистымъ лицомъ вошла въ сопровожденіи толпы приживалокъ въ храмъ и, подойдя къ одному изъ іеромонаховъ—старенькому и низенькому—заказала ему отслужить молебенъ съ акаѳистомъ святому Николаю.

Старичокъ надѣлъ эпитрахиль и пошелъ къ боковому придѣлу, гдѣ находился образъ святого. Барыня и ея свита двинулись за нимъ. Слѣдомъ же пошла и Марья Михайловна, очень заинтересовавшаяся незнакомкой и причиной молебна.

Спѣшилъ ли куда отецъ іеромонахъ, отъ природы ли былъ скоръ на языкъ, но только съ первыхъ же словъ службы онъ зачастилъ и заторопился.

Дама сдвинула брови, потомъ нагнулась къ сто-

явшей чуть позади и подшмыгнувшей къ ней приживалкѣ и довольно громко произнесла: — скажи, что бъ не спѣшилъ!

Приживалка подкатилась къ іеромонаху и шепоткомъ, почтительно передала ему слова барыни.

Тотъ сталъ служить медленнѣй, но какъ только дошелъ чередъ до акаѳиста и онъ началъ—„радуйся, святителю отче, Николае, радуйся, великій чудотворче", — языкъ у него точно сорвался съ привязи, забормоталъ, забрыкалъ, закидалъ словами и только и слышно было, что возгласы „радуйся, радуйся"...

Барыня, стуча палкой, на которую опиралась, сама подошла къ увлекшемуся іеромонаху и дернула его за широкій рукавъ. Тотъ оглянулся.

— Ты, отецъ, тутъ одинъ радуйся, а я къ другому пойду! громко и властно проговорила она и, повернувшись, пошла со своими приживалками искать другого священника.

Тотъ, что служилъ, такъ и застылъ съ поднятымъ кадиломъ въ рукѣ и съ застрявшимъ „радуйся" въ горлѣ.

Послѣ молебна барыня была у настоятеля и тамъ Марьѣ Михайловнѣ удалось познакомиться съ ней и узнать кто она такая.

Дама оказалась Пентауровой.

Давно забытая сцена эта вдругъ воскресла въ памяти Груниной, когда на обратномъ пути изъ Рыбнаго она услыхала слова мужа, сказанныя имъ Нюрочкѣ на одномъ перекресткѣ:—эта дорога ведетъ въ Баграмово, къ старухѣ Пентауровой!

Марья Михайловна даже ударила себя ладонью по по лбу.

— Господи, какъ я могла забыть? загадочно для своихъ спутниковъ воскликнула она: мысль съѣздить подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ старухѣ, возобновить съ ней знакомство и такимъ путемъ узнать не только про планы ея сына насчетъ театра, но и „все, рѣшительно все", разомъ осѣнила ее.

Планъ этотъ такъ вдохновилъ Марью Михайловну, что она, не откладывая въ долгій ящикъ, на другое же

утро приказала закладывать лошадей и безъ обычной свиты своей изъ мужа и дочери, безмолвная и важная, какъ сфинксъ, одна усѣлась въ коляску и отправилась въ путь.

Людмила Марковна полулежала въ глубокомъ, обитомъ малиновымъ бархатомъ креслѣ на балконѣ и слушала чтеніе Лени, помѣщавшейся на скамеечкѣ около нея, когда изъ дверей выскочилъ растрепанный и босоногій казачокъ—мальчишка въ широкой хламидѣ изъ желтой нанки.

— Барыня, гости! съ испугомъ проголосилъ онъ, не зная, что предпринимать въ такомъ необыкновенномъ случаѣ.

Людмила Марковна приподнялась.

— Кто такіе? съ недоумѣніемъ спросила она.

— Лакей!... отвѣтилъ мальчишка.

— Сходи, Леня, посмотри, обратилась Пентаурова къ дѣвушкѣ, опустившей книжку на колѣни.—Путаетъ этотъ дуралей что-то!

Та встала, пошла за казачкомъ и черезъ минуту быстро вернулась обратно.

— Тамъ лакей какой-то Груниной... сообщила она: —говоритъ, что коляска у нихъ въ дорогѣ сломалась, спрашиваетъ, примите ли вы ее?..

— А Грунина эта гдѣ?

— Въ колескѣ сидитъ.

— Скажи, чтобъ просили... Странно... какъ бы про себя добавила Пентаурова.—Кто она такая?

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалась Марья Михайловна, облеченная въ свѣтло-зеленое платье; на головѣ ея красовалась закрывавшая щеки, похожая на опрокинутую лодку, дорожная соломенная шляпка, съ подвязанными подъ жирнымъ подбородкомъ широкими алыми лентами; на плечахъ была накинута желтая шаль.

— Я такъ сконфужена, такъ смущена, что и не знаю, какъ выразить! начала она еще у порога:— вообразите, какая непріятность—я спѣшу въ свое имѣніе и вдругъ у самой вашей околицы колесо прочь; гайку, оказывается, мой ротозѣй кучеръ потерялъ... Вы меня

не узнаете? прервала она сама себя и, склонивъ голову на бокъ, съ нѣжнѣйшей улыбкой остановилась передъ Пентауровой.

Та не шелохнулась.

— Нѣтъ, отвѣтила она:—извините, что не встаю,—ноги больныя!

— Ахъ, пожалуйста, не безпокойтесь! воскликнула Марья Михайловна.—Конечно, вы и не могли узнать меня: я такъ постарѣла за эти года, что мы не видѣлись! а вотъ вы—вы ничуть не измѣнились. все такая же, точно вчера видѣлись...

— Садитесь же! почти приказала Людмила Марковна.—Кофею! кинула она тѣмъ же тономъ приживалкѣ, высунувшейся изъ двери со старою моською въ рукахъ.

Приживалке исчезла.

Леня пододвинула стулъ къ креслу Людмилы Марковны.

— Ахъ, какая собачка прелестная! воскликнула гостья, успѣвшая узнать въ деревнѣ о большой слабости хозяйки къ моськамъ; о существованіи Лени она знала давно по смутнымъ толкамъ въ Рязани и кидала теперь на нее внимательные взгляды.

Каменное лицо старухи нѣсколько смягчилось.

— Гдѣ жъ мы видались, не помню?.. проговорила она.

— Въ Солотчинскомъ монастырѣ, у настоятеля отца Памфила... у Марьи Михайловны былъ на концѣ языка молебенъ съ акаѳистомъ, но она во время удержалась:—я не разъ тамъ имѣла удовольствіе встрѣчаться съ вами!..

— А... протянула Пентаурова.—вотъ гдѣ!.. Да, давно это было...

— Летитъ время, летитъ... подхватила соболѣзнующимъ голосомъ гостья:—не успѣла я, кажется, замужъ выйти, а ужъ у меня дочь невѣста и сама я стала старухой!

Лакей, такого же растрепаннаго вида, какъ мальчишка, внесъ на огромномъ подносѣ чашки съ кофей-

никомъ, бѣлыя булки съ масломъ и домашнее печенье на закрытомъ салфеточкой лоточкѣ.

— Столъ сюда! приказала Пентаурова, указавъ рукой на мѣсто между нею и гостьей.

Лакей бросился въ комнаты и поставилъ, гдѣ слѣдовало, столъ и все принесенное.

— Леня, хозяйничай!

Дѣвушка поднялась со своей скамеечки у ногъ Пентауровой, обошла вокругъ кресла и стала разливать кофе. Марью Михайловну поразило спокойствіе и изящество, какими было проникнуто все существо дѣвушки: воспитанницы разныхъ барынь—старухъ бывали въ тѣ времена нѣчто среднее между горничной дѣвкой и приживалкой, краснорукія, запуганныя, неловкія, а эта была и одѣта, совсѣмъ какъ барышня, въ легкое бѣлое платье, обрисовывавшее ея стройную фигуру и руки у нея были бѣлыя и нѣжныя, подъ стать продолговатому лицу и пушистымъ пепельнымъ волосамъ.

Глаза Лени привели Марью Михайловну во внутреннее негодованіе: большіе и каріе, окруженные густыми темными рѣсницами, они спокойно, какъ на равныхъ себѣ, глядѣли въ глаза ей и Пентауровой.

— А, какова?! проносилось въ мозгу Груниной.— Дрянь, дѣвка простая, а совсѣмъ барышня!

Пара жирныхъ старыхъ мосекъ тяжело перевалилась черезъ порогъ и съ сиплымъ лаемъ подбѣжала къ гостьѣ. Одна остановилась около нея и, хрипя и задыхаясь, замахала скрюченнымъ хвостомъ.

— Чудный, чудный! Ахъ, какой песикъ! восхитилась Марья Михайловна, дѣлая попытку погладить мопса, что ей не удалось, благодаря собственной горообразной груди, упершейся ей въ самый носъ.—Людмила Марковна, можно ему дать печеньица?

— Не станетъ ѣсть... отозвалась та.—Леня, дай смоквы!

Дѣвушка принесла коробку и, раскрывъ, поставила ее около гостьи.

— На тебѣ, миленькій! на тебѣ, красавчикъ!.. нѣжно засюсюкала Марья Михайловна, вытянувъ впередъ

сложенныя пирожкомъ губы, словно собираясь агунюшкать мопса и подавая ему смокву.

Тотъ ткнулся въ нее черною мокрою мордой, лѣниво взялъ и, сопя и кряхтя, принялся чавкать.

— Умница, ахъ, какой умница! Ахъ, какъ онъ кушаетъ славно! Какъ те... на лицѣ Марьи Михайловны изобразился ужасъ и она, побагровѣвъ, что утопленница, вмѣстѣ со стуломъ поѣхала въ сторону: мопсъ, кончивъ ѣсть, обнюхалъ ее, затѣмъ поднялъ заднюю ногу и оросилъ ея новое шелковое платье.

— Что, обдѣлалъ васъ? спросила хозяйка:—это у него привычка такая. Уведи его вонъ! приказала она одной изъ трехъ приживалокъ, вошедшихъ во время ихъ разговора и скромно усѣвшихся на стульяхъ около стѣны.

— Нѣтъ, ничего, ничего, не надо... Я люблю собачекъ! забормотала гостья, стараясь вызвать улыбку на исказившееся лицо.—Чтобъ ты сдохъ, проклятый, вмѣстѣ со своей дурой—барыней! яростно бушевало въ то же время у нея въ груди.

— Какъ вы поживаете, не скучаете здѣсь въ глуши? начала, совершенно оправившись и съ прежней любезной улыбкой, Грунина.

— Не скучаю... Она мнѣ читаетъ... Людмила Марковна кивнула на Леню:—всю библіотеку, кажется, скоро перечитаемъ.

— Вотъ какъ? удивилась гостья и въ лорнетъ посмотрѣла на дѣвушку.—Большая у васъ библіотека?

— Тысячъ пять томовъ будетъ... Огъ мужа еще осталась. Французская: на нашемъ языкѣ умнаго вѣдь еще ничего не удосужились написать!

— Шесть тысячъ... поправила Леня.

— Ну, тогда все понятно... протянула Марья Михайловна.

— Что понятно?

— Театръ вашъ... съ самымъ невиннымъ видомъ отозвалась гостья.

Пентаурова изумилась.

— Что ты врешь, мать моя? Какой нашъ театръ?

— Да вотъ, что Владиміръ Степановичъ въ Рязани строитъ?

Хозяйка повернулась въ сторону Лени и ихъ вопросительные взгляды встрѣтились.

— Строитъ театръ? переспросила старуха.

— Ну, да, и огромный-преогромный: чуть не половину парка вдоль улицы занялъ!

— Вотъ что... Ну, что жъ: шалый былъ, шалымъ и остался! изрекла Пентаурова и опять обратилась къ Ленѣ.—Это онъ для пьесокъ своихъ затѣю затѣялъ!

У Марьи Михайловны духъ сперло отъ услышанной новости.

— Для пьесокъ? Такъ онъ пишетъ, значитъ?

— Какъ же, писатель... изъ тѣхъ, что за писанья изъ столицъ выгоняютъ!

— Что же такое онъ написалъ? вся сомлѣвъ, прошептала гостья.

— Глупости! отрѣзала старуха.—Умное трудно, а глупость всякій можетъ.

Пентаурова говорила о сынѣ съ такимъ пренебреженіемъ, что Груниной сразу стало ясно, что отношенія между ними или самыя скверныя, или даже совершенно не существуютъ. Она почувствовала, что дальше сидѣть не можетъ и должна, даже обязана, какъ можно скорѣе возвращаться въ Рязань.

— Милая, будьте добры, узнайте, готова ли моя коляска? притворно-ласково обратилась она къ Ленѣ, но вмѣсто нея вскочила одна изъ приживалокъ и, сказавъ „сейчасъ, сейчасъ“, поспѣшила въ домъ.

Коляска оказалась готовой и Пентаурова задерживать гостью не стала.

— Я такъ рада, такъ благодарна случаю, что удалось повидать васъ! трещала Грунина, опять склонивъ голову на бокъ и горячо, обѣими руками пожимая при прощаньи холодную, сухую руку хозяйки.

— Будете въ нашихъ краяхъ—загляните... равнодушно отвѣтила Пентаурова и опять легла въ своемъ креслѣ.

Ленѣ Грунина руки не подала и, кивнувъ ей „прощайте, милая“, оглянулась еще разъ на кресло, изъ котораго виднѣлись только заостренный носъ и блѣдные

пальцы Пентауровой, лежавшіе на ручкахъ и покивала имъ нѣсколько разъ съ нѣжною улыбкой.

Провожать гостью пошли только три приживалки. На крыльцѣ ее встрѣтилъ мопсъ, обошедшійся съ нею на балконѣ, какъ со стѣнкой, и Марья Михайловна, воспользовавшись мигомъ, когда шедшая рядомъ съ ней приживалка отвернулась, такъ поддала ногой „чудному песику", что тотъ перевернулся черезъ голову и съ визгомъ, шлепаясь, что мѣшокъ, по ступенькамъ, полетѣлъ съ лѣстницы.

— Бѣдненькій, упалъ! сострадательно проговорила Грунина.

Приживалки съ аханьемъ бросились къ завывавшему страдальцу и схватили его на руки; между ними вспыхнула ссора изъ за права понянчить сокровище, а Марью Михайловну ея собственный лакей съ помощью казачка въ желтомъ балахонѣ втиснулъ въ коляску.

— Прощайте! величественно кинула она на прощанье, откинувшись на кожаную подушку спинки.—Домой!

— Пошелъ! крикнулъ кучеръ. Форрейторъ щелкнулъ бичемъ, и четверикъ рысью покатилъ тяжелый экипажъ къ воротамъ.

ГЛАВА VIII.

Дома съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія Марьи Михайловны.

Особенное нетерпѣніе и даже волненіе проявила Клавдія Алексѣевна, забѣжавшая около полудня къ Грунинымъ и вдругъ услыхавшая тамъ, что Марья Михайловна, не сказавъ никому ни слова, совершенно молча, одна-одинешенька сѣла въ коляску и уѣхала неизвѣстно куда за городъ.

Разумѣется, послѣ такого „пассажа" Клавдія Алексѣевна никуда отлучиться не могла, и то и дѣло прохожимъ казалось, будто изъ за цвѣтовъ, стоявшихъ на раскрытыхъ окнахъ дома Грунинихъ, неизвѣстно зачѣмъ чуть не на середину улицы высовываютъ обгорѣлую палку.

Нетерпѣніе проявляла и Нюрочка, и только одинъ Антонъ Васильевичъ, обрѣтавшій даръ слова во время отсутствія Марьи Михайловны, благодушествовалъ, погуливалъ по комнатамъ и заводилъ съ обычною у нихъ гостьей, Соловьевой, нелишенные философскаго оттѣнка разговоры.

Наконецъ, около четырехъ часовъ дня показался порядкомъ взмыленный вороной четверикъ Марьи Михайловны и свернулъ въ ворота ихъ дома: подъѣздъ у Груниныхъ былъ со стороны двора.

Клавдія Алексѣевна ринулась ей навстрѣчу; за ней поспѣшили Нюрочка и Антонъ Васильевичъ.

— Милая, да что жъ это вы съ нами сдѣлали? Можно ли такъ уѣзжать одной? Хоть бы меня захватили! завыкликала Клавдія Алексѣевна, завидѣвъ пріѣхавшую и протянувъ къ ней обѣ руки, навѣрное принадлежавшія раньше Кощею.

Марья Михайловна, молча, съ видомъ человѣка только что совершившаго нѣчто великое, подымалась по лѣстницѣ, поддерживаемая подъ обѣ руки лакеями.

— Здравствуйте, здравствуйте!.. проронила она въ отвѣтъ.—Устала я...

— Мы волновались, мы тревожились! продолжала трещать Клавдія Алексѣевна:—ума не приложимъ—куда вы могли вдругъ такъ собраться? Гдѣ вы были?!

— Какъ гдѣ? Марья Михайловне даже остановилась и пожала плечами:—разумѣется, у Пентауровой...

— У Пентау... Клавдія Алексѣевна почувствовала, что сердце ея можетъ не выдержать и прижала его рукою.

— Чему вы всѣ такъ удивились? продолжала Марья Михайловна, обводя глазами трехъ своихъ слушателей, застывшихъ въ разнообразныхъ позахъ.—Ну, да, у Пентауровой: мы же съ ней старыя знакомыя...

Марья Михайловна съ помощью дочери освободилась отъ шляпки и прослѣдовала прямо въ столовую.—Обѣдать! приказала она лакею.

— У Пентауровой... вы старыя знакомыя? бормотала Клавдія Алексѣевна.—Но почему же раньше вы не вспомнили объ этомъ?

— Ну, вотъ подите. Прямо выскочило изъ головы! Давно не видались съ ней; она болѣетъ все, никого не принимаетъ, такъ вотъ и вышло!

— А васъ приняла?

— Еще бы! мы съ ней пріятельницы были! Большой мой другъ была!

Черные глаза Клавдіи Алексѣевны, бѣгавшіе по собесѣдницѣ, вдругъ наткнулись на какой-то лилово-желтый полукругъ, въ видѣ радуги украшавшій ея платье.

— Что это? спросила она, указавъ на него пальцемъ и нагибаясь.—Дорогая, да вѣдь вы платье себѣ все испортили!

Лицо Марьи Михайловны побагровѣло отъ воспоминанія о случившемся.

— Паршивая скотина! — выразительно произнесла она.—Ну, да я жъ его и пнула за это, какъ слѣдуетъ.

— Кого, Господи, кого?!

— Разумѣется, собаку.

Марья Михайловна опустилась на свое мѣсто за столомъ и, не спѣша, съ выдержками, начала наслаждаться борщомъ и повѣстью о своемъ героическомъ путешествіи.

— Старуха безъ ногъ и совсѣмъ выжила изъ ума! разсказывала она:—навела полонъ домъ поганыхъ мосекъ, простую дѣвку воспитала, какъ барышню, да добро бъ еще приличная была, а то наглая, дерзкая, рожа злющая...

— Ахъ, ахъ! роняла Клавдія Алексѣевна, быстро уничтожая борщъ.

— Жаловалась мнѣ на сына. Въ ссорѣ она съ нимъ... не видятся, и не ѣздитъ совсѣмъ къ матери!

— Ахъ, ахъ! Но что же онъ дѣлаетъ у себя?

— Пишетъ. День и ночь пишетъ, и все пьесы какія-то дурацкія. Другіе въ столицы за чинами да орденами ѣздятъ, а этотъ тамъ другой чинъ заслужилъ: — колѣномъ. Марья Михайловна такъ неосторожно воспроизвела ногой этотъ (національный) жестъ, что на столѣ подскочили всѣ ножи и тарелки.

— Матушка? въ испугѣ проговорилъ Антонъ Ва-

сильевичъ, которому все содержимое его тарелки чуть не вылетѣло на жилетъ.

На этотъ разъ вмѣшательство въ разговоръ прошло ему даромъ и внушительнаго „помолчи“ не послѣдовало.

— Неужто? воскликнула Клавдія Алексѣевна.

— Да, да: за пасквили и выгнали его, и пьесы всѣ оберъ-полицеймейстеръ порвалъ и сжегъ, онъ здѣсь уже новыя понаписалъ, Затѣмъ и театръ свой строитъ, что бъ было гдѣ ихъ представлять.

— Милая!.. только и могла произнести, благодаря полному рту и растерянности отъ такого обилія такихъ потрясающихъ новостей, Клавдія Алексѣевна.

Подъ неумолкаемый разсказъ Марьи Михайловны кончили обѣдъ и только что перешли въ гостиную, въ сосѣдней залѣ послышались голоса и показались круглый, какъ огурчикъ, Арефій Петровичъ и угрястый Заводчиковъ.

— Что скажете хорошенькаго, Арефій Петровичъ? затаивъ внутреннее торжество спросила Марья Михайловна, когда толстякъ сочно прикладывался къ ея рукѣ.

— Гдѣ ужъ намъ новое что-нибудь знать! скроивъ постное лицо, провизжалъ тотъ: — мы все на старенькомъ ѣздимъ;—вотъ Клавдія Алексѣевна другое дѣло, она даже насчетъ пентауровскаго забора можетъ кое-что разсказать!

Смуглая Клавдія Алексѣевна потемнѣла еще болѣе, и маленькіе глазки ея засверкали.

— Да ужъ что подѣлать, для меня и заборъ хорошъ! язвительно отвѣтила она, пожавъ плечами:—зато ничего изъ своей головы не выдумываю, да не распускаю по городу, какъ это одинъ индѣйскій пѣтухъ дѣлаетъ!

Званцевъ вспыхнулъ, сдвинулъ назадъ голову, отчего на шеѣ у него образовалось словно ожерелье изъ жира и онъ дѣйствительно удивительно сталъ похожъ на изогнувшаго свой зобъ индѣйскаго пѣтуха.

— То-есть, какой же это пѣтухъ, позвольте спросить?

— А такой это пѣтухъ, позвольте отвѣтить, —глупый!

Смѣхъ и апплодисменты привѣтствовали рѣшительный отвѣтъ Соловьевой.

Арефій Петровичъ, молча, поглядѣлъ на всѣхъ, потомъ полѣзъ въ боковой карманъ, для чего, должно быть въ помощь рукѣ, отпятилъ нижнюю губу чуть не на самый галстухъ, и досталъ какую-то, сложенную вчетверо, бумажку.

— Незабвенный учитель, философъ Сократъ, торжественно началъ онъ—сказалъ великую истину:—пренебреги! И потому я не возражаю знатоку рязанскихъ дѣлъ... особливо заборныхъ...

Гостиная опять покатилась со смѣху.

Званцевъ поднялъ надъ головой бумажку.—Господа, завтра это объявленіе, которое я держу въ рукѣ, будетъ расклеено по городу. Помимо него, печатаются пригласительные билеты, которые будутъ разосланы всѣмъ господамъ дворянамъ!

— Какое объявленіе? Какіе билеты? Что такое? посыпались возгласы.—Прочтите! Да читайте же, Арефій Петровичъ!

Толстякъ развернулъ листокъ, отставилъ его на разстояніе вытянутой правой руки отъ глазъ и медленно, съ разстановкой, выразительно началъ читать, дирижируя въ то же время лѣвой рукой. При первыхъ же словахъ въ гостиной воцарилась мертвая тишина.

На листѣ было напечатано слѣдующее.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Черезъ двѣ недѣли, именно въ пятнадцатый день іюля мѣсяца, съ разрѣшенія начальства, состоится торжественное открытіе театра господина Пентаурова, при чемъ для пользы и увеселенія господъ дворянства и прочей публики представлена будетъ знаменитая трагедія съ хорами, музыкой, пѣніемъ, пляскою, бенгальскимъ огнемъ и разными персонажами

„БАГДАДСКАЯ КРАСАВИЦА"

Сочиненіе г. Иксъ

Разыграна пьеса будетъ при участіи извѣстнаго московскаго артиста г. Бѣлявки нижеслѣдующими:

Калифъ Багдадскій	В. Вольтеровъ
Заира, Багдадская красавица	Н. Антуанетина
Соперница Заиры Розалинда	С. Елизаветина
Вельможа Гассанъ	П. Сарданапаловъ
Другой вельможа Надиръ	С. Бонапарте
Французскій дворянинъ Жоржъ Канье	Г. Бѣлявка.
Разбойникъ Османъ	С. Македонскій

Дѣйствіе происходитъ въ Багдадѣ

Входъ безплатный. Начало въ 7 ч. вечера.

ГЛАВА IX.

На другой день у угловъ улицъ и рѣдкихъ фонарныхъ столбовъ съ утра стали останавливаться кучки прохожихъ, и грамотеи по складамъ читали пентауровское объявленіе.

Новость птицей пронеслась по всѣмъ домамъ и домишкамъ Рязани и, нечего и говорить, какое волненіе и какія ожиданія вызвала она во всѣхъ обывателяхъ, главнымъ образомъ среди маменекъ и дочекъ, которымъ хотѣлось блеснуть и показать себя и свои наряды на торжествѣ открытія.

Новость застала Возницына и Курденко у „мосье Мишу“;они немедленно командировали мальченку въ монастырь къ Костицу, и къ одиннадцати часамъ дымъ стоялъ коромысломъ въ комнатѣ за лавкой.

Тамъ засѣдалъ въ полномъ составѣ весь гусарскій монастырь и цѣлая куча другихъ лицъ. Приказчики едва успѣвали таскать бутылки съ винами, шампанскимъ и закуски и когда отворяли дверь, изъ комнаты врывался хохотъ, крики, звуки гитары и въ волнахъ синяго дыма виднѣлись разстегнутые мундиры и раскраснѣвшіяся лица гостей.

Хлѣбодаровъ, огромный, что памятникъ, возвышался за конторкой и, нагнувъ къ плечу голову, съ особо сосредоточеннымъ и дѣловитымъ видомъ прислуши-

вался къ творившемуся гостями, поглядывая въ то же время, нѣтъ ли упущеній со стороны приказчиковъ.

Одинъ изъ нихъ, Алексѣй, статный, русый молодецъ изъ тѣхъ, что именуются кровь съ молокомъ, все время стоялъ у дверей въ самой комнатѣ, наблюдая, что требуется господамъ и то и дѣло выскакивалъ въ лавку, отдавалъ приказанія подручнымъ и опять исчезалъ.

Около Хлѣбодарова, поигрывая табакеркой, стоялъ сухопарый Морковкинъ и съ любопытствомъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ.

Въ комнатѣ вдругъ громко зашикали, и наступила тишина. Тренькнула гитара.

— Если жены наши злятся,
Гдѣ же, гдѣ отъ нихъ спасаться?

Завелъ звучный басъ Возницына.

— У Мишу, у Мишу,
Всѣхъ идти туда прошу!

подхватилъ среди взрыва хохота общій хоръ.

— Гдѣ съ утра и до обѣда
Неумолчная бесѣда?

продолжалъ Возницынъ.

— У Мишу, у Мишу,
Всѣхъ зайти туда прошу!

Еще дружнѣе и громче грянулъ хоръ.

— Мы это „Мишу"... я, то-есть... пояснилъ Хлѣбодаровъ, самодовольно потыкавъ себя пальцемъ въ грудь.

— Гдѣ съ утра и до закрытья
Въ долгъ всегда могу кутить я?
— У Мишу, у Мишу,
Всѣхъ идти туда прошу!

На отекшемъ лицѣ Хлѣбодарова появилась улыбка.

— Затѣйники! проговорилъ онъ вполголоса.

Оглушительный хохотъ, крики „браво, отецъ благочинный!" и аплодисменты наполнили, казалось, весь домъ.

— Отчего же вы Мишу, Михайло Митричъ? спросилъ Морковкинъ.

— Да господинъ Возницынъ такъ прозвалъ: съ легкой руки ихъ и пошелъ я Мишу да Мишу. Чудаки вѣдь они! Неприлично, говорятъ, намъ у Хлѣбодарова, у какого-то бывать; будь ты, говорятъ, отнынѣ мусью Мишу. Ну, по мнѣ Мишу, такъ Мишу, только торговать давай. Мода на все! Нонче опять все французское въ модѣ.

— Н-да-а... глубокомысленно протянулъ Морковкинъ, набивавшій носъ табакомъ во время разсказа Михайлы Дмитріевича. — То мы ихъ оглоблями вонъ изъ Москвы гнали, то теперь въ каретахъ опять назадъ веземъ. Ничего не понять-съ... добавилъ онъ, потряся головой.

Въ лавку вошелъ запоздавшій поручикъ Радугинъ; рядомъ съ нимъ спѣшилъ Заводчиковъ.

— А какъ поживаетъ послѣ вчерашняго Штучкинъ? спросилъ, ухмыляясь, Заводчиковъ; лицо у него порядкомъ припухло и носило слѣды ночного кутежа.

— Скончался, бѣдняга, этой ночью... грустно произнесъ Радугинъ.

Заводчиковъ подскочилъ, какъ подстрѣленный.

— Да что вы? воскликнулъ онъ.

— Какъ же... завтра похороны... А вы не знали?

— Нѣтъ, Господи Боже мой! пробормоталъ весь измѣнившійся въ лицѣ Заводчиковъ.—Знаете... я тогда сперва къ нему взглянуть съѣзжу?

— Съѣздите, съѣздите...

Радугинъ скрылся за дверью; всеобщій радостный вой и крики привѣтствовали его появленіе.

Заводчиковъ торопливо, сѣменящей походкой побѣжалъ изъ лавки.

Морковкинъ перекрестился.

— И я не зналъ тоже... Господи, жизнь-то что человѣческая? Такой здоровый господинъ были!..

Хлѣбодаровъ ухмыльнулся.

— Рано креститесь, Зосима Петровичъ, проговорилъ онъ:—и не думали еще господинъ Штучкинъ помирать!

Морковкинъ поднялъ чуть не къ самымъ волосамъ свои желтыя брови.

— А какъ же вотъ они?.. недоумѣвая сказалъ, онъ.

— Шутники они, господинъ Радугинъ! Кто о комъ у нихъ ни спроситъ: померъ, отвѣтятъ, завтра похороны...

— Да неужто? Изъ лица-то ужъ очень онъ сурьезный былъ!

— Завсегда такой. Никогда у нихъ улыбки не увидишь. Да еще какимъ голосомъ скажутъ — за сердце ухватитъ!

— Чудно... что жъ это ему сладко, что ли?

— Подшутить любятъ. Въ отцахъ ключаряхъ состоятъ... шепотомъ добавилъ Хлѣбодаровъ, нѣсколько подавъ свое туловище въ сторону Морковкина.

— Не массоны ли? шепотомъ же спросилъ тотъ.

Купецъ не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ распахнулась дверь и изъ за нея вылетѣлъ Алексѣй.

— Столы разставляты! крикнулъ онъ, и нѣсколько молодцовъ бросилось на его зовъ.

— Пляска сейчасъ начнется... произнесъ Хлѣбодаровъ:—большой выходъ, стало быть, у нихъ нынче...

— А есть и малые?

— Тѣ безъ пляски... И пьютъ тогда меньше.

— Грѣховодники! пробормоталъ Морковкинъ.—Ну, однако, прощайте Михайло Митричъ.

И Морковкинъ пошелъ изъ лавки. У двери онъ вдругъ торопливо, съ нѣкоторымъ даже испугомъ, подался въ сторону и пропустилъ Штучкина.

Франтовски одѣтый мнимый покойникъ кивнулъ головой хозяину и направился черезъ проходъ въ прилавкѣ въ комнату.

— Живъ? спросилъ, подмигнувъ въ слѣдъ новому гостю, Хлѣбодаровъ.

— Грѣхи! отозвался съ порога Морковкинъ.

— Трень-брень... перекликнулись за его спиной двѣ гитары.—„Сударыня... барыня“... томно выговорила одна изъ нихъ; „охъ, барыня, барыня...“ лукаво подхватила другая.

— Трень-брень! и вдругъ струны ахнули, вскрикнули, забились, и въ бурѣ и въ смятеніи, что листья въ вихрѣ, взвилась лихая плясовая.

Затопали ноги, раздались вскрики и взвизгиванья; имъ легкимъ, нетерпѣливымъ звономъ отвѣтили съ полокъ лавки рюмки и стаканы; дрогнули стекла въ окнахъ...

Великій выходъ пошелъ полнымъ ходомъ.

Выкрашенный въ розовую краску, довольно большой домъ Андрея Михайловича Штучкина стоялъ почти на самой серединѣ Мясницкой улицы и мало кѣмъ посѣщался изъ рязанскаго общества.

Причиной тому была Елизавета Петровна Штучкина, курносая, крѣпкая, что рѣпка, дама, едва достигавшая ростомъ до плеча своего супруга, но обладавшая такой вспыльчивостью и такимъ пламенно-необузданнымъ языкомъ въ минуты гнѣва, что всѣ, кому доводилось попасть въ передѣлку къ ней, послѣ нѣсколькихъ словъ спѣшили спасаться съ поднявшимися отъ ужаса дыбомъ волосами.

О происхожденіи Елизаветы Петровны, привезенной Андреемъ Михайловичемъ откуда-то изъ другой губерніи, гуляли разные толки. Злоязычный Званцевъ увѣрялъ, что она три года до свадьбы ходила въ бурлакахъ по Волгѣ, Марья же Михайловна говорила, будто брачные документы Штучкиной что-то путаютъ: по однимъ она выходитъ внучкой Хлопуши, а по другимъ Стеньки Разина.

По мнѣнію поручика Возницына, высказанному имъ громогласно, она была превосходный человѣкъ, но страдалица: страдала бѣшенствомъ языка.

Въ наикратчайшій срокъ она переругалась насмерть рѣшительно со всѣми представительницами рязанскаго прекраснаго пола, и только Клавдія Алексѣевна Соловьева поддерживала съ ней добрыя отношенія.

Мужа своего, несмотря на существованіе пяти весьма чумазыхъ отпрысковъ рода Штучкиныхъ, съ зари и до зари визжавшихъ и топотавшихъ по всему дому, Елизавета Петровна обожала и видѣла въ немъ непризнаннаго великаго человѣка и героя французской войны.

Андрей Михайловичъ увѣрилъ ее, что намѣренъ

написать свои мемуары объ этой войнѣ и о своемъ пребываніи во Франціи, и что тогда многое разоблачится и станетъ на свое мѣсто, а онъ, Штучкинъ, займетъ подобающее ему, очень высокое.

Частыя отлучки свои изъ дому онъ объяснялъ собираніемъ матеріаловъ и необходимостью переговорить кое съ какими лицами; если же возвращался въ подпитіи, то, давая потомъ отчетъ супругѣ въ проведенномъ внѣ дома времени, во-первыхъ, показывалъ ей свои деньги, изъ чего выяснялось, что онъ ни копѣйки изъ нихъ не истратилъ, а, во-вторыхъ, морщился, негодовалъ и проклиналъ „этихъ свиней и бездѣльниковъ", изъ за которыхъ у него пропалъ день или вечеръ, такъ какъ нежданно явились они и приставали до тѣхъ поръ, пока не перепоили всѣхъ; какъ бы пьянъ ни былъ Штучкинъ,—въ томъ, по его словамъ, виновато было свойство вина, а не онъ, такъ какъ онъ всегда благоразумно выпивалъ самую „капельку".

Въ качествѣ—„свиней" въ разсказахъ его поочередно, а то и всѣ вмѣстѣ, выступали разные непосѣщавшіе ихъ домъ лица, а чаще всего Заводчиковъ.

Елизавета Петровна затаила противъ него зубъ, какъ противъ злѣйшаго врага своего.

Въ утро великаго выхода Андрей Михайловичъ, объѣздившій въ своей фантазіи рѣшительно всѣхъ крупныхъ чиновниковъ города и добравшійся уже до губернатора, долженъ былъ опять ѣхать къ нему, чтобы просмотрѣть у него кое-какіе секретные документы.

Штучкинъ облачился во фракъ и громко приказалъ кучеру везти себя къ губернатору. У воротъ дома послѣдняго онъ отпустилъ свою бричку и, когда кучеръ скрылся за угломъ, кликнулъ проѣзжавшую извозчичью гитару, усѣлся на нее верхомъ и кружнымъ путемъ покатилъ къ Лыбеди.

Гусаровъ онъ дома не засталъ и, узнавъ отъ деньщиковъ, гдѣ они, поспѣшилъ туда же. Но большой конецъ пришлось ему отплясать пѣшкомъ, такъ какъ отпущенный имъ извозчикъ уже уѣхалъ, а другого, какъ на зло, на пустынныхъ улицахъ не попадалось.

Елизавета Петровна, обуреваемая радостью и гор-

дливыми мыслями по поводу близкихъ отношеній, начавшихъ устанавливаться между ея мужемъ и такой персоной, какъ губернаторъ, разгуливала въ бѣломъ, достаточно замасленномъ капотѣ по своей небольшой залѣ, когда вдругъ услыхала стукъ дрожекъ, подъѣхавшихъ къ дому.

Она поспѣшила къ окну и увидала, что съ гитары слѣзаетъ и торопливо суетъ какую-то мелочь извозчику угрястый господинъ небольшого роста; онъ повернулся, и Елизавета Петровна, знавшая въ лицо весь городъ, узрѣла входящаго на ихъ крыльцо Заводчикова.

Кровь бросилась ей въ голову отъ мысли, что этотъ человѣкъ, спаивающій ея мужа и мѣшающій ему во всемъ, осмѣлился дойти до такой наглости, что явился къ нимъ въ домъ.

Въ одинъ мигъ Елизавета Петровна очутилась у двери въ лакейскую и чуть пріотворила ее. Лакейская была пуста; отсутствовалъ даже казачокъ.

Ручка наружной двери повернулась, а такъ какъ онѣ запирались только на ночь, то гость открылъ ее и вошелъ въ домъ.

Навстрѣчу ему выступила Елизавета Петровна.

— Здравствуйте... пробормоталъ гость:—я Заводчиковъ, я поклониться пріѣхалъ.

— Да? Ну, кланяйтесь... отчеканила Елизавета Петровна, уперевъ руки въ бока.

— Я покойнику...

— Что? Елизавета Петровна обомлѣла.

— Покойнику... громче повторилъ Заводчиковъ, полагая, что собесѣдница съ глушинкой. — Когда, въ которомъ часу скончался Андрей Михайловичъ?

Звучная пощечина, что пистолетный выстрѣлъ, треснула въ лакейской и отдалась въ залѣ.

Заводчиковъ въ испугѣ схватился за щеку и попятился къ двери.

— Пьянъ, каналья? До сихъ поръ пьянъ, рожа неумытая? какъ будто спокойно и даже ласково говорила Елизавета Петровна, наступая на гостя. — До покойниковъ допился, мерзавецъ? Будешь спаивать мужа? Будешь?

— Что вы? Что за шутки... что за шутки?.. лопоталъ Заводчиковъ, отступая и получая плюху за плюхой... У порога онъ споткнулся, грохнулся на спину на площадку передъ дверью, хотѣлъ вскочить, но Елизавета Петровна такъ удачно ткнула его въ бокъ ногой, что онъ скатился ступеней черезъ пять, поднялся и, забывъ про свалившуюся шляпу, ударился бѣжать отъ гостепріимнаго дома.

— Я тебя! Попадись ты мнѣ еще разъ, свинья несчастная! прокричала ему вдогонку Елизавета Петровна, пуская на подобіе серсо надъ улицей оставленную бѣглецомъ шляпу.

ГЛАВА X.

Еще за недѣлю до открытія театръ былъ вполнѣ готовъ: устроенъ онъ былъ въ видѣ просторнаго, высокаго сарая и обшитъ внутри выстроганными досками; цѣлое полчище маляровъ расписывало стѣны гирляндами самыхъ изумительныхъ яркихъ цвѣтовъ, произрастающихъ, можетъ быть, только въ центрѣ Африки и въ ботаникѣ еще неизвѣстныхъ; между ними рѣзвились хороводы амуровъ и виднѣлись тріумфальныя арки.

Плотники устраивали помѣщеніе для оркестра и ложи по бокамъ его. Барьеры обтягивались краснымъ кумачемъ; переднюю часть половины зрительнаго зала наполняли разнокалиберные стулья и кресла; въ задней, вмѣсто нихъ, вытягивались длинныя деревянныя скамейки: эта часть занимала возвышенный помостъ и отдѣлена была отъ „благородной“ невысокою стѣнкой и предназначалась для всякаго рода разночинцевъ.

Для входа въ паркъ, гдѣ Пентауровъ предположилъ въ вечеръ открытія устроить гулянье, возводилась тріумфальная арка; на широкихъ дорожкахъ наколачивали на подрамочники полотно, и тутъ же нѣсколько босыхъ маляровъ гуляло по немъ и длинными кистями, что швабрами, писало декораціи; у деревьевъ стояли и просушивались уже готовые багдадскіе дома и минареты; на травѣ лежала морская даль и небо та-

кой замѣчательной синевы, что глядѣвшее на нихъ въ просвѣты деревьевъ настоящее небо казалось совсѣмъ выцвѣтшимъ; вдаль аллей протягивали проволоку для разноцѣтныхъ фонариковъ, вкапывали столбы.

На сценѣ съ утра до ночи шли репетиціи. Бѣлявка сбился съ ногъ, то уча актеровъ, то носясь въ паркъ къ малярамъ, къ клумбамъ, гдѣ по его указаніямъ разставляли все для фейерверка, а оттуда къ плотникамъ, устраивавшимъ кулисы; то онъ былъ у барина за приказомъ, то въ дѣвичьей, гдѣ шились костюмы, либо у ключницы за всякими припасами для работъ. Вездѣ онъ былъ необходимъ, всюду его звали и ожидали, и это сознаніе своей необходимости и важности преисполняло его гордостью.

Теперь онъ былъ уже не тотъ захудалый и скромный человѣчекъ, какимъ онъ явился въ Рязань: это былъ человѣкъ, которому не только почтительно кланялась вся дворня, но которому даже сталъ подавать руку самъ приказчикъ Маремьянъ Григорьевичъ.

Хитрый хохолъ съ первыхъ же дней раскусилъ Пентаурова и съумѣлъ заслужить его полное довѣріе и расположеніе.

Какъ только костюмы были готовы, Пентауровъ приказалъ актерамъ одѣться въ нихъ на репетицію, пришелъ на сцену и усѣлся около суфлерской будки.

Наряженные, какъ на святкахъ, актеры выстроились вереницей и одинъ за другимъ подходили къ барину; тотъ внимательно со всѣхъ сторонъ разсматривалъ каждаго. Костюмы удостоились полнаго одобренія, въ особенности же доволенъ остался Пентауровъ разбойникомъ Османомъ-Македонскимъ и Антуанетиной-Заирой, одѣтой въ розовые шальвары и нѣчто вродѣ курточки изъ бѣлаго газа, усѣянной блестками, съ вырѣзомъ на груди и широчайшими откидными рукавами.

— Очень мила, очень... проговорилъ Пентауровъ и даже потрепалъ по румяной щекѣ попунцовѣвшую и опустившую голову дѣвушку.

Начали репетировать пьесу, уже извѣстную всѣмъ на зубокъ.

Бѣлявка въ длинныхъ бѣлыхъ чулкахъ, въ коротких сѣрыхъ панталонахъ съ широкими сборками на бокахъ и въ синемъ колетѣ, съ закинутымъ за спину чернымъ плащемъ, важно стоялъ около Пентаурова и, избочась и опершись на рукоять длиннѣйшей шпаги, задравшейся другимъ концомъ выше его головы, дѣлалъ замѣчанія.

— Гассанъ, ты жъ вельможа... ты-жъ ей въ любви объясняешься! Шо жъ ты штаны все вверхъ поддэргиваешь?

— Упадутъ сейчасъ, Григорій Харлампычъ! отвѣтилъ Сарданапаловъ, прервавъ свой любовный монологъ.

— Такъ смотрѣть же надо было раньше. Ну, а если на представленіи они у тебя упадутъ, тогда шо?

— Тогда прямо пороты! отозвался Пентауровъ: — благо и снимать ихъ будетъ ненужно!

— Да не гни жъ ты колѣнокъ, Вольтеровъ! воскликнулъ Бѣлявка: — сколько жъ тебѣ разъ говорено? Вѣдь ты жъ на тронъ сѣсть идешь, а не мѣшокъ на барку прешь. Пройди еще разъ!

Второй разъ оказался горше перваго.

— Ну, шо я съ нимъ буду дѣлать? плачущимъ голосомъ обратился Бѣлявка къ Пентаурову:—онъ же жъ по сценѣ какъ опоенная лошадь ходитъ!

— Ничего... мы ему палку въ руки дадимъ! сказалъ Пвнтауровъ: — пусть опирается на нее, видъ у него будетъ величавѣе...

Въ самый разгаръ второго дѣйствія изъ за кулисъ выставился одинъ изъ плотниковъ и осторожно поманилъ къ себѣ пальцемъ Бѣлявку.

— Шо треба? важно спросилъ Бѣлявка, подойдя къ тому.

— Господинъ какой-то нашего барина спрашиваютъ...

— Якій господинъ?

— А не знаю... какъ слѣдуетъ быть одѣты...

— Гдѣ винъ?

— „Тамотка... плотникъ указалъ рукой на подъ-

ѣздъ. Бѣлявка поспѣшилъ къ Пентаурову. Репетицію прервали, и за неизвѣстнымъ былъ посланъ плотникъ.

Черезъ нѣскодько минутъ вмѣсто одного господина въ сумеркахъ глубины сцены показалось двое. Одинъ, плечистый и высокій, былъ въ широкомъ гороховомъ пальто, другой, похудощавѣе и пониже, облеченъ былъ въ такой же сюртукъ; въ рукѣ онъ несъ какой-то свертокъ.

— Смарагдъ Шилинъ! отрекомендовался человѣкъ въ пальто, подойдя къ Пентаурову:—а это со мной учитель здѣшняго училища—Зайцевъ.

Пентауровъ, приподнявшійся было со стула, грузно опустился на него и убралъ назадъ протянутую руку.

— Чѣмъ могу быть полезенъ вамъ, судари мои? спросилъ онъ, откинувшись на спинку.

Лицо Зайцева, молодое и миловидное, подернулось краской.

— Видите ли, я вотъ... онъ словно поперхнулся и взглянулъ на своего спутника.

— Да не мнись, приступай прямо! поддержалъ его Шилинъ:—видите ли, онъ написалъ трагедію...

Лицо Пентаурова выразило изумленіе.

— И принесъ къ вамъ, чтобы вы поставили ее на театрѣ! докончилъ онъ. Сѣрые, смѣлые глаза его перешли на лицо Зайцева.—Трусъ онъ большой: кабы не я—и не пришелъ бы ни за что!

— Вы написали настоящую трагедію? обратился Пентауровъ къ Зайцеву, стоявшему въ противоположность товарищу въ самой скромной позѣ и опустивъ глаза въ землю.

— Написалъ-съ... отвѣтилъ тотъ, поднялъ на мигъ большіе темные глаза и опять потупилъ ихъ.

— И вы желаете, чтобы я ее поставилъ?

— Разумѣется... отвѣтилъ Шилинъ.

— Гмъ... а знаете ли вы, молодой человѣкъ, назидательно началъ Пентауровъ, — для чего сей театръ предназначается?

Отвѣтомъ ему были два вопросительныхъ взгляда пришедшихъ.

— Театръ сей предназначается для великихъ произведеній! Здѣсь будутъ явлены публикѣ только великія піесы... Будутъ Сумароковъ, Озеровъ, ну... и другіе. Вы считаете себя, молодой человѣкъ, достойнымъ занять мѣсто среди нихъ?

Зайцевъ слегка поблѣднѣлъ.

— Я ничѣмъ не считаю себя, негромко отвѣтилъ онъ, вскинувъ вдругъ загорѣвшіеся глаза на Пентаурова:—я только принесъ свой опытъ и прошу вашего суда надъ нимъ.

— А, это дѣло другое! смягчившись, сказалъ Пентауровъ:—хорошо, я прочту его и обсужу. Но только не теперь, сейчасъ я занятъ по уши. Вотъ это мой режиссеръ и правая рука моя... добавилъ онъ, взявъ протянутую ему рукопись и указывая ею на Бѣлявку, стоявшаго рядомъ съ нимъ въ позѣ короля, принимающаго депутацію, съ рукою на эфесѣ шпаги.—Онъ прочтетъ и доложитъ мнѣ, стоитъ ли мнѣ безпокоиться и читать ее...

— Стоитъ, въ томъ я порука! воскликнулъ Шилинъ, стукнувъ кулакомъ въ широкую грудь свою: — штука презамѣчательная!

Посѣтители отвѣсили по поклону, на которые Пентауровъ отвѣтилъ снисходительнымъ наклоненіемъ головы, и удалились,— Зайцевъ на носкахъ, а Шилинъ безъ стѣсненія шагалъ по сценѣ, какъ по чистому полю.

Репетиція возобновилась.

Надо, наконецъ, сказать нѣсколько словъ о виновникѣ столькихъ рязанскихъ тревогъ и событій—о Пентауровѣ.

Отецъ его обладалъ большимъ состояніемъ, мать же его, Людмила Марковна, имѣла только связи: она приходилась дальней родственницей фавориту Императора, графу Бенкендорфу.

Связей этихъ Пентауровъ не сумѣлъ сберечь. Въ Петербургѣ онъ сошелся съ кружкомъ графа Хвостова и выступалъ въ немъ съ чтеніемъ своихъ стиховъ.

Многочисленные прихлебатели, какъ тараканы на кухнѣ, разводившіеся при богатыхъ барахъ, убѣдили его въ его высокомъ умѣ и талантѣ, и новый Кантеміръ по-

слѣ долгаго труда и пота разразился дубовой сатирой на военный міръ.

Какъ водится, тѣ же друзья сейчасъ же довели сатиру до свѣдѣнія Бенкендорфа. Графъ призвалъ автора къ себѣ, и что постигло сатирика въ кабинетѣ — неизвѣстно,—только, выскочивъ оттуда, Пентауровъ едва попалъ въ двери, блѣдный, что выбѣленная стѣна.

На другое же утро онъ ускакалъ въ Рязань, бросивъ весь домъ на попеченіе единственнаго своего сына Степана, котораго терпѣть не могъ и которому было уже двадцать четыре года.

Бесѣда съ Бенкендорфомъ произвела на бѣглеца такое впечатлѣніе, что онъ заперся, какъ въ затворѣ, въ своемъ рязанскомъ домѣ и, несмотря на скуку до одури, взялся за перо нескоро. Но все-таки взялся и, рѣшивъ подарить отечество великими произведеніями, но уже не въ столь опасномъ родѣ, принялся сочинять трагедіи, а затѣмъ и подумывать о постановкѣ ихъ на сценѣ. Отсюда до постройки театра оставался всего одинъ шагъ.

ГЛАВА XI.

Долгожданное пятнадцатое іюля, наконецъ, наступило.

По меньшей мѣрѣ за часъ до начала представленія стала съѣзжаться и сходиться публика, и къ половинѣ седьмого, когда оркестръ грянулъ увертюру, зрительный залъ, освѣщенный свѣчами, горѣвшими въ стѣнныхъ бра, былъ переполненъ.

Присутствовала рѣшительно вся Рязань, начиная отъ губернатора, помѣщавшагося съ женой въ ближайшей къ сценѣ ложѣ, и кончая Клавдіей Алексѣевной. Пріѣхала даже Елизавета Петровна съ мужемъ и почему-то попала не въ кресла, а въ ложу, предназначавшуюся, какъ и всѣ онѣ, для особо почетныхъ лицъ и находившуюся наискосокъ отъ губернаторской.

Монастырь въ полномъ составѣ возсѣдалъ въ первомъ ряду; въ первомъ же ряду, но на возвышеніи, по

правую руку гороподобной туши Хлѣбодарова. виднѣлись попадья Маремьяна Никитична съ безцвѣтною дочкою Липочкой и долговязымъ сыномъ — бурсакомъ Агафономъ; по лѣвую руку, словно отдѣленіе мастодонтовъ, возсѣдали супружница Хлѣбодарова Агафья Сергѣевна, полнотѣлая дщерь Павла и краснорожій, съ разинутымъ ртомъ, вздернутымъ носомъ и кокомъ на головѣ сынъ и наслѣдникъ Тихонъ. Около нихъ сидѣли Шилинъ и Зайцевъ.

Театръ гудѣлъ, какъ ярмарка. Дамы разсматривали въ лорнеты украшенія на стѣнахъ и туалеты другъ друга, бесѣдовали и смѣялись съ кавалерами; всѣ искали глазами виновника торжества—Пентаурова, но его не было: его трясла за кулисами авторская лихорадка.

— Душенька, а ты бы къ своему другу губернатору сходилъ? нарочно громче обыкновеннаго, чтобы услыхала ихъ сосѣдка Грунина, произнесла Елизавета Петровна.

Штучкинъ, никакъ неожидавшій такого предложенія, вздрогнулъ и покосился на сосѣдей—не услыхали ли они.

— Да, да... пробормоталъ онъ. — Потомъ. Но какой отличный занавѣсъ? онъ приложилъ къ глазу кулакъ и сталъ разсматривать, какъ въ трубку, морскую даль.—Удивительно похоже сдѣлано море: совсѣмъ какъ у насъ во Франціи!

Слова Елизаветы Петровны до слуха Марьи Михайловны не долетѣли: она увлечена была бесѣдой съ другой своей сосѣдкой, находившейся въ слѣдующей ложѣ.

— Смотрите-ка, говорила ей та, — даже такая домосѣдка, какъ Аграфена Семеновна прикатила... и Соничка съ ней... очень она похорошѣла... Да и молодые здѣсь! Завидно посмотрѣть на нихъ!

— На кого это? пренебрежительно спросила Марья Михайловна.

— На Шемякиныхъ...

— Есть кому завидовать!

— Но они же такъ счастливы?

— Они? По десять разъ въ день ругаются! При

мнѣ на дняхъ въ одинъ вечеръ разъ пять сцѣпились.

— Да неужто? воспламенилась осчастливленная сосѣдка.

— Андрэ, ты бы прошелъ къ своему другу губернатору! нараспѣвъ повторила Елизавета Петровна.

Штучкинъ быстро нагнулся къ уху жены.

— Сейчасъ это неудобно!..

— Почему? Онъ еще обидится на тебя: у него уже многіе перебывали...

Штучкинъ закашлялся.

— Они—другое дѣло... я, понимаешь ли, не служу, выйдетъ, будто я нарочно пошелъ показывать всѣмъ свою близость съ нимъ... прошепталъ онъ, оправившись отъ приступа кашля и съ такимъ видомъ, что со стороны могло показаться, что онъ совѣщается съ ней по меньшей мѣрѣ объ убійствѣ цѣлой семьи.

Вдругъ съ неба, по занавѣсу стали спускаться два бѣлыхъ лебедя, искусно вырѣзанные изъ картона. Въ клювахъ они держали широкую ленту, на которой золотыми крупными буквами было написано „добро пожаловать". За надписью показались двѣ гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ, на которыхъ она спускалась.

Лебеди какъ бы сѣли на море, помедлили нѣсколько мгновеній и подъ дружные апплодисменты всей публики начали подыматься обратно.

— Ну, двое артистовъ уже сѣли въ лужу! сказалъ поручикъ Возницынъ помѣщавшемуся рядомъ съ нимъ усачу Костицу,—посмотримъ, что сдѣлаютъ другіе?

За кулисами раздался звонокъ колокольчика, и занавѣсъ медленно началъ уходить вверхъ.

Зрительный залъ весь замеръ: передъ нимъ открылась площадь Багдада, окруженная домами, очень похожими на рязанскіе, но только совсѣмъ бѣлыми. За ними виднѣлись минареты.

Среди площади стояло въ тюрбанахъ двое турокъ: —вельможа Гассанъ въ бѣлой, вышитой золотомъ курткѣ и разбойникъ Османъ, весь въ красномъ.

Гассанъ сообщилъ Осману, что у него пропала его любимая невольница Заира и поручилъ ему разыскать

ее живую или мертвую, при чемъ хватался за огромный деревянный мечъ, висѣвшій на боку его, а при словѣ „мертвую“ такъ потрясъ свободнымъ кулакомъ и заскрипѣлъ зубами, что изъ глубины зала раздалось громкое—„о, Господи!“ нечаянно вырвавшееся у Агафьи Сергѣевны, за что мужъ ткнулъ ее подъ лавкой ногою.

Османъ ушелъ искать пропавшую, а изъ одной изъ улицъ показался вельможа Надиръ.

По театру прокатился смѣхъ.

— Вотъ такъ Бонапарте! произнесъ чей-то голосъ.

Надиръ вышелъ на авансцену, мрачно обвелъ публику носомъ. раскрашеннымъ Бѣлявкою во всѣ цвѣта радуги, и спросилъ, почему Гассанъ грустенъ.

Тотъ разсказалъ про свою бѣду: Надиръ отвернулся, открылъ, какъ деревянный щелкунъ, ротъ, и такъ прореготалъ въ кулакъ, изображая скрытую радость, что публика опять засмѣялась.

Послѣ первыхъ выходовъ актеры поосмѣлѣли, и пьеса пошла ровно. Дальнѣйшія событія въ ней были слѣдующія. Похититель Заиры Жоржъ Канье, желая тайно перевезти ее на корабль, чтобы затѣмъ бѣжать вмѣстѣ съ нею на родину, обращается къ содѣйствію Розалинды, но та отказалась: она сама была влюблена въ него, и между ними произошла потрясающая сцена новыхъ Іосифа и жены Пентефрія.

Канье геройски отказалъ въ своей любви Розалиндѣ, и та убѣжала, клянясь отомстить ему, и сообщила Надиру, что Заира увезена Жоржемъ Канье. Въ цѣляхъ спасенія Заиры Канье спряталъ ее въ пещерѣ въ горахъ, а чтобы возлюбленная его не скучала, устроилъ передъ пещерой иллюминацію и пляски при бенгальскомъ огнѣ; турки превосходно сыграли на балалайкахъ и проплясали комаринскаго.

Въ третьемъ актѣ коварная Розалинда вызвала въ отсутствіе Канье Заиру изъ пещеры, и Надиръ палъ передъ ней на колѣни и изъяснился въ любви.

Бонопарте продѣлалъ это съ большимъ чувствомъ и вызвалъ такой дружный хохотъ въ залѣ, что долженъ былъ замолчать; стоя на колѣняхъ, онъ нѣсколь-

ко минутъ озирался, какъ волкъ, не понимая въ чемъ дѣло.

Заира гордо отвергла его любовь и обозвала обезьяной. Тогда онъ хотѣлъ схватить ее, но вдругъ появился Канье со шпагою въ рукахъ, и Розалинда съ Надиромъ убѣжали. Канье ушелъ за ними.

Ночью на горахъ вокругъ пещеры показались люди съ фонарями; въ пещеру вползъ разбойникъ Османъ и унесъ безчувственную Заиру.

Послѣдній актъ происходилъ опять на площади. Канье встрѣтилъ на ней гулявшаго калифа, преклонилъ передъ нимъ колѣно и сталъ просить милосердія и справедливости.

Калифъ послалъ во дворецъ за трономъ, чтобы устроить всенародный судъ, и тутъ произошло непредвидѣнное авторомъ приключеніе.

Когда принесли среди раздавшейся толпы зѣвакъ тронъ, калифъ, опираясь на палку, направился къ нему.

— Гассанъ, взгляни въ глаза мнѣ? сурово произнесъ онъ, величаво и грузно опускаясь на тронъ.

И вдругъ повелитель Багдада взбрыкнулъ ногами и передъ Гассаномъ и публикой, вмѣсто лица его, предстали двѣ подошвы: тонкія доски не выдержали величія, и Вольтеровъ провалился во внутрь трона.

Подъ громовой хохотъ, топотъ ногъ и даже визгъ публики, Канье вмѣстѣ съ Гассаномъ вытащили калифа изъ западни, и Вольтеровъ началъ сцену суда, уже стоя.

Рѣшеніе его было таково: отдать Заиру Канье и отпустить ихъ во Францію, всѣхъ же прочихъ подвергнуть презрѣнію. Обрадованный народъ сталъ прославлять мудрость и милосердіе своего владыки. Заира и Канье обнялись отъ избытка счастья, а Гассанъ вонзилъ себѣ кинжалъ въ грудь.

— Такъ наказывается порокъ! торжественно изрекъ калифъ, протянувъ руку надъ самоубійцей.

Занавѣсъ поплылъ внизъ.

Трагедія имѣла большой успѣхъ, и публика такъ долго аплодировала, вызывала актеровъ и кричала „фора“ и „бисъ“, что когда Бѣлявка побѣжалъ къ Пента-

урову, сидѣвшему въ креслѣ за кулисами и оттуда глядѣвшему на спектакль, и сталъ поздравлять съ неслыханнымъ „даже въ обѣихъ столицахъ“ успѣхомъ, тотъ вдругъ всхлипнулъ и прослезился.

— Спасибо... спасибо... милый!.. пробормоталъ онъ въ избыткѣ чувствъ.—Всѣмъ вамъ спасибо! утирая слезы, обратился онъ къ актерамъ: — всѣ вы отлично играли! Григорій Харлампычъ,—онъ всхлипнулъ въ послѣдній разъ:—а ты этотъ провалъ калифа въ тронъ въ пьесу вставь; пусть онъ всегда такъ проваливается, очень это хорошо у него вышло!

Бѣлявка и актеры сіяли; прояснился даже Бонапарте и, улучивъ минуту, когда Антуанетина осталась у кулисы одна, онъ подошелъ къ ней и тихо и внушительно произнесъ: — тѣ слова, Настастья Митревна, я вамъ взаправду говорилъ!

— Какія слова? удивилась та.

— А у пещеры... про чувствія мои къ вамъ! Онъ ударилъ себя въ грудь:—примите ихъ за настоящія-съ.

Дѣвушка звонко расхохоталась.

— И я вамъ настоящія слова говорила! воскликнула она и сдѣлала глубокій придворный реверансъ, какъ училъ ее знатокъ хорошаго обхожденія Бѣлявка: — не про васъ кусъ, Спиридонъ Вавилычъ!

И она исчезла за однимъ изъ багдадскихъ домовъ.

Изъ театра всѣ зрители высыпали черезъ особо устроенный выходъ въ паркъ.

Предъ ними предстали усѣянныя безчисленными разноцвѣтными фонариками и шкаликами аллеи; деревья парка отъ верхушекъ до самыхъ нижнихъ вѣтвей, что звѣздами, были осыпаны зелеными, красными, синими и желтыми огоньками; на перекресткахъ аллей выгибались сіявшія ими арки. Домъ, виднѣвшійся вдали и казавшійся таинственнымъ, сказочнымъ замкомъ, былъ озаренъ зеленымъ бенгальскимъ огнемъ.

Дворянство собралось на балконѣ вокругъ Пентаурова и частью прогуливалось между клумбами въ ожиданіи фейерверка; прочая публика толпилась въ аллеяхъ и оттуда глазѣла на иллюминацію и все происходившее около дома.

Зеленый цвѣтъ его вдругъ смѣнился краснымъ. Ярко выступили всюду разряженныя фигуры дамъ и кавалеровъ.

Вездѣ слышались оживленные толки и разговоры о представленіи. Всѣмъ чрезвычайно понравились Бѣлявка и Бонапарте, меньше же всѣхъ, главнымъ образомъ дамамъ, Антуанетина.

— Помилуйте! восклицали нѣкоторыя, возражая кавалерамъ, какъ водится, защищавшимъ хорошенькую героиню: — ну, что въ ней нашли? Мордочкой она еще ничего, да, но вѣдь вся она деревяшка какая-то!..

Съ восторгомъ дамы подхватили и передавали другъ другу слова Возницына. Тотъ по окончаніи спектакля всталъ съ кресла и громко изрекъ: „—не Антуанетина она, а дубинетина!“

Надъ средней темной клумбой сада вдругъ вспыхнуло и завертѣлось огненное колесо, и точно такія же загорѣлись надъ остальными: Бѣлявка, успѣвшій переодѣться и разгримироваться, принялся за другое свое дѣтище—фейерверкъ.

Надъ колесами взлетѣли брилліантовые фонтаны; одна за другой съ шипомъ огненными змѣями стали уноситься въ темное небо ракеты и тамъ онѣ лопались, дождемъ разсыпая разноцвѣтныя звѣзды.

Въ аллеяхъ пущены были шутихи и онѣ захлопали и запрыгали подъ визгъ, крикъ и смѣхъ шарахавшейся отъ нихъ публики.

Огромный залъ пентауровскаго дома былъ превращенъ въ столовую, гдѣ длинными бѣлоснѣжными линіями были вытянуты столы для ужина.

Когда въ дверяхъ зала показался губернаторъ, а рядомъ съ нимъ хозяинъ, ведя подъ руку довольно еще молодую губернаторшу, съ хоръ грянулъ торжественный военный маршъ: играли трубачи, присланные Пентаурову командиромъ гусарскаго полка.

Театральный оркестръ игралъ для публики въ паркѣ, и звуки музыки долго и далеко разносились среди тишины ночи надъ давно уснувшимъ городомъ.

Праздникъ Пентаурова удался на славу!

ГЛАВА XII.

„Философъ и вольнодумецъ“ Шилинъ, прослывшій такъ среди рязанскихъ обывателей средней руки, обиталъ въ небольшомъ собственномъ домикѣ, находившемся почти противъ подъѣзда театра.

Происхожденіемъ онъ былъ изъ разночинцевъ, учился въ бурсѣ, но изъ класса философіи былъ исключенъ, какъ гласило выданное ему свидѣтельство, „за разнообразное поведеніе“.

Документъ этотъ, вдѣланный въ рамку, висѣлъ на стѣнѣ въ горенкѣ, служившей ему кабинетомъ и столовой; на верхней части рамки бѣлѣла наклеенная полоска бумаги съ крупной надписью, воспроизведенной Шилинымъ съ другой, красовавшейся на заборѣ на Большой улицѣ: „астанавливаца строго воспрѣщаитца“.

Тѣмъ не менѣе останавливался около этого свидѣтельства и почитывалъ его во время своихъ прогулокъ по горенкѣ онъ часто; любилъ и показывать его пріятелямъ, при чемъ хохоталъ и ерошилъ свои и безъ того всегда вихрастые волосы.

Опредѣленныхъ занятій Шилинъ не имѣлъ, но довольно часто исчезалъ изъ Рязани, и его видѣли то въ Москвѣ, то въ Нижнемъ и Макарьевѣ, гдѣ онъ посредничалъ между крупными помѣщиками и купцами и весьма удачно.

Жилъ онъ холостякомъ, но, несмотря на это, въ домикѣ у него всегда было прибрано и уютно, а дворъ смѣло могъ назваться полной чашей: тамъ разгуливала и толстеннѣйшая свинья, величавшаяся „протопопицей“, и куры, и утки, и всякая подобная имъ пернатая благодать.

Всѣмъ хозяйствомъ вѣдала, или выражаясь по-шилински, за министра у него была здоровенная, краснощекая Мавра, дѣвка лѣтъ двадцати семи, горластая и всегда веселая, что особенно цѣнилось Шилинымъ.

— Много ли человѣку надо? говаривалъ онъ, сидя за рюмкою водки и закуской съ какимъ-нибудь пріятелемъ у своего окна:—домикъ, да садикъ, да курочку съ уточкой, да Мавру съ прибауточкой—и слава тебѣ, Господи!

И онъ подмигивалъ при этомъ подававшей соленые рыжики, либо еще что другое Маврѣ.

Та удалялась съ улыбкой,

— И шутъ гороховый, прости, Господи! довольно громко доносилось затѣмъ изъ кухни.

Пріятели хохотали.

Важивались въ шилинскомъ домикѣ и книжки — исключительно свѣтскаго содержанія: Шилинъ любилъ почитать и хорошо былъ знакомъ съ русской литературой.

Сталъ захаживать къ нему и Бѣлявка; отвѣтъ относительно трагедіи Зайцева онъ обѣщалъ дать на второй день послѣ спектакля.

Въ назначенное время пришелъ Зайцевъ и, поджидая Бѣлявку, они разговорились о „Багдадской красавицѣ".

— Чепуха это и дребедень! возглашалъ Шилинъ, ероша свои волосы. — Чушь отъ альфы и до омеги! Хоть бы это дѣйствіе взять: прячетъ человѣкъ свою возлюбленную въ пещеру и тамъ же иллюминацію дѣлаетъ, орда цѣлая пляшетъ у него!

— Такъ-то оно такъ! Это самое главное—красоту показать человѣку...

— И Антуанетина красива!... насмѣшливо возразилъ Шилинъ:—что жъ, и ее по твоему слѣдовало показывать?

— Я не про такую красоту говорю. А про то, что не надо въ театрѣ будней, довольно ихъ и въ жизни; надо,—онъ провелъ передъ собой руками по воздуху, какъ бы обрисовывая что-то неопредѣленное,—ну, я не знаю, какъ это сказать, иное, лучшее...

— Что же такое иное? Сказку, что ли?

— Сказку, да, да! Вотъ Пентауровъ и показалъ красивую сказку!

— Да не Пентауровъ совсѣмъ! воскликнулъ Шилинъ:—не будь у этого индюка Бѣлявки — его чепуха такъ чепухой и осталась бы! Это жъ Бѣлявка скрасилъ ее всякими огнями и выдумками. Входите, кто тамъ? крикнулъ онъ, оглянувшись на стукъ.

Дверь отворилась, и въ горенку вошелъ тотъ, кого только что поминали собесѣдники.

— А, театральное начальство! привѣтствовалъ его хозяинъ:—а мы, васъ ожидаючи, по рюмочкѣ раздавили. Пожалуйте-съ. Все съ нимъ о вашей Багдадской красавицѣ толковали!

— Да, нашумѣли мы по усей Рязани! самодовольно отвѣтилъ Бѣлявка.—А вамъ какъ понравилось?

Бѣлявка увидалъ на столѣ штофъ съ водкою и нѣсколько опустошенныхъ тарелочекъ съ ветчиной и соленіями, потеръ руки и выразительно уставился на нихъ.

— Мавра, подкрѣпленьица! распорядился Шилинъ.

— Очень понравилось! отвѣтилъ Зайцевъ.

— Ну-съ, а о его трагедіи что скажете? спросилъ Шилинъ, давъ гостю время опрокинуть въ себя большую рюмку и закусить грибкомъ.

— Какъ вамъ объяснить?.. глубокомысленно произнесъ Бѣлявка, ловя вилкою прыгавшій по тарелкѣ второй грибъ:—съ одной стороны будто посвѣчиваетъ, — а съ другой отсвѣчиваетъ!

— То-есть какъ? не понялъ авторъ.

— А то, шо у ней якъ звонари на Пасху—всѣ звонятъ, а никто ничего нэ дѣлаетъ. Ну, взять храфа съ Алиной: три дня подрядъ у саду о любви ей долбить, долбить, шо дятелъ у березу, и хоть-бы шо путное сдѣлалъ: перстомъ бы въ бокъ ткнулъ или поцѣловалъ бы? Да усѣ Алины, сколько ихъ ни есть на свитѣ, въ глаза бы ему за то наплевали!

— Почему же? они оба мечтаютъ... возразилъ Зайцевъ.

— Три дня? Да живой человѣкъ слюной изойдетъ! Тутъ явное дѣло—огребай ее въ обѣ руки и конецъ. И публикѣ есть на что поглядѣть, и актеру чѣмъ себя показать! А то жъ ни себѣ ни людямъ: сидить, шо сычъ, и плететь невѣдомо шо...

Зайцевъ глянулъ на Шилина.

— Вѣрно; публикѣ, пожалуй, и не понять! согласился тотъ;—не по зубамъ ей орѣхъ!

— Вотъ, вотъ. подхватилъ Бѣлявка: — я не хаю

піесу; говорять у ней усѣ хорошо, спору нѣтъ, а шо таке имъ треба—понять нельзя!

— А про предсмертную рѣчь графа на балконѣ, гдѣ онъ всѣхъ крѣпостныхъ отпускаетъ на волю, что скажете? спросилъ Зайцевъ.

Бѣлявка устремилъ глаза въ потолокъ, подумалъ и, какъ тараканъ, неопредѣленно пошевелилъ пальцами.

— Хороша, но продолговата! отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, на сценѣ не поставите? въ голосѣ Зайцева слышалось разочарованіе.

— Ну, это еще поглядимъ... Бѣлявка важно пропустилъ вторую рюмку. — Поразсмотрю, подумаемъ съ бариномъ, поправимъ шо треба... Для хорошихъ людей и я радъ постараться... Эхъ, добавилъ онъ, хвативъ съ хозяиномъ по третьей и стукнувъ ладонью по столу:— усе идеть хорошо, въ актерахъ только у меня недочетъ. Басу хорошаго нѣтъ!

— Зачѣмъ онъ вамъ? удивился хозяинъ.

— Какъ зачѣмъ, Господи? Ну, хоть третьяго дня калифа взять — развѣ же то калифъ былъ? „Гассанъ, взгляни въ глаза мнѣ"—какъ онъ это сказалъ? На карачки шобъ весь залъ попадалъ, вотъ какъ надо было сказать!

— А у меня есть такой на примѣтѣ .. промолвилъ Шилинъ.

Зайцевъ сидѣлъ, задумавшись, и каталъ изъ хлѣба шарикъ.

— О? кто такой? обрадовался Бѣлявка.

— Попадьи нашей сынъ, Агафонъ. Голосина у него—ни одинъ Іерихонъ не выдержитъ!

— Да ну? И будетъ играть у насъ?

— Очень гребтится парню: просилъ меня вчера пособить въ этомъ дѣлѣ. Смутили ужъ вы его очень своей красавицей!

— А отецъ Михей съ матушкой какъ глянутъ?

— Да не похвалятъ, понятно! Ну, да въ тайности онъ хочетъ, явно не скажется.

— Такъ, такъ... А пришлите вы его ко мнѣ, пожалуйста!

— А вы пьеску нашу почитайте, можетъ и лучше покажется она вамъ?

Стукъ въ дверь помѣшалъ Бѣлявкѣ отвѣтить; вошелъ новый гость—молодой Хлѣбодаровъ съ кулечкомъ въ рукѣ.

— Именитому купцу наше малиновое! воскликнулъ Шилинъ.

— Хлѣбъ да соль! сказалъ тотъ, сіяя всѣмъ своимъ сытымъ обличьемъ и ставя у стѣнки кулечекъ, изъ котораго выглядывали горлышки бутылокъ.

— Мавра, подкрѣпленьица! Ну, что хорошаго подѣлываете? спросилъ Тихона хозяинъ.

— Да старое все... хересъ нонче съ утра мадерили:—нейдетъ иначе!

— Какъ же это мадерите? полюбопытствовалъ Бѣлявка.

— А такъ съ: сахарцу въ нее кладемъ жженаго, да кожи кусочекъ—для духу. И на малагу его обертываемъ: для той лакрицу пущаемъ. Вотъ для пробы принесъ вамъ, Смарагдъ Захаровичъ, двѣ парочки: одобрите ли?

Шилинъ подмигнулъ Тихону.

— Спроворилъ у тятеньки?

— Да вѣдь иначе какъ же: — безъ честныхъ перстовъ не прожить!

— Попробуемъ, попробуемъ... Шилинъ принялся за откупорку. — А не опоишь ты насъ дрянью какой? добавилъ онъ, нюхая вино.

— Помилуйте, да нежто можно?.. отвѣтилъ Тиходъ:—вина у насъ превосходныя, первый сортъ... Мы не то, что другіе—тамъ вѣдь фуксинъ да вода со спиртомъ вотъ вамъ и вино все: собака ежели лапой въ него попадетъ—недѣлю выть будетъ!

— Хорошее винцо!.. съ видомъ знатока проговорилъ Бѣлявка, отвѣдавъ его, и поглядѣлъ на свѣтъ, приподнявъ стаканъ.

— Ужъ дозвольте тогда и вамъ полдюжинки представить? услужливо предложилъ Тихонъ.

— Можно, можно, дозволяю...

— Выкушайте во здравьице! А ужъ и актриска

жъ у васъ есть, Григорій Харлампычъ! Ухъ-съ! Тихонъ чмокнулъ свои пальцы: — песъ ее раздери — до замѣчательности хороша!

— Антуанетина, что ль?

— Да ужъ кому больше? Ахъ, то-есть, все отдай и пятачекъ прикины!

Бѣлявка захохоталъ.

— А у меня дѣльце есть до васъ, Смарагдъ Захарычъ... обратился къ тому Тихонъ и поскребъ затылокъ.

— Да ужъ вижу, что есть, коль съ кулькомъ пришелъ, отозвался тотъ:—ну, выкладывай, что такое?

— Кутнули мы вчера здорово...

— Лапой-то видно не собака въ вино, а ты къ тятенькѣ въ выручку попалъ?

Тихонъ ухмыльнулся, и толстыя щеки его, что бугры, сдвинулись къ мясистымъ ушамъ.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ... отвѣтилъ онъ, поправляя свой кокъ. — Собрались мы всѣ свои, а тутъ къ намъ господина Леонтьева и нанесло и тоже съ мухой. Ну, наши жеребцы вѣдь всѣ стоялые — давай ржать надъ ними; они въ словесность, то да се пошло, а я съ пьяну то и того: по скулѣ ихъ и обезпокоилъ!

Шилинъ качнулъ головой.

— Теперь жаловаться тятенькѣ хочетъ и про все разсказать, Ужъ вы сдѣлайте милость, пособите?...

— Ладно... пробурчалъ хозяинъ.

— Сто лѣтъ вамъ прожить, да двѣсти на карачкахъ проползать! обрадованно воскликнулъ Тихонъ.

— А ты поосторожнѣе будь! наставительно сказалъ Шилинъ:—не суй зря кулачищемъ во всякое рыло. Да и словесность свою поуйми: она у тебя хороша, да дорога только!

Тихонъ дажо прореготалъ отъ какого-то веселаго воспоминанія.

— Это вѣрно, что дорога: за кажное слово надысь квартальному по трешкѣ отдать пришлось!

Всѣ, кромѣ Зайцева, присѣвшаго на диванъ за книжку, выпили снова.

Тихонъ наклонился въ сторону Бѣлявки.

— Что я вамъ скажу, Григорій Харлампычъ? вкрадчиво, съ видомъ кота, оставшагося наединѣ съ крынкою молока, проговорилъ онъ.

— Ну-те?

Тихонъ приставилъ обѣ руки къ уху Бѣлявки и что-то зашепталъ ему.

Внимательное сперва лицо актера стало улыбаться; осовѣлые глаза замаслились.

— Ахъ ты... бодай те мышь!.. вырывалось у него: —хе-хе-хе... Ну, да ужъ ладно: сдѣлаю!

Тихонъ съ залоснившимся отъ жира и удовольствія лицомъ откинулся назадъ.

— Стало быть, шабашъ, Григорій Харлампычъ? Вы для меня постарайтесь, а я вамъ вотъ какъ угожу: по самое иже еси! онъ черкнулъ себя пальцемъ по горлу.

Руки ихъ шлепнулись другъ о друга въ знакъ заключенія союза.

— Ладно, вышлю я тебѣ ее съ репетиціи: ты въ подъѣздѣ театра жди! пообѣщалъ Бѣлявка.

Онъ всталъ и началъ прощаться; съ нимъ вмѣстѣ схватился со стула и ушелъ и молодой Хлѣбодаровъ.

— Охота тебѣ, Смарагдъ, съ этой свиньей вожжаться? проговорилъ, опустивъ книгу, Зайцевъ, когда за ушедшими затворилась дверь.

— Что ты все ангеловъ на землѣ ищешь? отвѣтилъ Шилннъ: —ангелы, братъ, на небесахъ, а земля это скотный дворъ небесный — она вся подъ скотовъ отведена!

ГЛАВА XIII.

Успѣхъ трагедіи окрылилъ Пентаурова. Онъ чувствовалъ себя помолодѣвшимъ и выросшимъ и, прогуливаясь въ одиночествѣ въ своей залѣ, мечталъ о томъ, какъ вѣсть объ его замѣчательной пьесѣ долетитъ до Петербурга, какъ тамъ зашевелятся всѣ и захотятъ увидать ее..... Затѣмъ послѣдуетъ тріумфальное представленіе въ столицахъ... статьи въ альманахахъ и вѣдомостяхъ... всюду его напечатанные портреты... Голова го-

това была разлетѣться у Пентаурова отъ напора радостныхъ мыслей!

Ванька, считавшій своей обязанностью подсматривать за бариномъ, передавалъ въ людской, что тотъ постоянно и подолгу сталъ простаивать передъ зеркалами въ залѣ, при чемъ то задиралъ голову и засовывалъ руку за бортъ сюртука, то, избоченившись, отставлялъ впередъ одну ногу, а руку закладывалъ за спину; иногда онъ даже подпрыгивалъ и взмахивалъ руками, какъ бы воображая, что у него крылья.

О томъ, что успѣхомъ своей пьесы онъ былъ обязанъ исключительно Бѣлявкѣ, сумѣвшему скрасить ее обстановкою и разными актерскими фортелями—онъ не подозрѣвалъ совсѣмъ. Не подозрѣвалъ этого и Бѣлявка.

Но неожиданно появилась и черная точка на свѣтломъ горизонтѣ Пентаурова: ему передали, что весь городъ зоветъ Антуанетину—дубинетиной.

Голосъ въ глубинѣ души подсказывалъ ему, что молва права—въ Антуанетиной было что-то деревянное, и послѣ того, какъ онъ узналъ ея прозвище, на репетиціяхъ, которыя онъ посѣщалъ ежедневно, она стала не нравиться ему больше и больше.

А между тѣмъ—слѣдующая пьеса—„Стрѣлы любви" всецѣло лежала на плечахъ героини.

Кѣмъ же замѣнить ее, откуда достать новую, лучшую актрису?

Сколько ни раскидывалъ умомъ Пентауровъ, какъ ни приглядывался къ дворовымъ дѣвушкамъ — замѣны Антуанетиной не было.

Во время одного изъ такихъ раздумій носастый Ванька доложилъ ему, что его хочетъ видѣть Бѣлявка съ какими-то двумя людьми.

Пентауровъ приказалъ ихъ впустить, и въ кабинетъ вошли Бѣлявка, а съ нимъ долговязый Агафонъ съ черными кудлами на головѣ и какой-то небольшого роста свѣтлолицый человѣкъ въ потертомъ подрясникѣ. Двое незнакомцевъ низко поклонились барину.

— Насчетъ басу докладывалъ я вамъ-съ... началъ Бѣлявка;—вотъ онъ-съ... Агафонъ Присноблаженскій!

— А этотъ кто? спросилъ Пентауровъ, переводя взглядъ на другого.

— Это-съ?.. Бѣлявка кашлянулъ въ кулакъ: — товарищъ его... дьячокъ Стратилатъ... Служить у васъ хочить...

— Да вѣдь я же не архіерей? воскликнулъ, приподнявъ обѣ розовыя ладошки, Пентауровъ.

— Въ театрѣ-съ... актеромъ!

— А, вотъ что... Ну, а какъ же твое дьячковство?

— Уйду-съ!.. рѣшительно отвѣтилъ Стратилатъ, встряхнувъ головою:—ничего въ моемъ званіи хорошаго нѣтъ!

— Что же они у насъ будутъ дѣлать? Пентауровъ вопросительно взглянулъ на Бѣлявку.

— Нужны намъ актеры, мало ихъ у насъ-съ... съ ними усякую вашу пьесу поставимъ! отвѣтилъ тотъ. — И ненадеженъ у насъ Бонапарте!

— А что? быстро спросилъ Пентауровъ; — все пьетъ?

— Съ самаго открытья не протрезвлялся-съ... Ролю съ меня все трагическую требуетъ!

— Онъ? Трагическую? Пентауровъ засмѣялся.—Что же ты урезонилъ его?

— Резонно-съ говорилъ: дуракъ ты, сказалъ, обличье-то у тебя потребное гдѣ? А винъ усе свое тешетъ: извѣстно, пьяный!

— Вели запереть... Ну, а съ тобой какъ же быть? Пентауровъ обратился къ Агафону.—Бѣлявка говорилъ мнѣ, что тебѣ сыграть очень хочется?.. Неудобно это...

Бурсакъ молчалъ и мялъ въ здоровенныхъ ручищахъ свою шапку.

— Ты вѣдь отца Михея сынъ?

— Сынъ...

— А голосъ дѣйствительно хорошъ! воскликнулъ Пентауровъ.—А ну-ка, прочти что-нибудь наизусть? Монологъ какой-нибудь.

— Этого онъ не знаетъ-съ... вступился Стратилатъ.—Развѣ ектенію?

— Ну, ну, ектенію...

Бурсакъ конфузливо глянулъ на товарища: тотъ ткнулъ его локтемъ.

— Вали, вали, Агаша, не стѣсняйся .. вполголоса поддержалъ онъ его.

— Міромъ Господу помолимся... словно откуда-то издали приплыла мягкая, еще несмѣлая октава.

— О мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о соединеніи всѣхъ Господу помолимся...

— Хорошо! Проронилъ Пентауровъ и, склонивъ голову совсѣмъ на бокъ, пріоткрылъ ротъ и приготовился слушать дальше.

— О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ Господу помолимся.

Агафонъ овладѣлъ собой, и могучій голосъ его росъ и ширился и казалось, не изъ горла человѣка, а откуда-то изъ пространства льются могучіе и бархатно-нѣжные звуки; они наполнили и пробудили всю комнату—отзывалась чернильница на столѣ, отзывались окна, отзывалась гитара, висѣвшая на стѣнѣ.

— Великолѣпно, чудесно! въ полномъ восторгѣ закричалъ Пентауровъ, когда Агафонъ кончилъ, умолкъ и опять потупился.—Ну, милый, я тебя разцѣлую!

И онъ, открывъ объятія, подошелъ къ Агафону и подставилъ ему сперва одну, потомъ другую, выбритую, пухлую щеку. Тотъ добросовѣстно отчмокалъ ихъ, потомъ руку барина.

— Въ столицахъ такого голоса не сыскать! произнесъ умиленный Бѣлявка.—И шо жъ это буде, коли винъ со сцены заговорыть? Онъ зажмурился и покрутилъ носомъ:—уверхъ ногами поперевертаються уси!

— Нельзя его упускать, нельзя!.. рѣшилъ Пентауровъ, потирая въ восторгѣ руки:—Это кладъ!

— Истинно-съ!.. убѣжденно поддакнулъ Бѣлявка.

— Но какъ же быть съ отцомъ Михеемъ? Вѣдь онъ не позволитъ ему?

— Главная тутъ обстоятельность не въ немъ, а въ матушкѣ! вставилъ Стратилатъ:—отъ нея и я бѣжать хочу!

— А дозвольте отцу Михею ничего не говорить? вмѣшался Бѣлявка: —пусть сыграетъ въ тайности!

— Все равно, вѣдь потомъ узнается!..

— А вамъ яке дило? Ну, узнають, ну, отваляетъ его матушка скалкой,—шо жъ съ того? Винъ ось якій здоровенный..

— Не боишься скалки? спросилъ Пентауровъ.

Бурсакъ вскинулъ на него большіе черные глаза свои, усмѣхнулся и опять потупился.

— Скалка пустое!... пренебрежительно отвѣтилъ за него Стратилатъ.

— Тогда и прекрасно... пусть играютъ! Бѣлявка, обоихъ ихъ возьми и испытай. Тебѣ жалованье положу... добавилъ Пентауровъ Стратилату.

Тотъ хотѣлъ что-то сказать, но не успѣлъ: дверь въ кабинетъ съ силой распахнулась, и показался отбросившій ее Бонапарте. Онъ пошатнулся, оправился и, стараясь твердо держаться прямой линіи, подошелъ къ изумленному барину и вдругъ упалъ передъ нимъ на колѣни. Лицо Бонапарте было вспухшее и красное, въ мутныхъ глазахъ свѣтились мрачные огоньки.

— Баринъ, явите божескую милость?. возопилъ онъ, ударивъ себя въ грудь кулакомъ,—прикажите мнѣ геройскую ролю дать!

— Прикажу тебѣ розогъ дать! отвѣтилъ Пентауровъ:—съ ума сошелъ, а?

— Вѣдь я же герой?! возгласилъ Бонапарте, не слушая и опять ударяя себя въ грудь. — Не понимаетъ меня никто! Носъ, онъ говоритъ, не тотъ...—онъ ткнулъ пальцемъ на Бѣлявку.—А носъ... вотъ онъ гдѣ у меня, носъ этотъ! Бонапарте яростно застучалъ себя въ сердце.—Понять это надо! А что жъ, что онъ красный—выбѣлю?

— Вотъ я тебя выбѣлю на конюшнѣ. Вытащите вонъ дурака! обратился Пентауровъ къ Бѣлявкѣ, и тотъ съ помощью обоихъ будущихъ актеровъ поволокъ вонъ непризнаннаго трагика. Бонапарте заливался слезами и безсвязно выкрикивалъ что-то о своемъ сердцѣ и о героическимъ дарѣ, данномъ ему отъ Бога.

Пьянаго заперли въ чуланѣ при людской, а Пен-

тауровъ, вспомнивъ, что утромъ онъ получилъ записку отъ Лени, въ которой она сообщала, что мать проситъ его пріѣхать, приказалъ закладывать лошадей, и вороной щестерикъ, что птица, понесъ его по пыльной дорогѣ въ Баграмово.

Странныя отношенія существовали между Людмилой Марковной и ея сыномъ.

Трудно сказать—любила ли она его когда-нибудь, да и вообще любила ли хоть одно живое существо на свѣтѣ, кромѣ своихъ мосекъ и Лени. Сынъ рано вырвался изъ подъ ея жестокаго крыла и зажилъ отрѣзаннымъ ломтемъ, совсѣмъ не заглядывая въ родныя палестины и развѣ раза два въ годъ—ко дню именинъ и рожденья матери, писалъ ей по казенному письму.

Старуха равнодушно прочитывала ихъ и бросала и только все чаще и теплѣе стала поглядывать на игравшую у ея ногъ прехорошенькую крошку — сиротку съ большими карими глазами въ вѣнчикахъ изъ темныхъ рѣсницъ. Крошка эта была Леня, одна изъ цѣлой дворовой семьи уцѣлѣвшая отъ холеры и взятая по приказу Людмилы Марковны въ горницы.

Какъ ни черства была по натурѣ Пентаурова, все-же въ маленькомъ уголкѣ ея сердца теплилась потребность любить, и этотъ уголокъ всецѣло заполонила Леня.

Одно только нѣсколько привязывало Пентаурову къ сыну—гордость и честолюбіе. Ей думалось и хотѣлось увидѣть въ немъ что-либо блестящее и изумительное по карьерѣ. Но когда и эта мечта разлетѣлась, какъ фарфоровая чашка, упавшая на полъ, привязанность превратилась въ пренебреженіе.

Сверхъ обыкновенія, пріѣзда Владиміра Дмитріевича ожидали на этотъ разъ въ Баграмовѣ съ нетерпѣніемъ.

Людмила Марковна хорошо понимала, что смерть ея уже не за горами, и будущность Лени, дворовой Владиміра Дмитріевича—тревожила ее съ каждымъ днемъ все больше и больше. И въ только что минувшую ночь, когда сердечные перебои заставили ее подняться съ постели и ждать уже послѣдней минуты, она порѣшила,

не откладывая больше, вызвать сына и заставить его написать Ленѣ вольную.

— Насчетъ пьесъ его глупыхъ поговори, поинтересуйся,—совѣтовала Ленѣ Людмила Марковна въ ожиданіи сына:—шалый онъ, тутъ у него...—она постучала себя по лбу: — всѣ винты разболтаны! Это ему понравится... Да про Бенкендорфа не вздумай поминать,—добавила она, усмѣхаясь: — не дастъ тогда ни за что документа! Козелъ, вѣдь. А надо получить скорѣй...—Она вздохнула, и въ это время на балконъ, гдѣ шла бесѣда, влетѣла одна изъ приживалокъ.

— Пріѣхали, пріѣхали! присѣдая и хлопая руками по согнутымъ колѣнамъ, возвѣстила она шипѣньемъ Змѣя Горынича.

Пентауровъ вошелъ съ дѣланно-беззаботнымъ видомъ и приложился къ ручкѣ матери: онъ всегда чувствовалъ себя нѣсколько неловко подъ тяжелымъ, пристальнымъ взглядомъ ея желтыхъ глазъ.

— Здравствуй, отвѣтила она,— Что, все игрушкой новой забавляешься, я слышала?

— Здравствуй, Леня!.. проговорилъ Пентауровъ, погладивъ по головѣ дѣвушку: — все хорошѣетъ она у васъ!

— Вотъ насчетъ ея я и хотѣла съ тобой переговорить.

— А что именно?

— Что именно послѣ обѣда скажу: на все свое время есть; сейчасъ, видишь, столъ накрытъ,—обѣдать давайте!

Съ помощью Лени старуха перешла къ длинному столу, сверкавшему бѣлизной скатерти и фарфоровыхъ тарелокъ, и всѣ усѣлись за него.

Пентауровъ любилъ покушать, и отличный, заказанный по его вкусу, обѣдъ привелъ его въ пріятное настроеніе. Онъ пустился въ разсказы о театрѣ, о спектаклѣ и въ такихъ краскахъ описывалъ все происходившее на немъ, что если бы потребовалось дальше разсказывать о чудесахъ самой Индіи—для нея уже ничего не осталось бы, кромѣ незначащихъ словъ.

Людмила Марковна слушала, молча, и почти не

ѣла, а только отщипывала по кусочку отъ всего, что ей накладывали на тарелку. Разговоръ поддерживала Леня, и ея спокойное вниманіе, ея дѣльные, полные большого знанія литературы, вопросы и замѣчанія поражали Пентаурова и привели его почти въ восхищеніе.

— Ну, теперь и моему разговору съ тобой часъ пришелъ! сказала Людмила Марковна, отодвигая тарелку, когда окончено было послѣднее блюдо — крупная малина съ густыми сливками.—Петька и вы всѣ—вонъ! обратилась она къ лакею и скромно сидѣвшимъ на концѣ стола приживалкамъ.

Всѣ лишніе исчезли.

— Она твоя крѣпостная, а не моя, это тебѣ извѣстно? обратилась Людмила Марковна къ сыну, кивнувъ на Леню.

— Да, да... разсѣянно отвѣтилъ онъ, качая на ножѣ подставку для вилокъ и думая о вдругъ пришедшемъ ему въ голову соображеніи о перестановкѣ явленій въ „Стрѣлахъ любви".

— Я стара, умереть могу въ одночасье, продолжала старуха: — Леня мнѣ та же дочь, и хочу, чтобъ худо ей не было, когда меня не станетъ. Вы, всѣ мужчины, дрянь, и дѣвушку на васъ оставить нельзя! Надо ей вольную.

— Да, да... это хорошо!.. отозвался Пентауровъ.

— Разумѣется, хорошо! И дай ей ее. Это я требую!

— Конечно, дамъ, дамъ!..

— Нѣтъ, не дамъ—дамъ, а чтобы завтра же она была написана!

— Завтра? Но зачѣмъ такъ спѣшно?

— Затѣмъ, что умереть завтра оба можемъ.

Пентаурова передернуло: онъ не любилъ напоминаній объ этой міровой непріятности.

— Что за мысли у васъ, maman?.. недовольно отвѣтилъ онъ.—Обѣщаю вамъ, что напишу!

— Завтра же? Смотри,—умру безъ этой бумаги въ рукахъ,—изъ гроба встану, приду къ тебѣ за ней!

— Какіе ужасы вы говорите, maman! воскликнулъ Пентауровъ, незамѣтно для всѣхъ творя подъ столомъ

на брюшкѣ своемъ крестное знаменіе.—Хорошо, хорошо, завтра же напишу!

Людмила Марковна успокоилась.

— Ну, ну... послѣзавтра къ обѣду буду ждать! Теперь отдохнуть хочу, потомъ поговоримъ еще. Леня, займи его!..

Старуха улеглась въ свое кресло, а Леня предложила Пентаурову взглянуть на приведенную ею въ порядокъ библіотеку, которой тотъ еще ни разу не поинтересовался.

Библіотека помѣщалась наверху и занимала просторную комнату съ круглымъ столомъ посрединѣ, покрытымъ длинною, будто золотою скатертью. Вокругъ него и у стѣнъ между шкапами стояли кресла и гнутый диванъ изъ краснаго дерева; обивка на нихъ была тоже золотистая, подъ стать занавѣскамъ за стеклами шкафовъ и огромнымъ шторамъ, спускавшимся отъ высокаго потолка до полу.

— А и не узнать? воскликнулъ Пентауровъ, остановясь въ дверяхъ библіотеки и оглядывая ее.—Да тутъ прежде и мебели никакой не было!

— Это я подобрала сюда изъ разныхъ комнатъ, отозвалась Леня, открывая шкафъ. Въ немъ ровными линіями вытягивались безмолвные ряды книгъ въ кожаныхъ переплетахъ съ золотыми натисками.

— Великолѣпно! продолжалъ Пентауровъ:—однако, у тебя много вкуса, я вижу! Тутъ мечтать хорошо... писать... Что это? Державинъ, Дмитріевъ... гмъ... скоро и я здѣсь между ними мѣсто займу!.. Онъ самодовольно выпятилъ впередъ брюшко и при словѣ „здѣсь“ похлопалъ концами пальцевъ по полкѣ.

— То-есть, какъ? спросила, не уразумѣвъ, Леня.

— Такъ! Вотъ пройдутъ мои пьесы на сценѣ, — напечатаю ихъ,—здѣсь имъ и мѣсто уготовано!

— Много ихъ у васъ?

— Порядочно. Однихъ трагедій двадцать!

— Это интересно! Но чего же больше, — комедій или трагедій?

— Конечно, трагедій. Жизнь наша — это вообще почти сплошь трагедія. Комическаго въ жизни мало!

Напыщенный видъ и тонъ Пентаурова почему-то напомнили Ленѣ приключеніе его у графа Бенкендорфа. Она закусила губу, чтобы скрыть улыбку.

— Хотите я вамъ прочту что-нибудь? предложила она, не зная, чѣмъ занять дальше своего собесѣдника.

Пентауровъ опустился на диванъ, откинулся на спинку и сталъ играть брелоками отъ часовъ, золотыми кистями свисавшими у него съ обоихъ боковъ изъ жилетныхъ кармановъ: тогда было въ модѣ носить по двое часовъ.

— Прочти, прочти, я люблю послушать. Только путное что-нибудь... высокую трагедію!..

— Хотите Федру? спросила дѣвушка, вынувъ изъ шкафа небольшой томикъ въ бѣлой кожѣ.

Пентауровъ состроилъ легкую гримасу.

— Ну, не первый это сортъ; но ничего, читай, читай...

При первыхъ же звукахъ ея голоса Пентауровъ насторожился: ему показалось, что Леня исчезла и передъ нимъ заговорила незнакомая женщина, затаившая въ сердцѣ своемъ великое страданіе и видящая то, чего не дано видѣть простымъ смертнымъ.

Леня читала безъ выкриковъ и паѳоса, но каждое слово хватало въ душѣ Пентаурова за какую-то, ему самому еще невѣдомую струну и заставило его сперва вынуть руки изъ кармановъ, затѣмъ выпрямиться и затаить дыханье.

— Леня, ты талантъ! едва смогъ онъ пробормотать, когда она кончила монологъ и опустила книжку, чтобы взглянуть на впечатлѣніе, произведенное ея чтеніемъ.—Самъ Богъ привелъ меня сюда! — Ты — Эсмеральда! Воплощенная Эсмеральда! Онъ потрясъ простертыми къ ней руками.

— Что это за Эсмеральда? съ легкимъ недоумѣніемъ спросила дѣвушка,

— Главная героиня изъ моихъ „Стрѣлъ любви“, Боже мой, но какая дрянь Антуанетина! чурбанъ она, кукла, дура!

Пентауровъ схватился за голову.

— Леня, ты должна играть Эсмеральду!.. рѣши-

тельно заявилъ онъ.—Безъ „но", безъ отговорокъ! добавилъ онъ, видя, что дѣвушка хочетъ что-то возразить.—Живъ не хочу быть, если ты не сыграешь! Это цѣна твоей вольной! Безъ этого не отпущу тебя... пожалуйста, пожалуйста, не возражай: я не люблю!

— Мнѣ не позволитъ Людмила Марковна!.. проговорила, поблѣднѣвъ, дѣвушка.

— А я документа не дамъ!

— Вы же обѣщали, Владиміръ Дмитріевичъ?

— Такъ что же? Даромъ я не обѣщалъ отпустить и не отпущу: заплати! Вотъ цѣна твоего выкупа: три представленія! У меня три тригедіи отложены и не могутъ идти изъ-за того, что нѣтъ актерки,—сыграешь ихъ—иди, куда хочешь! Кажется, цѣна невелика... безъ запроса, а? пошутилъ Пентауровъ, видя, что Леня молчитъ и стоитъ, уронивъ руки.—Вольную я, какъ обѣщалъ, напишу завтра же... продолжалъ онъ:—это чтобъ ты съ maman были спокойны. Но на руки получишь ее только послѣ трехъ представленій. Это рѣшено и подписано!

— А если Людмила Марковна не согласится?

Пентауровъ развелъ руками.—Тогда и я не согласшусь! Какъ угодно-съ. Тутъ я помочь ничѣмъ не могу. Это ужъ твое дѣло, поговори съ ней, урезоны! Я отъ этого отказываюсь! Она мнѣ мать... но,—онъ постучалъ себя по лбу съ жестомъ, чрезвычайно похожимъ на тотъ, что недавно продѣлала Людмила Марковна:—у нея тутъ... ну, ты сама понимаешь, что у нея тутъ.. По рукамъ, значитъ, а?

— По рукамъ... тихо отвѣтила Леня, протягивая свою руку навстрѣчу пентауровской.

Тотъ заключилъ ее въ объятія.

— Вотъ и чудесно, вотъ и превосходно! воскликалъ онъ въ полномъ восторгѣ.—И дѣлу конецъ! Мы тебя поотшлифуемъ еще, блеску этого придадимъ, выразительности... того, словомъ! есть у тебя кое-какіе недочетики, есть, ну, да мы съ Бѣлявкой съ ними справимся! Всѣ трагедіи мои пойдутъ! Что это будетъ?! Пентауровъ весь сіялъ и, что шарикъ ртути, катался по комнатѣ, то потирая руки, то всплескивая ими. — Не

завтра, а сегодня же пишу вольную: лошадей вели подавать!

— Людмила Марковна еще не проснулась... Она хотѣла повидать васъ до отъѣзда!

— А зачѣмъ? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: я радъ, я счастливъ, у меня душа паритъ, а она опять начнетъ объ этомъ... о покойникахъ!.. Я ѣду! скажи, что спѣшилъ въ городъ писать документъ тебѣ и потому не дождался ея. Ну, моя Эсмеральда, моя прелесть, моя птичка,—до свиданія! Онъ послалъ Ленѣ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ и побѣжалъ къ лѣстницѣ. На серединѣ ея онъ остановился, повернулся къ провожавшей его дѣвушкѣ и погрозилъ ей пальцемъ:—завтра жду отъ тебя письма съ согласіемъ!

И, не дожидаясь отвѣта, поспѣшилъ внизъ.

ГЛАВА 14.

Дѣло у Нюрочки Груниной съ Курденко, несмотря на самыя пламенныя желанія ея ускорить его, не подвигалось впередъ ни на волосъ. А, между тѣмъ, до нея стали доходить слухи, что Курденко серьезно ухаживаетъ за одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ города и считается тамъ чуть ли не женихомъ.

Нюрочка была дѣвица расчетливая и даромъ времени тратить не хотѣла, а такъ какъ у нея имѣлись другія возможности, то она и рѣшила разузнать все подробно о гусарѣ и о его намѣреніяхъ относительно нея.

Выполнить это было трудно, и потому Нюрочка обратилась за совѣтомъ и помощью къ Клавдіи Алексѣевнѣ. Та, разумѣется, приняла откровеніе Нюрочки горячо къ сердцу и сейчасъ же указала, какъ на особенно пригоднаго для этой задачи человѣка, на Штучкина.

Нюрочка поморщилась.

— Н-ну?.. протянула она:—тутъ нужно бы какого-нибудь тонкаго человѣка!

— Дорогая моя, онъ тонокъ! Онъ чрезвычайно тонокъ! Онъ настоящій дипломатъ! увѣряла Клавдія

Алексѣевна. — Видъ у него суровый, мрачный—да, это правда, но душа пренѣжная; я хорошо его знаю! Онъ съ удовольствіемъ сдѣлаетъ!

— Но я не хочу, чтобы онъ даже подозрѣвалъ, для кого будетъ узнавать! сказала Нюрочка.

— Ахъ, разумѣется же, кто же ему это скажетъ?! воскликнула Клавдія Алексѣевна: — я съ нимъ дружна, я попрошу его,—для меня будто бы,—встрѣтиться съ Курденко и выпытать у него, въ кого онъ влюбленъ и какіе у него планы насчетъ женитьбы. Это такъ просто!

— Совсѣмъ не просто! возразила Нюрочка: Курденко прехитрый, увернется у него, какъ угорь...

— Тогда вотъ что?.. Клавдія Алексѣевна подумала и затѣмъ нагнулась къ собесѣдницѣ и прошептала:—я его попрошу Курденко подпоить. А?

— Да, это лучше!

— И прекрасно! Такъ я сейчасъ же и въ походъ, времени терять нечего!

Клавдія Алексѣевна принялась поспѣшно надѣвать передъ зеркаломъ шляпу.

На ея счастье тотъ, кого она искала, встрѣтился ей у только-что устроеннаго тогда общественнаго сада.

Штучкинъ стоялъ у входа, разставивъ ноги и, поднеся, словно для поцѣлуя, набалдашникъ трости ко рту, со сосредоточеннымъ видомъ глядѣлъ на плотниковъ, мастерившихъ съ саду перила и скамейки.

— Чѣмъ это вы увлеклись? здравствуйте, Андрей Михайловичъ! духомъ выговорила, подойдя къ нему, Клавдія Алексѣевна.

Тотъ оглянулся.

— Да вотъ, наблюдаю... Гигантскими шагами мы идемъ за Европой! онъ покачалъ головой:—удивительно! Сто лѣтъ всего прошло отъ дней Великаго Петра, а ужъ, смотрите,—общественные сады, мостовыя...

Онъ съ такимъ видомъ указалъ рукою вокругъ, будто видѣлъ передъ собой не осыпанныя пескомъ дорожки, а нѣсколько похоронныхъ процессій.

— Ужъ и мостовыя? усумнилась Клавдія Алексѣевна:—всего то у насъ одна Большая улица вымощена,

да и та вся въ ухабахъ! Я васъ искала, Андрей Михайловичъ...

— Меня? Зачѣмъ я понадобился?

— Именно, понадобились. Но здѣсь говорить неудобно, пойдемте въ садъ...

Штучкинъ не успѣлъ отвѣтить, какъ проворная Соловьева просунула свою длинную руку подъ его локоть и повлекла его на боковую аллею. Тамъ она подвела его къ скамейкѣ, стоявшей подъ тѣнистымъ кленомъ, усадила и опустилась съ нимъ рядомъ.

— Вы меня пугаете, Клавдія Алексѣевна! заявилъ Штучкинъ, глядя на торжественное выраженіе лица своей сосѣдки.

— Пугаться совсѣмъ нечего, дорогой Андрей Михайловичъ! — Намъ,—мнѣ и еще одной особѣ,—очень нужно узнать кое-что...

— Какой же еще одной особѣ?

— А это секретъ. Нужно, чтобы вы узнали нѣкоторую вещь у нѣкотораго человѣка.

— И это тоже секретъ?

— Нѣтъ. Но открыть ихъ вамъ я такъ не могу: вы должны сперва поклясться, что никому не передадите!

— Клянусь моими сапогами! сказалъ Штучкинъ, приподнявъ вверхъ два пальца.

— Не шутите, шутки здѣсь неумѣстны! серьезно сказала Соловьева:—дѣло идетъ о добромъ имени дѣвушки!

Штучкинъ опустилъ руку и заинтересовался.

— Ну, ну, говорите!

— Нѣтъ, дайте сперва слово, что будете молчать!

— Ей Богу, честное слово, вотъ вамъ крестъ! залпомъ отвѣтилъ онъ, кладя на себя крестное знаменіе.— Только скажите, для кого же это я хлопотать долженъ?

— А вы не проговоритесь ей?

Штучкинъ опять перекрестился.

— Для Нюрочки Груниной! шепнула ему на ухо Клавдія Алексѣевна, оглянувшись кругомъ:—но, смотрите, ни-ни ей; иначе и я найду, кому поразсказать ваши „тайны!“

— Сохрани Господи! неопредѣленно воскликнулъ Штучкинъ.

Клавдія Алексѣевна передала, что требовалось выполнить, при чемъ подчеркнула, что такое деликатное дѣло могло быть поручено только ему, какъ осторожнѣйшему и умнѣйшему дипломату во всей Рязани.

Штучкинъ погладилъ свои черныя бачки.

— Н-да... Конечно, мнѣ трудныя порученія не впервой... самодовольно проговорилъ онъ:—во Франціи мнѣ давали распутывать и потруднѣе затѣи... Я сдѣлаюсъ, но—только для васъ сдѣлаю, Клавдія Алексѣевна, попомните.

Клавдія Алексѣевна нѣжно потрясла ему руку.

— Значитъ, тонко все обдѣлаете, такъ, чтобъ и заподозрить никто ничего не могъ?

— Клавдія Алексѣевна,—я стратегъ и политикъ! внушительно отвѣтилъ онъ, выпрямляясь и строго глянувъ на Соловьеву.

Собесѣдники разстались; Клавдія Алексѣевна поспѣшила обратно къ Грунинымъ, а Штучкинъ зашагалъ, выпятивъ грудь и покручивая тростью, въ лавку Хлѣбодарова, гдѣ онъ разсчитывалъ найти Курденко.

У мосье Мишу онъ засталъ только одного Радугина.

Гусаръ сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ, за маленькимъ столикомъ въ углу и въ одиночествѣ допивалъ бутылку краснаго вина.

— А, Михаилъ Илларіоновичъ? произнесъ, входя, Штучкинъ:—что, никого еще нѣтъ? А Курденко вашъ гдѣ?

— Вчера умеръ... былъ отвѣтъ: — душевно жаль человѣка!

Штучкинъ глянулъ на него и захохоталъ.—Ну, ужъ вы и чудакъ, ей Богу! онъ опять залился смѣхомъ.

— Чему вы? невозмутимо серьезно освѣдомился Радугинъ.

— Заводчикову сказали про меня то же...

— Ну?

— А онъ домой ко мнѣ...

— И что же?

Штучкинъ умиралъ со смѣху и, не будучи въ состояніи выговорить ни слова, зашлепалъ себя руками по щекамъ, наглядно изображая пощечины. — Съ полсотни получилъ!

Радугинъ постучалъ стаканомъ о бутылку, и на звонъ явился Алексѣй.

— Коньяку съ лимономъ! распорядился гусаръ.— Такъ съ полсотни, говорите, онъ получилъ?

— И съ лѣстницы потомъ кубаремъ! Штучкинъ окончательно захлебнулся смѣхомъ.—А къ вамъ онъ съ претензіей не обращался?

— Ко мнѣ? удивился Радугинъ: — я жъ до сихъ поръ думаю, что вы давно покойникъ! Онъ пожалъ плечами.—Можетъ это, впрочемъ, вы въ претензіи? какъ бы спохватился онъ:—пожалуйста, присылайте тогда вашихъ секундантовъ!

— Я доволенъ! воскликнулъ Штучкинъ, вытирая слезы, выступившія у него на глазахъ.

Алексѣй принесъ бутылку и пару стаканчиковъ: — рюмокъ гусары не употребляли.

Радугинъ налилъ ихъ и чокнулся со Штучкинымъ.

— За грядущее воскресеніе мертвыхъ! произнесъ онъ.

— А вѣдь вы философъ! Васъ не поняты! Замѣтилъ Штучкинъ, выпивъ свой стаканчикъ и ставя его на столъ.

— Значитъ, все что непонятно—философія?

— Разумѣется. Кто же понимаетъ философовъ? съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Андрей Михайловичъ.

— Но не понимаютъ иословъ: значитъ и оселъ философъ?

— То скотина. Вы ужасно любите завести человѣка въ дебри. Съ вами страшно говорить!

Радугинъ пожалъ плечами.

— Тогда выпьемъ молча!

За повтореннымъ стаканчикомъ послѣдовали дальнѣйшіе, и Штучкинъ началъ чувствовать необыкновенный подъемъ и легкость во всемъ тѣлѣ; все ему стало

казаться чрезвычайно простымъ, хорошимъ и пріятнымъ. На лицѣ его расплылась блаженная улыбка.

— А Курденко будетъ? освѣдомился онъ, воззрившись на своего невозмутимаго собесѣдника.

— Что это онъ васъ такъ интересуетъ сегодня? отвѣтилъ вопросомъ же Радугинъ.

Штучкинъ вспомнилъ, что онъ въ должности дипломатическаго посла и хотѣлъ сдѣлать серьезное лицо, но, сверхъ ожиданія, улыбка оказалась сильнѣе его желанія, и онъ вынужденъ былъ взяться за обѣ щеки рукой и провести по нимъ внизъ, чтобы согнать ее.

— Такъ... дѣльце къ нему имѣю!.. вдругъ, опять расплываясь отъ улыбки, добавилъ онъ.

— Какое дѣльце?

Штучкинъ поднялъ указательный палецъ: — цссъ!! Секретъ! онъ подмигнулъ, потомъ захохоталъ и замоталъ головой:—потѣха!

— Ваше дѣло! равнодушно отозвался Радугинъ и, позвонивъ опять, потребовалъ вторую бутылку.

Новый стаканчикъ возымѣлъ на Штучкина странное дѣйствіе: онъ сдѣлалъ страшные глаза и перегнулся черезъ столъ къ самому лицу Радугина.

— Нюрочка Грунина въ него влюблена... прошепталъ онъ на всю комнату.

— За ея здоровье! отвѣтилъ тотъ, опять чокаясь съ Андреемъ Михайловичемъ.—И что же дальше?

— Вотъ я и жду его! шепотомъ же продолжалъ Штучкинъ:—я жъ его подкузмлю, всѣ секреты его выпытаю! Мастеръ я на это!

— Какіе?

— Собирается онъ жениться на ней или такъ... Штучкинъ позилялъ пальцами:—время проводитъ...

— А вамъ какая печаль?

— Какъ... какая? Штучкинъ не безъ труда одолѣлъ это слово:—Нюрочка сама просила меня узнать по секрету... Ну, и узнаю. Когда я былъ во Франціи...

Появленіе Заводчикова оборвало рѣчь Штучкина.

— А, Коленька?! взвылъ онъ своимъ утробнымъ голосомъ, увидавъ того. — Какъ живешь-поживаешь?!

Заводчиковъ даже поблѣднѣлъ, увидавъ Штучкина; прыщи его ярче закраснѣлись на лицѣ его.

— Покажи личико, зажило ли? продолжалъ, хохоча, Штучкинъ,—Щеки-то, щеки, ничего, а?

— Я, кажется, съ вами на брудершафтъ еще не пилъ! злобно возразилъ Заводчиковъ, здороваясь только съ Радугинымъ, которому онъ передалъ событіе въ смягченныхъ краскахъ и къ которому не питалъ никакой вражды; происшедшую съ нимъ непріятность онъ ставилъ въ вину исключительно Штучкину, наговорившему женѣ Богъ знаетъ что на его счетъ.

Радугинъ всталъ; глаза его были воспалены, но на ногахъ держался онъ, какъ слѣдуетъ.

— Благословляю васъ, дѣти! проговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ языкомъ.—Ссорьтесь, убивайте другъ друга, только не размножайтесь!.. А вамъ, господинъ Талейранъ, совѣтъ дамъ:—чужихъ секретовъ не узнавайте и имени ближняго всуе не поминайте!

Штучкинъ безсмысленно уперся въ него глазами, засмѣялся, опустилъ голову на руки, и когда Радугинъ зашагалъ, звеня шпорами, къ двери и коснулся ея — онъ уже спалъ, какъ убитый.

Заводчиковъ бросился въ лавку и черезъ минуту вернулся оттуда съ листомъ почтовой бумаги, съ гусинымъ перомъ и чернильницей.

Онъ присѣлъ за одинъ изъ столиковъ и сталъ выводить на листкѣ, стараясь подражать женскому почерку, слѣдующее:—„Милый мой Андрэ!“ потомъ на слѣдующей строчкѣ: „какъ ты вѣрно сказалъ, поганая рожа твоей жены способна даже у свиньи вызвать икоту до боли подъ ложечкой“.

Дальше значилось: „я обожаю тебя! совѣтую своей дурѣ, что идешь писать мемуары и, какъ всегда, приходи скорѣй къ обожающей тебя“.

Заводчиковъ перечиталъ написанное, потомъ осторожно разорвалъ листокъ на полоски, такъ что каждая фраза стала казаться частью изорваннаго на клочки письма, и засунулъ ихъ въ боковой карманъ Штучкина. Чтобъ сдѣлать замѣтнымъ мѣсто, гдѣ лежали эти убійственные документы, онъ вытащилъ изъ своего карма-

на флакончикъ съ духами и небольшой шелковый платочекъ, обшитый кружевами, пріобрѣтенный имъ спеціально въ цѣляхъ давно обдуманной мести.

Надушивъ платокъ, онъ сунулъ его вслѣдъ за какъ бы случайно сохранившимися лоскутками, но оставилъ кружевной уголокъ висѣть снаружи на груди Штучкина.

Покончивъ съ этимъ, онъ побѣжалъ опять въ лавку и, пославъ за извозчикомъ, принялся будить своего врага. Сдѣлать это удалось только съ помощью нашатырнаго спирта.

Двое молодцовъ вывели подъ руки совсѣмъ раскисшаго Штучкина и усадили его на гитару; одинъ изъ нихъ помѣстился рядомъ, обнявъ его за плечи.

— Не говори, откуда привезъ барина! распоряжался Заводчиковъ, сунувъ двугривенный въ руку молодцу:—скажи, на улицѣ, молъ, встрѣтилъ. Да возвращайся скорѣе, съ этимъ же извозчикомъ, я ждать буду!

Дрожки забренчали, увозя стратега и политика къ домашнимъ пенатамъ.

ГЛАВА XV.

Дни стояли превосходные, знойные, и всѣхъ, кто оставался еще въ городѣ, тянуло вонъ изъ него, въ поле, гдѣ жали рожь, пѣли жаворонки, пахло хлѣбомъ и травами.

Томясь отъ бездѣлья и скуки, Свѣтицкій около полудня приказалъ осѣдлать своего степного Башкира и, еще не рѣшивъ, куда направиться, легкою рысью выѣхалъ за Московскую заставу.

Башкиръ горячился и все наддавалъ хода, и Свѣтицкій и не замѣтилъ, какъ очутился на полдорогѣ отъ Рыбнаго. Онъ придержалъ коня, раздумывая, ѣхать ли дальше, или вернуться назадъ, но раздумье это, какъ и всегда, было только напрасной тратой времени: онъ далъ шпоры коню, и степнякъ понесся впередъ по хорошо знакомой дорогѣ.

Скоро въ правой сторонѣ за полемъ, часто устав-

леннымъ крестцами ржи, показались зеленыя кущи степнинскаго сада; слѣва къ нимъ, почти вплотную, примыкала деревня, дорога проходила черезъ нее, и Свѣтицкій, чтобы сократить путь, поѣхалъ прямо по жнивью.

Садъ отдѣляла отъ поля широкая канава съ валомъ позади; въ одномъ мѣстѣ валъ поосыпался, и Башкиръ въ одно мгновенье очутился въ саду.

Свѣтицкій слѣзъ съ него, отвелъ дальше въ тѣнь, отпустилъ подпруги и привязалъ къ одной изъ березъ, а самъ направился по аллеѣ, заранѣе улыбаясь тому впечатлѣнію, какое произведетъ его нежданно-негаданное появленіе у балкона.

Въ саду стояла полуденная тишина; только пчелы да мухи густо звенѣли среди листвы; изрѣдка, разслабленно и томно, чуть лепетали сквозившіе на солнцѣ березовые листки.

Свѣтицкому вдругъ послышался голосъ Сони. Онъ сорвалъ двѣ небольшія вѣточки, замоталъ ими колесики шпоръ, чтобы не звенѣли, и потихоньку сталъ подкрадываться къ тому мѣсту, гдѣ находилась дѣвушка. Сердце его забилось усиленно: она сидѣла на бабушкиной скамейкѣ.

Чтобы больше поразить ее, онъ свернулъ съ аллеи и, осторожно раздвигая кусты, направился такъ, чтобы очутиться за спиной Сони.

Отстранивъ рукой послѣднюю вѣтку, онъ остановился; вакансія была опять занята: рядомъ съ Соней сидѣлъ Плетневъ!

Ревность и досада овладѣли Свѣтицкимъ.

— Здравствуйте! громко произнесъ онъ, выставляясь изъ куста.

Соня вскрикнула и вскочила.

— Я не лишній? спросилъ Свѣтицкій.

— Какъ вы попали сюда, откуда?

— Могу и уйти... обиженно отвѣтилъ гусаръ; руки опъ не протянулъ ни Плетневу, ни Сонѣ.—Чѣмъ это вы какъ будто очень взволнованы, Софья Александровна? ядовито присовокупилъ онъ, глядя на дѣйствительно смущенную дѣвушку.

— Еще бы, вы такъ испугали меня!

— Я не зналъ, что мое лицо такъ для васъ непріятно...

— Господи, что онъ городитъ? И ужъ и губы надулъ! воскликнула Соня.—Не про лицо ваше я сказала! А вашихъ звонковъ мы совсѣмъ не слыхали?

— Да, бываетъ это... многозначительно замѣтилъ Свѣтицкій.— Хорошо посидѣли на скамеечкѣ, Софья Александровна?

— Чудесно посидѣла, Дмитрій Назаровичъ! въ тонъ ему отвѣтила та.

Гусаръ окончательно насупился. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Соня стояла и обрывала листья съ куста.

— Ну-съ, мнѣ, видно, пора! сухо проговорилъ Свѣтицкій.

— Куда же вы такъ торопитесь? Сейчасъ обѣдать будемъ.

— Некогда мнѣ: я мимоѣздомъ заѣхалъ!

— Пожалуйста, не капризничайте и оставайтесь!

— Я не барышня, Софья Александровна, чтобъ капризничать!

Гусаръ откланялся и, кусая губы, блѣдный отъ волненія, повернулся и пошелъ попрежнему напрямикъ черезъ кусты.

— Куда же вы? опять воскликнула Соня.

— Лошадь у меня тамъ: я верхомъ! долетѣлъ отвѣтъ, и голубой ментикъ исчезъ среди зелени.

Оставшіеся оба прислушались къ удалявшимся шагамъ.

— Совсѣмъ сумасшедшій! прнговорнла Соня.—Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ?

Плетневъ, сидѣвшій все время молча, поднялъ на нее глаза.

— Онъ васъ ревнуетъ... тихо сказалъ онъ.

— Онъ, меня?.. недовольное выраженіе сбѣжало съ лица Сони и она расхохоталась:—какъ это смѣшно! Меня ревнуютъ?.. проговорила она какъ бы самой себѣ и опять засмѣялась.—Ужасно забавно знать, что тебя ревнуютъ!

Она сѣла на скамейку.

— Совсѣмъ незабавно...

— А вы почемъ знаете? Скажите, вы ревновали кого-нибудь?

— Да.

— Кого?

Плетневъ хотѣлъ сказать что-то и не смогъ: лицо его залилось краской отъ смущенія и отъ сознанія непріятнаго своего недостатка.

— Васъ! вдругъ вырвалось у него.

— Вотъ вамъ и на! Значитъ, вы влюблены въ меня? Соня, принявшая слова Плетнева за шутку, нѣсколько откинулась назадъ и, приложивъ вѣтку жасмина къ губамъ, устремила на него смѣющіеся васильки свои.

— Да... съ трудомъ одолѣлъ Плетневъ, и лицо его покрылось, словно туманомъ.

— Почему же тогда вы на колѣняхъ не стоите?

Онъ разомъ очутился у ея ногъ и схватилъ ее за руку.

— Будьте моей женой! такъ горячо, отъ всей души произнесъ онъ, что Соня, точно уколотая чѣмъ, поднялась съ мѣста.

— Это вѣдь вы нарочно, не понастоящему, Федоръ Андреевичъ? смущенно пробормотала она, вспыхнувъ и слабо пытаясь освободить свою руку; тотъ не выпускалъ ея.

— По самому настоящему! Что же скажете?

— Это—что бабушка... прошептала Соня.—Къ обѣду звонятъ, идемте!

Звонъ колокола слышался на самомъ дѣлѣ.

Не проронивъ больше ни слова, оба они прошли по аллеямъ, поднялись на балконъ, и Федоръ Андреевичъ немедленно сталъ прощаться. Какъ ни уговаривали его Степнина и Серафима Семеновна остаться, какъ ни указывали на дымящуюся миску съ супомъ на столѣ,—онъ настоялъ на своемъ и уѣхалъ.

Соня не проронила ни слова.

— Да вы ужъ не поссорились ли съ нимъ? спросила Серафима Семеновна.

— Нѣтъ! односложно отозвалась Соня.

— А ну-ка, подойди сюда? проговорила Степнина,

сразу заподозрившая нѣчто другое:—что это, ни ты, ни онъ глазъ на людей не подымаете? Сказывай, что такое было?

Соня обвилась руками вокругъ шеи Степниной.

— Бабушка... негромко промолвила она: — за кого мнѣ замужъ выходить?

— Что, что?!

— За Свѣтицкаго, или за Федора Андреевича? договорила Соня.

— Да развѣ они тебѣ предложеніе сдѣлали?

Соня утвердительно кивнула головой. — Плетневъ сдѣлалъ... поправилась она.

— Хорошо, что убѣжалъ! сердито сказала Степнина:—намылила бы я ему за это голову! Ну, чего жъ плачешь, а? Тебѣ то самой кто больше нравится?

— Оба...

Степнина засмѣялась.

— Вотъ глупая!

— Значитъ ни одинъ не нравится! вступила въ разговоръ Серафима Семеновна:—ни за кого и выходить, стало быть, нечего; успѣешь еще!

Соня не отвѣчала и только еще крѣпче прильнула бѣлокурой головой къ бабушкѣ.

Степнина погладила внучку по волосамъ.

— Ну, а жалко тебѣ кого изъ нихъ больше? тихо спросила она, помолчавъ.

— Федора Андреевича... прошептала Соня.

— Видно, онъ и суженый твой... проронила старушка.—Что жъ я рада; онъ человѣкъ хорошій!

— Лучше Свѣтицкаго! согласилась Серафима Семеновна:—что за жизнь съ гусаромъ?—таскайся за полкомъ весь вѣкъ, какъ цыганка, по всей Руси! Тутъ по крайней мѣрѣ межа въ межу около насъ будешь!

Соня перешла въ объятія матери.

Верстъ пять скакалъ во весь опоръ раздраженный Свѣтицкій и, только поуспокоившись и уже начавъ упрекать себя за нелѣпую вспыльчивость, сдержалъ Башкира и пустилъ его шагомъ.

На спускѣ въ небольшую лощину задумавшійся молодой офицеръ чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла: изъ-за спины его выскакалъ и, что пуля, пронесся мимо всадникъ, вскидывая локтями и ногами; Башкиръ, нетерпѣвшій лошадей впереди себя, рванулся за нимъ, и Свѣтицкій съ трудомъ усмирилъ его.

Промчавшійся мимо былъ баграмовскій конюхъ: онъ везъ Пентаурову письмо Лени, извѣщавшее о согласіи Людмилы Марковны и о томъ, что обѣ онѣ переѣзжаютъ черезъ два дня въ городъ.

ГЛАВА XVI.

Двое сутокъ волновалась Клавдія Алексѣевна, ожидая извѣстій отъ Андрея Михайловича, но не получала ничего и, наконецъ, не выдержала и отправилась къ нему сама.

Къ удивленію ея, въ домѣ Штучкиныхъ ее встрѣтилъ совершенный толкучій рынокъ: въ лакейской и въ залѣ стояли разинувшіе рты картонки, сундуки; вездѣ горами были навалены всякія вещи, начиная отъ сапоговъ и дворянскаго мундира хозяина до масляныхъ лампъ и картинъ включительно.

По залѣ разгуливала въ хорошо памятномъ Заводчикову засаленномъ капотѣ владѣлица всего этого добра и распоряжалась его укладкой.

— Елизавета Петровна, милая, да что все это значитъ?! возопила Клавдія Алексѣевна, въ изумленіи остановившись въ дверяхъ и чуть не въ потолокъ уткнувъ свои тощія руки.

— Укладываюсь! Будетъ съ меня; оскотинишься совсѣмъ въ этой прекрасной Рязани! отвѣтила хозяйка.

— Дорогая моя, но что же произошло? внѣ себя продолжала гостья.

Въ эту минуту изъ гостиной выглянула чья-то странная физіономія, увидала Клавдію Алексѣевну и сейчасъ же скрылась. Голова незнакомца была обвязана полотенцемъ.

— Кто это у васъ? понизивъ голосъ, полюбопытствовала гостья.

— Какъ кто? Благовѣрный мой.

— Я его что-то не узнала! Отчего онъ повязанъ?

Елизавета Петровна тряхнула головой.

— Я ему вчера такой тарарамъ устроила, что всю жизнь будетъ помнить: всѣ тарелки объ его голову разбила!

Клавдія Алексѣевна всплеснула руками.

— Нечего прятаться-то, продолжала хозяйка:—выходи сюда, пакостникъ!

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось неопредѣленное мычаніе.

— Ну, выходи, выходи... нечего тутъ!.. не трону больше!.. голосъ Елизаветы Петровны сдѣлался нѣсколько мягче.

Изъ гостиной показался Андрей Михайловичъ; Клавдія Алексѣевна впилась въ него глазами и обомлѣла:—такого погрома человѣческихъ физіономій она еще не видывала. Это было не лицо, а нѣчто вродѣ павлиньяго хвоста, отливавшаго всѣми цвѣтами радуги.

— Боже мой?! едва произнесла Соловьева: — изъ за чего же у васъ все произошло?!

— А вотъ почитайте! Елизавета Петровна отправила руку въ карманъ, вытащила оттуда три бумажки и сунула ихъ въ костлявые пальцы гостьи:—почитайте, почитайте!

— „Милый Андрэ...“ прочла одну изъ нихъ Клавдія Алексѣевна и подняла глаза на Андрея Михайловича. — Это къ вамъ, да?

— Дальше, дальше, другую! командовала хозяйка, начавъ опять прогуливаться и, видимо, вновь входя въ ражъ.

— „Какъ ты вѣрно сказалъ, поганая рожа твоей жены...“

— Это я рожа, нравится вамъ? Елизавета Петровна остановилась около мужа и поискала вокругъ глазами подходящаго предмета.—Ухъ, блюдъ жалко больше не осталось, а то бъ еще одно разбила на твоей башкѣ!

— Голубушка, не тревожьте себя! воскликнула, бросаясь между ними, Клавдія Алексѣевна. — Дорогая, успокойтесь!

Чтобы не подливать масла въ огонь, она про себя дочитала всѣ записки и даже обозрѣла ихъ обратную сторону.

— Рѣшительно ничего не понимаю! произнесла она.

— Очень просто, и понимать нечего! возразила Елизавета Петровна:—этотъ скотъ завелъ себѣ любовницу, и клочки отъ ея письма я нашла у него въ карманѣ.

— Неправда! все интрига, адская интрига! совсѣмъ замогильнымъ голосомъ отозвался Штучкинъ.

— Конечно, неправда, разумѣется! подхватила Клавдія Алексѣевна:—милая Елизавета Петровна, этого не можетъ быть! Никогда! Голову отдаю на отсѣченіе!

— Видишь: и всѣ тебѣ то же скажутъ! Интрига это противъ меня!

— Интрига, явная интрига! горячо продолжала гостья:—Андрей Михайловичъ такой уважаемый всѣми человѣкъ, образованный, на виду... — да будь что-нибудь подобное—вся Рязань кричала бы! Я первая не потерпѣла бы такой гадости, первая сказала бы вамъ!..

— Ну, не все же вы знаете, что творится въ Рязани!

— Я? оскорбилась гостья.—Я чего-нибудь не знаю? За кого же вы меня считаете, дорогая? Все, рѣшительно все знаю; булавку гдѣ кто обронилъ и то мнѣ извѣстно! И вотъ образъ: клянусь вамъ, что Андрей Михайловичъ чистъ передъ вами!

Краснорѣчіе и искренняя убѣжденность, звучавшія въ голосѣ Клавдіи Алексѣевны и два пальца ея, протянутые къ иконѣ, сбили съ толку хозяйку. Она, молча, переводила взглядъ съ гостьи на мужа.

— И, наконецъ, вздоръ въ этихъ мерзкихъ бумажкахъ написанъ: такая хорошенькая, такая красавица, вся Рязань васъ иначе не называетъ, какъ красавицей, и вдругъ „рожа“? Это пасквиль! И все остальное такой же вздоръ! Сами посудите, ну, на кого же ему — чело-

вѣку съ такимъ вкусомъ, умному, можно сказать дипломату, промѣнять васъ?! Не на кого, рѣшительно не на кого!

— Это вѣрно, не на кого!.. согласилась Елизавета Петровна.—Но кто же тогда могъ устроить эту подлость?

— Званцевъ! ни на секунду не задумываясь, воскликнула Клавдія Алексѣевна:—Званцевъ, больше некому! Это такой негодяй, такой каверзникъ! Да позвольте... она развернула одну изъ зажатыхъ ею въ кулакѣ зловредныхъ бумажекъ и всмотрѣлась въ нее.—Конечно, онъ! Его почеркъ, только измѣненный! Онъ съ ума сходитъ отъ зависти къ положенію Андрея Михайловича! И вамъ онъ давно глазки строитъ, вы не замѣчали только! Вотъ и мститъ!

— Былъ онъ съ тобой третьяго дня? обратилась къ мужу Елизавета Петровна.

— Ммъ... да... да... кажется!.. пробормоталъ, рѣшительнс ничего непомнившій, Андрей Михайловичъ.

— Видите, я же вамъ говорю, что это онъ!

— Ну, попадись онъ мнѣ! такимъ тономъ произнесла Елизавета Петровна, что сердце Клавдіи Алексѣевны закувыркалось отъ радостнаго предвкушенія грядущихъ событій.

Хозяйка опять загуляла между кучами всякаго добра по залу, потомъ подошла къ двери въ столовую и распахнула ее. Полъ тамъ весь былъ усѣянъ черепками всевозможной посуды.

Елизавета Петровна поглядѣла на вчерашнее поле битвы и качнула головой!

— Однако!.. проговорила она въ раздумьи:—главное, миску мнѣ новую жалко...

Клавдія Алексѣевна подтолкнула въ спину неподвижно стоявшаго Андрея Михайловича.

Тотъ сдѣлалъ шагъ къ женѣ, остановился и получилъ новый толчекъ сзади.

— А меня не жалко? съ укоризною произнесъ онъ, осторожно, словно къ бомбѣ, начиненной порохомъ, приближаясь къ Елизаветѣ Петровнѣ.

Та оглянулась, быстро провела пальцами по тол-

стымъ губамъ отшатнувшагося въ испугѣ мужа, отчего онѣ издали „брырырымъ“, и вдругъ расхохоталась.

— Господи, на кого ты похожъ?! воскликнула она. —Да ты совсѣмъ подъ индѣйца отдѣланъ!

— Вотъ и прекрасно! съ умиленіемъ на лицѣ и въ голосѣ проговорила Клавдія Алексѣевна.—Да поцѣлуйтесь же скорѣй! она сдвинула обоихъ супруговъ вплотную, и тѣ заключили другъ друга въ объятія. — И конецъ недоразумѣнію! Какъ я рада! Миръ до гроба! Неправда ли?

Хозяйка дома очутилась сидящею на колѣняхъ у мужа.

— Я незлопамятна! нѣжно сказала она, приглаживая растрепанные баки и цѣлуя его:—видишь, какая у тебя жена добрая!—Но мы все-таки совсѣмъ уѣдемъ въ деревню! рѣшительно объявила она: — я не могу оставлять такого талантливаго человѣка, какъ Андрэ, въ обществѣ здѣшнихъ дураковъ и пьяницъ!

— Душа моя мрачна! говорилъ въ это время ротмистръ Костицъ, стоя въ залѣ монастыря, раздвинувъ ноги и крутя усы.—Дѣти, не время ли столпотворенію быть?

— Время, отецъ игуменъ! отвѣтилъ сидѣвшій у окна и мрачно глядѣвшій въ него Свѣтицкій.

— Такой столпъ, чтобы трескъ, и блескъ, и громъ съ радугой были? продолжалъ Костицъ.

— Ляжемъ костьми съ тобой, отче! отозвался Радугинъ.

— Во всѣ колокола звонить, когда такъ! Ударь, сыне, тревогу!

Свѣтицкій часто зазвонилъ въ колоколъ, и на густой звонъ его изъ сосѣдней комнаты показались отсутствовавшіе Возницынъ и Курденко.

Оба шли съ веселыми лицами; послѣдній несъ въ рукахъ два письма.

— Что за грамотки? спросилъ Костицъ.

— Кукольную комедію сочинялъ! съ хохотомъ отвѣтилъ Возницынъ. Скучно зѣло святому граду Рязани стало, живой водой ее взбрызнемъ.

Курденко поднялъ обѣ руки съ письмами въ каждой.

— Это къ лорду Званцеву отъ миссъ Соловьевой, а это отъ нея къ нему. Объясненія въ любви и зовъ на свиданье!

— Дѣльно! замѣтилъ Костицъ. — А ну-ка, почитайте?

— Посланіе отъ амура... вонмемъ! по-дьяконски возгласилъ Возницынъ.

Курденко прочелъ оба творенія.

— Хорошо, одобрилъ Радугинъ: — но мы то какъ же узнаемъ, что произойдетъ?

— Сами разскажутъ! увѣренно отвѣтилъ Курденко.—А насъ зачѣмъ звали?

— Время столпотворенію быть! сказалъ, крутя усы, Костицъ.—Думайте, сыны, какъ лучше душу спасти!

На совѣщаніе былъ вызванъ монастырскій поваръ —крѣпостной Радугина—Гаврило, лысый, полный человѣкъ съ носомъ въ видѣ картошки, питавшій къ себѣ большое уваженіе, какъ къ необычайному кулинарному таланту и красивому мужчинѣ. Онъ явился, поклонился гусарамъ, съ достоинствомъ одернулъ свою куртку и сталъ у двери.

— Гаврило Васильичъ? воскликнулъ, увидѣвъ его, Курденко.—Нужно чудо сотворить—можешь?

— Ежели на кухнѣ—могу-съ... скромно признался Гаврило.

— Уху на завтра изъ живыхъ стерлядей можешь?

— Вполнѣ-съ,

— Стерлядей отварныхъ?

Гаврило слегка развелъ руками съ пренебрежительнымъ видомъ.

— Затѣмъ, господа, не выпустить ли индѣечку?

— Хвалятъ ее въ селеніяхъ райскихъ! согласился Возницынъ.

— Спаржу съ соусомъ сабаіонъ, затѣмъ...

— Будетъ! прервалъ Костицъ начавшаго вдохновляться Курденко.—Ты все о мамонѣ, отецъ келарь: о душѣ больше пекись!

— Шампанскаго забери ящика три!

Костицъ одобрительно кивнулъ головою.

— Водки, закусокъ разныхъ возьми. Вина я самъ выберу у Хлѣбодарова!

Гаврило былъ отпущенъ, и гусары занялись составленіемъ списка избранныхъ богомольцевъ для приглашенія на завтрашній день.

Костицъ шагалъ по залу, слушалъ, ерошилъ себѣ волосы, дергалъ за усы и, видимо, все больше и больше охватывался азартомъ.

— Этотъ слабъ, не надо! изрѣдка возглашалъ онъ: —покруче отцовъ выбирай, понадежнѣе!

Когда оконченный списокъ былъ затѣмъ прочитанъ Курденко вслухъ, Костицъ умилился.

— Великій бой будетъ! промолвилъ онъ.

— Спаси Господи люди Твоя! добавилъ, помотавъ головой, Возницынъ.

Въ лавкѣ Хлѣбодарова шла суета: укладывали и увязывали всякія закупки, сдѣланныя для монастыря; Гаврило забралъ чуть ли не всѣ товары, имѣвшіеся на лицо.

Хлѣбодарова самого не было и отпускалъ все замѣнявшій его Тихонъ.

— Здорово, должно быть, ваши господа дыму напустятъ? говорилъ онъ, весь лоснясь отъ удовольствія, что будетъ во что запустить „честные персты".

— Да ужъ мы не дадимъ маху! снисходительно отвѣтилъ Гаврило:—соусъ запоемъ даже заказали!

— Что жъ это за соусъ такой? заинтересовался Тихонъ.

— Изъ коньяку одного, почесть. .

— Съ этого запоешь! согласился Тихонъ.—Съ иной марки и не стѣнку сразу полѣзешь!

Черезъ какой-нибудь часъ весь городъ говорилъ о предстоявшемъ на завтра кутежѣ въ монастырѣ.

Что испытывалъ отдѣланный подъ индѣйца Андрей Михайловичъ—понятно безъ словъ!

ГЛАВА XVII.

Вечеромъ въ тотъ же день, возвратившаяся домой Клавдія Алексѣвна вдругъ замѣтила, что на горшкѣ съ геранью,стоявшемъ на отворенномъ окнѣ ея комнаты, бѣлѣетъ что-то странное. Странное оказалось конвертомъ, адресованнымъ на ея имя.

Она высунулась на улицу, чтобъ посмотрѣть, кто положилъ его, но тамъ не виднѣлось ни души,

Легкая дрожь и предчувствіе чего-то особеннаго охватили ее. Она быстро распечатала конвертъ, вынула письмо, прочла его разъ и другой и опустилась на стулъ, уронивъ листокъ на колѣни.

Въ письмѣ стояло:

„— Клавдія Алексѣевна!

Вы меня мало знаете. Но вѣрьте моимъ самымъ лучшимъ намѣреніямъ и не оскорбитесь на мою смѣлость. Я человѣкъ благородный, дворянинъ, со связями и съ положеніемъ въ губерніи. Я давно слѣжу за вами и питаю къ вамъ самыя горячія чувства, но все не хватало духу сказать это вамъ, Пустая жизнь, которую я веду, мнѣ надоѣла, и меня можетъ спасти только женитьба на дѣвушкѣ не вздорной, не вертопрашкѣ и не дѣвченкѣ, а на такой, какъ вы, умной, дѣльной и пріятной. Поэтому, если хотите сохранить мнѣ жизнь, умоляю васъ придти завтра къ десяти часамъ утра на обрывъ надъ Трубежемъ и рѣшить мою участь. Я буду васъ ждать на скамейкѣ.

Вашъ“.

Тридцать пять лѣтъ прожила на свѣтѣ Клавдія Алексѣевна, но любовное посланіе, адресованное къ ней, было у нея въ рукахъ еще впервые.

Нѣтъ женщины, которая не находила бы, что она недурна, и Клавдія Алексѣевна была въ этомъ отношеніи непрозорливѣе другихъ. Годы свои она считала невеликими и хоть не мечтала о какомъ-нибудь героѣ, или принцѣ, явящемся для похищенія ея, но надежда на замужество все же еще мелькала въ ея груди и дарила ее самыми сладкими минутами.

Письмо незнакомца ошеломило ее и наполнило страхомъ и радостью.

Ночь пролетѣла для Соловьевой безъ сна; съ первыми лучами разсвѣта она поднялась съ кровати и принялась за свой туалетъ. Надо было тщательно обдумать и по-нѣскольку разъ прикинуть и примѣрить всякую мелочь, а потому, хотя выборъ платьевъ у Клавдіи Алексѣевны былъ весьма невеликъ, она успѣла одѣться лишь къ десяти часамъ.

Костлявое тѣло ея облеклось въ бѣлое платье съ обычнымъ въ тѣ времена большимъ вырѣзомъ на груди и спинѣ; чтобы сдѣлать незамѣтной свою худобу, на плечи она накинула газовый шарфъ; смуглое лицо ея было подбѣлено и подправлено, гдѣ слѣдуетъ, глаза подведены и получили томный видъ, а губы пламенѣли отъ красной помады.

Она окинула себя еще разъ критическимъ взглядомъ и поспѣшила къ назначенному мѣсту.

Часы на соборной колокольнѣ пробили половину десятаго, когда Клавдія Алексѣевна подходила къ обрыву надъ Трубежомъ и вдругъ, къ великому негодованію своему, увидала, что на единственной бывшей тамъ скамейкѣ сидитъ розовый, какъ женихъ, Званцевъ.

— Вотъ не во время принесла нелегкая! подумала Клавдія Алексѣевна и, не зная, что предпринять, замедлила было шагъ, но затѣмъ рѣшительно направилась къ скамейкѣ и сѣла на другомъ концѣ ея.

Званцевъ чуть-чуть приподнялъ шляпу, и на кругломъ лицѣ его явственно изобразилось недовольство.

Наканунѣ вечеромъ, около его дома его нагнала какая-то босоногая дѣвченка, сунула ему въ руки письмо и убѣжала такъ быстро, что онъ не успѣлъ даже разглядѣть лица ея.

Званцевъ прочиталъ въ письмѣ слѣдующее:

„— Арефій Петровичъ!

Я молода и неопытна и боюсь шага, предпринять который меня заставляетъ горячее чувство къ вамъ. Но вы благородный и умный, и я ввѣряю свою судьбу и тайну въ ваши руки. Такіе люди, какъ вы, неотразимо

дѣйствуютъ на женское сердце. Я хороша собой и многихъ уже отвергла, все ожидая васъ. Но вы горды и меня первую заставляете дѣлать признаніе: да, я люблю васъ уже давно и не въ силахъ больше таиться отъ васъ! Приходите завтра ровно въ десять часовъ утра и ждите меня на скамейкѣ на обрывѣ надъ Трубежомъ, что противъ монастыря и тамъ вы узнаете кто

Любящая васъ".

Нѣсколько минутъ Арефій Петровичъ и Клавдія Алексѣевна сидѣли молча и, отвернувшись другъ отъ друга, разсматривали окрестности.

Видъ на Трубежъ и заливные луга за нимъ былъ дѣйствительно таковъ, что полюбоваться имъ стоило!

Арефій Петровичъ покосился на башенные часы и принялся посвистывать: они показывали безъ четверти десять. Незнакомка могла появиться съ минуты на минуту.

— Вы бы прогуляться по кладбищу монастырскому прошли? не выдержалъ, наконецъ, Званцевъ и обратился къ своей сосѣдкѣ: — тамъ превосходныя мѣста есть! Онъ кивнулъ головой на стѣну, тянувшуюся за ихъ спиной.

— Это вамъ давно пора туда отправляться, Арефій Петровичъ! язвительно отвѣтила она.—Мнѣ и здѣсь хорошо!

— Вы таки прошлись бы?.. Тамъ похороны сегодня интересныя...

— Я не факельщикъ, чтобы по похоронамъ ходить! Вотъ вы бы прошлись на Лыбедь: оттуда уже спозаранку на весь городъ виномъ разитъ!

Званцевъ втянулъ въ себя воздухъ.

— Съ вашимъ приходомъ и здѣсь что-то нехорошо попахивать стало!..

— Невѣжа!

Арефій Петровичъ опять началъ насвистывать польку и постукивать палкою. До прихода незнакомки оставалось пять минутъ.—Зачѣмъ сюда явилась эта каланча? грызла его въ то время любопытная мысль. Выживать сосѣдку тѣмъ не менѣе было необходимо.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы бы сходили куда-нибудь? снова началъ онъ.—Штучкиныхъ бы, напримѣръ, провѣдали: онъ, говорятъ, бѣдный съ лѣстницы упалъ... поиспестрился немножко!

— Сходите, сходите, посмотрите! зловѣще посовѣтовала Клавдія Алексѣевна.

И тотъ и другой уставились другъ въ друга, точно дѣти, поспорившіе, кто дольше вытерпитъ и не мигнетъ глазами.

— Сколько вамъ годковъ, милѣйшая Клавдія Алексѣевна? участливо, точно у больной о ходѣ болѣзни, освѣдомился Званцевъ:—штукъ пятьдесятъ или больше?

— Ровно втрое меньше, чѣмъ вамъ.

Арефій Петровичъ съ грустнымъ видомъ покачалъ головой.

— А вы въ бѣленькомъ ходите, да еше съ цвѣточками!.. косточки-то вонъ лѣзутъ изъ васъ, въ землю просятся; по улицѣ идете—гремятъ, небось, а вы въ декольте... нехорошо-съ!

Клавдія Алексѣевна вскипѣла.

— А васъ на салотопенный заводъ пора отправить: жиръ изъ васъ, какъ изъ свиньи, течетъ!

Раздался протяжный бой часовъ: пробило десять.

— Господи, куда мы идемъ?! горько проговорилъ Званцевъ:—какія старушки нынче на свиданья стали лазать!

Онъ поджалъ пухлыя губы и покачалъ головою.

— Это вы на свиданье пришли! воскликнула Клавдія Алексѣевна.

— А вы почемъ знаете? Званцевъ вдругъ насторожился, потомъ оглядѣлся и, не найдя далеко кругомъ ни одного живого существа, уставился круглыми глазами на Соловьеву и вдругъ залился смѣхомъ: его осѣнила мысль, что авторъ письма никто иной, какъ Клавдія Алексѣевна. Его всего затрясло и заколыхало.

— Смотрите, разорветъ; еще забрызгаете меня своимъ саломъ! зло процѣдила сквозь зубы Клавдія Алексѣевна, отодвигаясь на самый край.

— Это вы хороши собой? взвизгнулъ Званцевъ, тыкая въ направленіи ея пальцемъ.

— Ну, такъ что же? вызывающе отвѣтила она:— не хуже васъ, надѣюсь?

— Это вы молоды и неопытны?! Ха, ха, ха! онъ закатился на всю площадь.—Владычица Небесная, умру! Крупныя слезы, какъ градъ, покатились по его лицу.

— Сумасшедшій! съ невыразимымъ презрѣніемъ произнесла Соловьева.

— Красавица?!

— Сумасшедшій!

— Юная неопытность?!

— Сумасшедшій!

Арефій Петровичъ всталъ съ лавки, вытеръ платкомъ мокрое отъ слезъ лицо, затѣмъ снялъ шляпу, отставилъ ее на всю длину вытянутой руки и торжественно раскланялся.

— Покорнѣйше благодарю за довѣріе, тронутъ и потрясенъ, но, извините,—не могу! всхлипывая, проговорилъ онъ:—отказываюсь и отъ руки и отъ сердца!

И, нахлобучивъ шляпу, Званцевъ удалился, вскинувъ, какъ ружье, на плечо палку.

Отойдя шаговъ двадцать, онъ остановился и повернулся.

— Неопытная?! провизжалъ онъ опять, тыкая пальцемъ на оставшуюся на скамейкѣ Клавдію Алексѣевну: —хорошенькая, а?!

Онъ вскинулъ вверхъ обѣ руки, потрясъ ими надъ головой и исчезъ за угломъ монастырской стѣны.

— Оселъ! полетѣло ему вдогонку.

Взволнованная Клавдія Алексѣевна взирала на виды Трубежа еще часъ и затѣмъ, разстроенная и огорченная въ конецъ, поспѣшила къ Грунинымъ, извѣстить ихъ о сумасшествіи, постигшемъ на ея глазахъ Званцева и показать полученное ею письмо: своего поклонника она считала лицомъ существующимъ и неявку его на свиданіе объясняла присутствіемъ ненавистнаго Званцева.

ГЛАВА XVIII.

Въ этотъ вечеръ зарево занялось надъ Рязанью и стояло далеко за полночь: во дворѣ гусарскаго монастыря пылали разставленныя на немъ смоляныя бочки.

Толпившійся вокругъ двора людъ слышалъ доносившіяся изъ раскрытыхъ настежь оконъ дома музыку, пѣсни, крики и хохотъ пировавшихъ.

А позднею ночью обыватели въ испугѣ вскакивали съ постелей и въ одномъ бѣльѣ бросались къ окнамъ: среди тишины торжественно и мрачно гремѣлъ похоронный маршъ; подъ звуки его шествовала озаренная багровымъ свѣтомъ факеловъ длинная вереница носилокъ съ лежавшими на нихъ неподвижными тѣлами: то гусары, послѣ „великаго боя", разносили по домамъ убитыхъ въ ихъ монастырѣ Бахусомъ.

Званцевъ въ числѣ приглашенныхъ въ монастырь не былъ, но на приглашенія онъ привыкъ смотрѣть, какъ на своего рода предразсудки и побывалъ бы у гусаровъ непремѣнно, но его удержали два обстоятельства: во-первыхъ, необходимо было обойти множество домовъ и показать письмо Клавдіи Алексѣевны, а, во-вторыхъ, такихъ дней въ монастырѣ онъ нѣсколько опасался: пить много онъ не могъ, а тамъ съ замѣченнымъ въ такомъ неприличномъ поведеніи поступали неделикатно: стрѣляли надъ головой его изъ пистолетовъ, поливали виномъ и притомъ краснымъ, чего Званцевъ окончательно терпѣть не могъ, такъ какъ былъ скуповатъ и костюмы свои берегъ съ особою тщательностью.

Обойти всѣхъ знакомыхъ въ одинъ день Званцеву не удалось и онъ на слѣдующее утро отправился заканчивать визиты.

На Мясницкой улицѣ вниманіе его привлекло странное зрѣлище: двое какихъ-то людей тащили подъ руки мертво-пьянаго негра; за ними съ алебардою на плечѣ важно шествовалъ, ухмыляясь въ усы, будочникъ.

Негровъ, какъ достовѣрно было извѣстно Званцеву, въ Рязани не проживало, и онъ остановился; остановились передохнуть и тащившіе.

— Что такое? съ удивленіемъ спросилъ Званцевъ, разглядывая пьянаго: да вѣдь онъ выкрашенъ?!

— Какъ есть подъ арапа! Смѣхи! хохоча, отвѣтилъ будочникъ.

— Кто же это его такъ отдѣлалъ? И руки даже выкрашены!

— Неиначе, какъ господа гусары! сказалъ будочникъ: объявленіе около ихняго монастыря на заборѣ наклеено: въ видахъ, дескать, уменьшенія зловреднаго пьянства, всякій, который, стало быть, лежащій, будетъ выкрашенъ подъ арапа. А одного какъ есть всего подъ зебру раздѣлали: полоска черная, полоска бѣлая. Смѣхи! Домой-то мы его приволокли, жена съ матерью бѣжать съ перепугу бросились; пымали мы ихъ, да какъ признали кто—жена о земь ударилась, выть давай. Краска-то крѣпкая, сурьезная... добавилъ онъ,—въ недѣлю не смыть! Ну, берись, чего ждать-то? Близко тутъ!

Шествіе тронулось дальше, а Званцевъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и поспѣшилъ своимъ путемъ. Проходя мимо театра, онъ замѣтилъ какое то свѣже-наклеенное на дверяхъ его большого, закрытаго подъѣзда, новое объявленіе.

Званцевъ перекатился къ нему черезъ улицу и прочиталъ крупно напечатанное слѣдующее.

ШЕСТОГО СЕГО АВГУСТА ВЪ ЗДАНІИ СЕГО ТЕАТРА ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ

„С Т Р Ѣ Л Ы Л Ю Б В И“.

Потрясающая трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія г. Иксъ. Главную роль красавицы Эсмеральды исполнитъ приглашенная всего на нѣсколько представленій Л. Леонидова.

Слова „Иксъ“ были оттиснуты такими же огромными буквами, какъ и названіе пьесы.

Званцевъ три раза перечиталъ объявленіе, и вдругъ ему почудился звукъ поцѣлуя и шопотъ за дверью подъѣзда. Онъ чуть пріоткрылъ ее, и рысьи глаза его различили въ полусумеркахъ двѣ фигуры. Обѣ были хорошо извѣстны ему: одна была Тихонъ Хлѣбодаровъ, другая Антуанетина.

Званцевъ приложилъ къ щелкѣ ухо.

— Такъ меня публика одобрила, шептала Антуанетина, и въ голосѣ ея слышались обида и раздраженіе: — а теперь я нехороша стала! долой меня съ первыхъ ролей смѣстили, вторыя буду играть...

— Что вторыя, что первыя—для насъ это наплевать и размазать-съ! довольно громко отвѣтилъ, обнимая ее, Тихонъ. — Главная причина для насъ, чтобы губки ваши про насъ были! и онъ громко чмокнулъ ее.

— А посмотрѣлъ бы ты, кого вмѣсто меня взяли, —Леонидову эту самую:—кошка драная!

— Кто такая?

— Да Леонидка же, наша дѣвка дворовая: вотъ что старая барыня при себѣ воспитывала. Сама теперь съ сокровищемъ этимъ сюда переѣхала, одну не отпустила...

— Чхать, эка дѣловъ! Пущай ее играетъ! Мы съ вами вдвоемъ такія первыя роли отжаримъ, что ухъ... Нонче вечеркомъ приходите къ... нежданно послышался топотъ, грохотъ, и Званцевъ едва успѣлъ отскочить въ сторону; дверь откинуло, точно вѣтромъ, и изъ нея стремглавъ вылетѣлъ Тихонъ и бѣгомъ пустился по улицѣ.

Званцевъ заглянулъ въ подъѣздъ и увидалъ, что на площадкѣ у нижней ступеньки лѣстницы лежитъ на животѣ, вытянувъ руки, упавшій съ нея пьяный Бонапарте. Вторая дверь, ведшая въ театръ, стояла распахнутой: очевидно онъ подслушивалъ и свалился изъ нея сверху.

— Оченно прекрасно! едва ворочая языкомъ и приподнявъ съ пола только голову, злобно произнесъ Бонапарте:—хорошими дѣлами прынцессы здѣсь занимаются!

— Я? удивилась Антуанетина.—Съ пьяныхъ глазъ и не то еще померещится!

— Я пьянъ? возопилъ, пытаясь встать, Бонапарте, но Антунетиной уже не было: она скрылась въ театрѣ.

Званцевъ, преисполненный удовольствія отъ столь удачно для него начавшагося дня, закрутилъ, какъ колесомъ, палкой и покатился къ Грунинымъ.

Шестого августа театръ ломился отъ нахлынувшей въ него публики; не хватило мѣстъ для всѣхъ желавшихъ и пришлось заполнить всѣ проходы приставными стульями и даже просто положить черезъ нихъ доски.

Немаловажной причиной такого многолюдства было стремленіе повидать воочію знаменитую „Леньку", о которой ходило по городу необъятное количество слуховъ, подогрѣтыхъ разсказами Груниной и Званцева.

Лебеди съ привѣтствіемъ публикѣ на этотъ разъ не спускались, и послѣ музыкальнаго отдѣленія, весьма торжественнаго и даже унылаго, поднялся занавѣсъ.

Зрители увидали роскошно обставленную комнату во дворцѣ короля Родриго. Король — Сенька Македонскій—сидѣлъ на тронѣ съ короной на головѣ и слушалъ герцога Фернандо, который доказывалъ ему, что полное счастіе наступитъ для него только тогда, когда онъ повѣситъ или по меньшей мѣрѣ засадитъ въ тюрьму пріѣхавшаго къ нему въ гости сына сосѣдняго короля—Роланда.

Король отказался нарушить долгъ гостепріимства, и взбѣшенный Фернандо отошелъ въ сторону, затаивъ въ душѣ месть.

Игравшій роль герцога Сарданапаловъ уроки Бѣлявки усвоилъ въ точности: онъ не ходилъ, а словно плавалъ противъ сильнаго теченія; не смотрѣлъ, а оглядывался, какъ затравленный волкъ; черныя брови его были слиты въ одну изломанную линію, и изъ подъ нея сверкали глубоко запавшіе въ орбиты глаза. Публика сразу раскусила, что передъ нею злодѣй, и изъ заднихъ рядовъ у кого-то отъ души вырвалось восклицаніе:—охъ, ты жъ, подлецъ эдакій!"

Король ушелъ въ коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ погулять по саду, а на сцену появились Бонапарте—Іеронимо—шутъ короля и придворная дама Альмара, и герцогъ подкупилъ ихъ: оба обѣщали помочь устранить соперника и шпіонить за нимъ.

Услыхавъ звонъ шпоръ и чьи-то шаги, герцогъ и дама исчезли, а Іеронимо спрятался за тронъ и сталъ выглядывать изъ-за него

Показались Роландъ и его оруженосецъ Альварецъ;

послѣдній спросилъ своего господина, отчего онъ такъ грустенъ, и тотъ отвѣтилъ, что стрѣла любви пронзила ему сердце и онъ не можетъ больше жить безъ Эсмеральды.

Альварецъ—развязный молодой человѣкъ, посовѣтовалъ ему плюнуть на такіе пустяки и подумать о будущемъ управленіи государствомъ, но Роландъ остался непреклоннымъ и ушелъ мѣрными, огромными шагами, съ низко опущенною головой и положивъ руку на эфесъ шпаги, отчего изъ чернаго плаща, накинутаго на него, образовался какъ бы пѣтушій хвостъ.

За нимъ просѣменилъ Альварецъ.

Появленіе этихъ двухъ новыхъ актеровъ вызвало въ нѣкоторой части задней публики легкое перешептыванье.

Поповна Липочка нагнулась къ уху сидѣвшей рядомъ съ ней матери и съ легкимъ испугомъ проговорила:—„маменька, да вѣдь это никакъ Агафоша?“

Маремьянѣ Никитичнѣ съ первыхъ же словъ Родриго почудилось то же самое, но дѣло это рисовалось ей настолько невѣроятнымъ, что весь залъ явственно услыхалъ: — „бреши еще?“ сказанное густымъ контральто.

Второй актъ перенесъ зрителей въ садъ подъ окна дворца, въ которомъ жила прекрасная Эсмеральда. По аллеѣ гуляли двѣ молодыя придворныя дамы—бѣлокурая кроткая Агнесса и черноглазая Альмара—Антуанетина и Елизаветина.

Обѣ онѣ были влюблены въ рыцаря Діего, и простодушная Агнесса повѣрила свою тайну коварной Альмарѣ; Альмара удалилась, а изъ-за кустовъ выросъ шутъ Іеронимо и сталъ изъясняться въ любви оставшейся Агнессѣ.

Публика слыхала только слова пьесы, громко раздававшіяся на сценѣ, но не слыхала другой пьесы, шопотомъ разыгравшейся въ то же время между актерами.

— Настасья Митревна... шепталъ Бонапарте, крадясь къ Агнессѣ: — вправду я вамъ сейчасъ сказывать начну!

— Ахъ, какъ вы меня испугали! вскрикнула Агнесса, схватившись за лобъ.

— Неужли я страшенъ? спросилъ, пріосанясь, Іеронимо, и театръ весь фыркнулъ: очень ужъ забавно выглядѣло необыкновенно бѣлое шило, торчавшее у него на мѣстѣ носа и которымъ онъ словно собирался пырнуть Антуанетину

— Нѣтъ, вы хороши собой! подъ общій смѣхъ отвѣтила Агнеса: — пугало огородное!.. добавила она тихо.

Іеронимо упалъ на колѣни и протянулъ впередъ замѣтно дрожавшія красныя руки!...

— Царица моей души?!. началъ онъ визгливымъ голосомъ:—я у вашихъ ногъ, и въ вашихъ рукахъ судьба моя... безмѣрно люблю васъ!... Бонапарте неожиданно всхлипнулъ.—Я все могу!..

Дружный смѣхъ зрительнаго зала заглушилъ дальнѣйшія слова его.

— Пьянчужка... трясется весь, а туда же!.. услыхалъ Бонапарте среди общаго шума полныя презрѣнія слова Антуанетиной.

— Встаньте Іеронимо! громко отвѣтила Агнесса,— я признаюсь вамъ:—я люблю другого и не могу отвѣчать вамъ!

— Кого? яростно спросилъ Іеронимо, подымаясь съ колѣнъ.—Тишку своего безпутнаго? прошипѣлъ онъ сквозь зубы.

— Эта тайна умретъ со мной! скромно, но гордо отвѣтила Агнесса.—Прощайте! Да ужъ, конечно, не ваше пьяное рыло... шепнула она, поворачиваясь и уходя со сцены.

Іеронимо погрозилъ ей вслѣдъ кулакомъ. — Погоди жъ ты, паршивая! полетѣлъ ей вдогонку шопотъ.— Тайнъ нѣтъ для меня! воскликнулъ онъ громко, опять скрываясь въ кустахъ.

Изъ аллеи показались королевичъ Роландъ и его оруженосецъ; Роландъ шелъ съ гитарой въ рукахъ, Альварецъ съ балалайкой; по пьесѣ ему слѣдовало быть съ мандолиной, но таковой въ городѣ не оказалось.

Роландъ густо откашлялся въ руку, и оба они стали рядомъ.

Тренькнула балалайка, проплыли мягкіе аккорды гитары.

— Среди долины ровныя
На гладкой высотѣ...

запѣлъ могучій голосъ и, что колокольчикъ, вплелся въ него другой—чуть надтреснутый, но звучный и красивый теноръ.

Липочка схватила мать за руку.

— Маменька... ей Богу, это Агафоша!.. Маменька, это Стратилатка! добавила она съ окончательнымъ испугомъ, минуту спустя.

Маремьяна Никитична молчала, и только молніи, метавшіяся изъ подъ черныхъ бровей ея указывали, что въ ней происходитъ: сомнѣваться въ томъ, кто были пѣвцы, уже не приходилось.

Серенада, съ началомъ которой въ окнѣ дворца показалось лицо Эсмеральды, имѣла громадный успѣхъ, и публика заставила пѣвцовъ трижды повторить этотъ мерзляковскій романсъ.

Пентауровъ вставилъ его спеціально для нихъ, а также потому, что какъ ни бился, но подходящаго стихотворенія у него не выливалось, да и не было соотвѣтственной музыки.

Только-что кончились апплодисменты, изъ дворца появились Эсмеральда.

Бѣлявка, нѣсколько дувшійся на нее изъ за смѣщенія на вторыя роли весьма нравившейся ему Антуанетиной, не загримировалъ ее, и Леня сдѣлала это сама, какъ умѣла, т. е., почти ничего не сдѣлала и только слегка припудрилась, отчего выглядѣла чрезвычайно блѣдной. Темные глаза ея казались огромными и загадочными.

Весь театръ разомъ смолкъ при ея появленіи и впился въ нее глазами.

Леня, неудостоившаяся наставленій и уроковъ Бѣлявки, шла своею обычной походкой, и такой же простотой и привѣтливостью прозвучали ея слова благодарности, обращенныя къ королевичу.

Роландъ предложилъ ей руку, и оба они ушли гулять, а Альварецъ пустился ухаживать за появившейся Альмарой, и весь зрительный залъ помиралъ со смѣху, глядя, какъ онъ дурачился, разсыпался мелкимъ бѣсомъ и ухаживалъ за Альмарой, чтобы только не допустить ее пойти вслѣдъ за влюбленными и помѣшать имъ.

Второе дѣйствіе кончилось, благодаря ему, очень живо и весело, и занавѣсъ спустился подъ дружные апплодисменты.

Въ публикѣ по поводу актеровъ начались разнообразные толки: новые актеры всѣмъ понравились, Леонидова же вызвала горячіе споры.

— Такъ нельзя играть! говорили многіе:—это что же такое—вѣдь здѣсь сцена, театръ, а она ходитъ себѣ, какъ дома? И королевской крови совсѣмъ не видно въ ней!

Другимъ, наоборотъ, Леонидова чрезвычайно понравилась именно своей естественностью и простотой; въ числѣ защитниковъ ея слышались голоса Свѣтицкаго, Возницына и Радугина.

Дамы судили о ней со своей, особой точки зрѣнія и осудили единогласно: причиной тому послужили блѣдность и отсутствіе „фигуры“ въ фигурѣ новой героини.

— Нечего сказать, нашелъ кого Пентауровъ такими аршинными литерами пропечатывать! говорили онѣ: —да Антуанетина куда лучше ея!

Маремьяна Никитична сидѣла вся багровая, словно смазанная густымъ клюквеннымъ киселемъ. Хлѣбодаровъ, попрежнему помѣщавшійся рядомъ съ ней, подался головой и плечами въ ея сторону.

— Сынокъ? многозначительно спросилъ онъ вполголоса, мигнувъ на занавѣсъ.—Ноги за это самое повыдергать слѣдуетъ!

Маремьяна Никитична кивнула головою въ знакъ согласія.

Тихонъ, все время старавшійся скроить серьезное лицо, отвернулся, фыркнулъ и, чтобы скрыть это, принялся сморкаться.

— Стратилатка оченно хорошо раскомаривалъ! об-

ратился онъ неизвѣстно къ кому. — Неиначе, какъ выпивши!

Хлѣбодаровъ повернулъ къ нему отекшее лицо.

— Закрой плевательницу-то свою! сурово проговорилъ онъ. — Скорбѣть надо, что духовный чинъ неистовствуетъ, а ты ржешь, жеребецъ?

Въ третьемъ и четвертомъ актѣ героемъ вечера продолжалъ оставаться Альварецъ. Чтобы отвлечь вниманіе Альмары отъ своего господина, онъ напропалую ухаживалъ за ней и даже далъ ей серенаду: сыгралъ ей комаринскаго на балалайкѣ, при чемъ вывертывалъ балалайку, щелкалъ по донышку пальцами и довелъ, наконецъ, бѣдную даму до того, что она пустила въ него изъ окна цвѣточнымъ горшкомъ.

Слова Фернандо, подшепнутыя Діего, будто бы серенада эта относилась вовсе не къ Альмарѣ, а къ его возлюбленной Агнессѣ, возбудили ревность рыцаря — Бѣлявки, и онъ вызвалъ своего мнимаго соперника на поединокъ.

Сцену вызова Альварецъ провелъ такъ, что весь театръ покатывался отъ смѣху.

Въ отвѣтъ на полный достоинства поклонъ Діего, Альварецъ вскочилъ и раскланялся точно такъ же, но только, вмѣсто шляпы, продѣлалъ все требующееся балалайкой.

На вызовъ рыцаря онъ предложилъ ему сыграть и спѣть и, когда тотъ отказался за неумѣніемъ, онъ отказался на томъ же основаніи и отъ дуэли.

Рыцарь выхватилъ шпагу и хотѣлъ пронзить его, но Альварецъ спрятался за дерево и посовѣтовалъ Діего, если ужъ ему такъ хочется получить дырку, обратиться къ спеціалисту по этимъ дѣламъ — его господину Роланду.

Діего нашелъ мысль недурной, и Роландъ, смѣясь, принялъ вызовъ.

Леонидова только по разу показывалась въ обоихъ дѣйствіяхъ, но ея искренность, трогательная нѣжность и довѣріе, съ которыми она обращалась къ Роланду, заставляли при первыхъ же звукахъ ея голоса настораживаться и чутко слушать весь залъ.

Пятое дѣйствіе обрушилось на публику, какъ гроза въ январѣ.

Происходило оно въ саду около грота. Эсмеральда сидѣла на скамьѣ и говорила Агнессѣ, что ее мучитъ предчувствіе чего-то нехорошаго. И она такъ сказала это, что весело настроенной публикѣ почудилось, что и впрямь должно случиться что-то недоброе.

На смѣну Агнессѣ подкрался Фернандо и сталъ объясняться Эсмеральдѣ въ любви.

Зрители вдругъ увидали то, что раньше отсутствовало, по ихъ мнѣнію, въ ней — королеву. Гордымъ жестомъ она отослала прочь дерзкаго, и льдомъ и презрѣніемъ вѣяло отъ словъ ея, обращенныхъ къ нему.

Она ушла, а на то мѣсто явились Роландъ съ Альварецомъ и Діего съ Іеронимо, и произошелъ бой, въ которомъ разгорячившіеся враги дрались шпагами, какъ кнутами, и оба упали, одновременно пораженные на смерть.

На мѣсто происшествія сбѣжался весь дворъ; послѣднею явилась Эсмеральда. Безъ крика и изступленныхъ жестовъ она быстро подошла къ лежавшимъ и съ ужасомъ и мукою на лицѣ опустилась около Роланда на колѣни.

Роландъ уже умиралъ. И тѣ немногія слова монолога, которые произнесла надъ нимъ Эсмеральда, заставили вздрогнуть сердца всей публики и вызвали слезы на глазахъ многихъ.

Эсмеральда склонилась затѣмъ на тѣло Роланда и умерла. Но даже этотъ, нелѣпый при другой исполнительницѣ, конецъ трагедіи не нарушилъ потрясающаго впечатлѣнія, произведеннаго Леонидовой: такъ воочію огромны и глубоки были горе и ужасъ ея передъ совершившимся, что сердце человѣка не могло вынести его и должно было разорваться...

Занавѣсъ опустился подъ бурю апплодисментовъ и криковъ.

Леонидову вызывали безчисленное количество разъ, и напрасно усердно шикала ей Грунина и еще нѣсколько дамъ: шиканье ихъ безслѣдно тонуло въ хаосѣ одобреній.

Агафонъ и Стратилатъ посорвали съ себя свои наряды и со всѣхъ ногъ пустились во-свояси: Агафону надо было поспѣть домой до возвращенія матери.

Больше всѣхъ потрясенъ и растроганъ въ театрѣ былъ самъ авторъ пьесы — Пентауровъ. Онъ сидѣлъ, какъ и раньше, въ креслѣ между боковыми кулисами и оттуда наслаждался своимъ твореніемъ; какъ только окончились вызовы, онъ съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ поспѣшилъ на авансцену.

— Всѣмъ вольныя дарю, всѣмъ! всхлипывая отъ неостывшаго еще волненія, произнесъ онъ, махая лѣвой рукой. Всѣ актеры съ радостными возгласами попадали кругомъ него на колѣни и принялись кланяться въ ноги.

Только Леня, еще неуспокоившаяся отъ пережитыхъ настроеній, стояла поодаль, равнодушная ко всему творившемуся кругомъ.

— А тебѣ—тебѣ земной поклонъ!.. воскликнулъ Пентауровъ, спѣша къ ней, и въ самомъ дѣлѣ коснулся рукой пола и затѣмъ обнялъ ее. — Теперь, моя Эсмеральда, за мной иди! и взявъ дѣвушку за руку онъ поспѣшилъ съ нею въ домъ.

У себя въ кабинетѣ онъ остановился передъ высокой конторкой и, вынувъ изъ кармана ключъ съ узорной бородкой, открылъ конторку и досталъ изъ нея сложенную вчетверо, какую-то синюю бумагу.

— Вотъ! торжественно произнесъ онъ, протягивая бумагу Ленѣ—прочитай!

Та развернула ее. Бумага оказалась „вольною", написанной по всѣмъ правиламъ на гербовой бумагѣ и засвидѣтельствованной.

— Довольна ты?

— Довольна. Спасибо вамъ... съ просіявшимъ лицомъ, горячо сказала Леня. И она хотѣла поцѣловать руку Пентаурова, но тотъ не позволилъ.—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ онъ, вырвавъ руку и отмахиваясь ею:—ты артистка, ты великая артистка; у тебя руки будутъ цѣловать скоро!

Онъ взялъ документъ, опять положилъ его на прежнее мѣсто, заперъ конторку и подалъ ключъ Ленѣ.

— Возьми! сказалъ онъ при этомъ.—Храни его у

себя и послѣ двухъ спектаклей можешь придти сюда и взять свою бумагу, когда захочешь. Но что ты будешь дѣлать съ ней? какъ бы удивляясь, спросилъ онъ, мало погодя.

— Пока буду при Людмилѣ Марковнѣ жить... отвѣтила Леня.

— Ну да, а потомъ?

— Не знаю еще...

— Иди на сцену! почти тономъ приказа сказалъ Пентауровъ.—На сцену, на сцену! Вѣрь мнѣ,—я вѣдь опытный человѣкъ, много повидалъ на своемъ вѣку, самъ, наконецъ, большой художникъ, могу теперь въ этомъ смѣло признаться и говорю тебѣ отъ души: — иди на сцену! Тамъ ждутъ тебя слава и почести!

Долго не спали въ ту ночь въ пентауровскомъ домѣ двое людей:—Леня, вкусившая отравы сцены и самъ хозяинъ, домечтавшійся до полнаго торжества надъ Гете и Шекспиромъ.

Раннимъ утромъ Людмила Марковна съ Леней укатили въ Баграмово: репетиціи новой трагедіи должны были начаться черезъ три дня, и Людмила Марковна ни минуты не хотѣла проводить безъ надобности въ рязанскомъ домѣ.

ГЛАВА XIX.

— „Стрѣлы любви“, или, какъ перекрестилъ ихъ Возницынъ, „Полѣнья любви“ вызвали въ городѣ много разговоровъ; главнымъ центромъ ихъ служила, разумѣется, Леня и ея исполненіе роли Эсмеральды.

Особенно горячимъ ея сторонникомъ оказался Свѣтицкій. Всю ночь послѣ спектакля ему грезились сны, въ которыхъ въ разныхъ образахъ—то грустная, то радостная, — являлась ему Эсмеральда, и сердце его ныло отъ сладкой истомы.

Недавнее увлеченіе Соней стало казаться ему жалкимъ и непонятнымъ. Утромъ онъ такъ много говорилъ о Леонидовой, что Курденко, слушавшій его съ легкой улыбкой, наконецъ, спросилъ.

— Въ Рыбное-то мы, кажется, больше не поѣдемъ?

Свѣтицкій покраснѣлъ.

— Отчего же, съѣздимъ какъ-нибудь! отвѣтилъ онъ:—скучно только тамъ очень... Вообще Соничка—не моя героиня... не безъ нѣкотораго усилія дополнилъ онъ.

— Ого?! воскликнулъ Курденко.—Браво! мы начинаемъ прозрѣвать!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ! продолжалъ Свѣтицкій:—она очень милая и хорошенькая барышня, но нѣтъ въ ней ничего возвышеннаго, глубокаго...

— Какъ у Леонидовой?.. въ тонъ ему вставилъ Возницынъ и расхохотался.—Эхъ вы, птенчикъ, и тутъ идеализировать уже начинаете?

— О, измѣнникъ! О, противный мужчинка! произнесъ, качая головой, Радугинъ.

— Ничего я не идеализирую, а говорю только о томъ, что вижу. И совсѣмъ не измѣняю никому!

— Нѣтъ, пентауровское полѣно его таки крѣпко зашибло! заявилъ, поглядѣвъ на него, Костицъ:—ну-ка, выворачивай душу, младъ—вьюношъ?

— Сознаться, оно всегда лучше... сказалъ Курденко.

— Не въ чемъ мнѣ сознаваться, убирайтесь вы!.. буркнулъ подъ общій смѣхъ Свѣтицкій и поспѣшилъ улизнуть отъ развеселившихся товарищей.

Въ домикѣ у Шилина съ утра засѣдала цѣлая компанія: были здѣсь Зайцевъ, Агафонъ со Стратилатомъ, Бѣлявка и Тихонъ.

Стратилатъ повѣствовалъ, какъ они съ Агафономъ бѣгомъ помчались вчера изъ театра, сшибли съ ногъ впотьмахъ по дорогѣ какого-то прохожаго, затѣмъ Агафонъ перемахнулъ черезъ заборъ, влѣзъ черезъ окно въ свою горенку и только-что успѣлъ улечься въ постель—раздался стукъ въ наружную дверь.

Стряпка пошла отворять, и черезъ минуту-другую въ комнату Агафона съ поднятой свѣчей въ рукѣ вступилъ полураздѣтый отецъ Михей и за нимъ матушка съ остальными домочадцами.

— Да онъ здѣсь? произнесъ отецъ Михей:

— Не онъ: это чучело на кровати положено! взволнованно отвѣтила Маремьяна Никитична, отстраняя мужа; она подошла къ кровати и сдернула съ лица спавшаго одѣяло.

— Ну, онъ и есть... сказалъ отецъ Михей. — Что тебѣ пригрезилось?

Матушка стояла, выпучивъ и безъ того огромные глаза свои.

Агафонъ сдѣлалъ видъ якобы проснулся, протеръ глаза руками и сѣлъ.

— Что надо? спросилъ онъ.

— Гдѣ ты былъ? грозно спросила Маремьяна Нилитична.

— Дома... отвѣтилъ Агафонъ и въ ту же секунду получилъ оглушительную затрещину.

— И рожу дома накрасилъ?! возгласила матушка, закатывая ему съ другой руки такой же гостинецъ.

Тутъ только Агафонъ вспомнилъ, что онъ забылъ разгримироваться.

Произошелъ „вопль и крикъ многъ", по выраженію Стратилата, кончившійся тѣмъ, что Агафонъ заявилъ, что онъ намѣренъ совсѣмъ уйти въ актеры и затѣмъ немедленно долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ окно отъ ухватившей желѣзную кочергу родительницы.

Слушатели, за исключеніемъ Зайцева и самаго Агафона, хватались за бока и хохотали; особенно ржалъ и гоготалъ Тихонъ.

— Да ты что—видалъ развѣ? спросилъ Шилинъ разсказчика.

— Я жъ подъ окномъ сидѣлъ:—любопытно вѣды! отвѣтилъ тотъ.—Высунулась это она наружу, да и кричитъ ему вслѣдъ:—и Стратилаткѣ твоему весь пучокъ выдерну—пусть только попадется на глаза! А я всталъ да и говорю:—извините, матушка, я и безъ васъ ужъ обстригся! и онъ провелъ подъ общій смѣхъ ладонью по головѣ.

Тутъ только замѣтили всѣ, что пучка, всегда красовавшагося у него на затылкѣ и перевязаннаго бѣлою

тряпочкой, не было. Тихонъ даже завылъ отъ удовольствія и шлепнулъ себя по ляжкамъ.

— Впрямь, стало быть, совсѣмъ порѣшилъ съ духовнымъ званіемъ? сказалъ Шилинъ.

— Совсѣмъ! отозвался Стратилатъ:—будетъ съ меня, попѣлъ на всѣ на двѣнадцать гласовъ, теперь на одинъ свой пѣть буду!

— А ты, Агафонъ Михеичъ? обратился хозяинъ къ молча сидѣвшему бурсаку.

— И Агаша со мной! отвѣтилъ за него Стратилатъ. —Чертъ насъ съ нимъ веревочкой связалъ: вмѣстѣ горе мыкать будемъ. Такъ что ли, Агаша? и онъ треснулъ по плечу товарища.

— Видно такъ... отозвался тотъ.

— Безъ хлѣба не будемъ сидѣть! продолжалъ Стратилатъ:—эка меды какіе, подумаешь, у поповъ разведены? Послаще ихъ найдутся! Что тутъ: попъ да дьячокъ и цѣна имъ пятачокъ!

— Дѣло, ребята, дѣло! поддержалъ хозяинъ:—нечего вамъ здѣсь киснуть, идите въ Москву: толкъ изъ васъ выйдетъ!

— Одобряешь?

— Очень одобряю. Поглядѣлъ я на васъ вчера и прямо скажу—будетъ изъ васъ прокъ!

— О?! обрадованно воскликнулъ Стратилатъ и ткнулъ локтемъ въ бокъ своего товарища.—Агаша, носъ выше держи, слышишь?!

Тотъ улыбнулся, и что-то впрямь дѣвичье мелькнуло въ лицѣ его.

— Сперва здѣсь поиграйте! сказалъ Бѣлявка:—еще двѣ трагедіи за вами обѣщанныхъ осталось!

— А жалованье баринъ намъ положилъ? поинтересовался Стратилатъ.

— Тебѣ приказалъ выдавать, а ему нѣтъ: онъ вѣдь такъ, изъ любопытства, игралъ! Бѣлявка кивнулъ на Агафона.

— Ну, а мнѣ сколько же?

— Десять карбованцевъ въ мѣсяцъ на ассигнаціи*)

*) Три рубля на серебро.

Жить и кормиться съ нами будешь: харчъ намъ ладный идетъ!

— Добре! весело воскликнулъ Стратилатъ: жить можно! Только, Григорій Харлампычъ, теперь и Агашѣ надо деньгу сыпать: у него вѣдь ни клюквинки — какъ у Іова!

— Поговорю, поговорю... важно отвѣтилъ Бѣлявка.

— Однако, что же это закусить намъ ничего не даютъ? обезпокоился хозяинъ.

— Мавра? позвалъ онъ, но изъ кухни отвѣта не было.

Шилинъ высунулъ голову между цвѣтами въ окно и громко и очень похоже промяукалъ:—Маура... маура?..

— Чего вамъ? отозвался изъ сарайчика голосъ Мавры.

— Да не чего, а какъ кошки отвѣчаютъ? крикнулъ Шилинъ:— отвѣчать должна — Наумъ... Наумъ... Онъ такимъ томнымъ голоскомъ и такъ вѣрно передразнилъ кошку, что всѣ гости захохотали.

— О, чтобъ вамъ... непутывые! послышалось изъ сарая, и оттуда выглянуло смѣющееся, румяное лицо Мавры.

— Водочки намъ да селедочки и чего Богъ послалъ тащи! распорядился хозяинъ.

— Дило, дило! оживленно поддержалъ Бѣлявка.

Мавра принесла штофъ синяго стекла и всякихъ закусокъ, и компанія принялась опустошать столъ.

— Ну, а у тебя якъ дило съ Настасьей? спросилъ, прожевывая кусокъ колбасы, Бѣлявка у Тихона.

Тотъ ухмыльнулся:—Дѣло на мази; одно слово трежули!

— Жули-то жули, а цѣлуйся съ прынцессой своей поаккуратнѣе! Бѣлявка обратился ко всѣмъ собесѣдникамъ: у насъ рэпэтыція идетъ, а они съ ей у подъѣзди якъ изъ гарматы*) палятъ!

— Что поцѣловать, что плюнуть для насъ все единственно! развязно, но нѣсколько смущенно отвѣтилъ Тихонъ.

---

*) Пушка.

— Я до философіи не дохожу! возразилъ Бѣлявка:—я на счетъ шкуры больше простираюсь. Услышитъ баринъ—такого гопака на твоемъ кокѣ сыграетъ, шо уси подъ него станцуемъ!

— А что скажете, господа, о новой актеркѣ? спросилъ Шилинъ.

Бѣлявка сморщилъ носъ.

— А якая жъ она актерка? пренебрежительно отозвался онъ.—Чи жъ такъ играють. Эдакъ вѣдь и мы уси вотъ сейчасъ, сидя здѣсь, граемъ!

— Вѣрно! воскликнулъ Тихонъ.—И взлянуть не на что: пиголица какая-то!

— А вы и актеровъ на фунты вѣшаете? проговорилъ Зайцевъ.

— Зачѣмъ на фунты? Но коли ты актерка — такъ имѣй что показать публикѣ: костей-то мы и въ лапшѣ довольно видали! Какъ скажешь про нее, Агафонъ Михеичъ.

— Очень хороша... отъ души отвѣтилъ тотъ.

— И я скажу — хороша! присоединился къ нему хозяинъ: — въ душѣ всѣ жилки перебрала — это не всякому дано. Это, братъ, выше насъ то, что въ ней положено!

— Кто это, какъ конь, протопоталъ? проговорилъ Стратилатъ, заслышавшій чей-то бѣгъ по двору и затѣмъ по крыльцу. Не успѣлъ онъ договорить, въ горницу влетѣлъ бѣлый, что известь, Сарданапаловъ.

— Григорій Харлампычъ! крикнулъ онъ посинѣлыми губами:—баринъ скончался.

Ударъ грома не могъ бы произвести большаго впечатлѣнія на собесѣдниковъ. Всѣ повскакали съ мѣстъ; со стола на полъ посыпались рюмки и вилки.

— Шо ты: опомнись! Съ глузду съѣхалъ*? сказалъ, замахавъ руками и отступая отъ него, поблѣднѣвшій Бѣлявка.

— Что случилось? Говори толкомъ! спросилъ Шилинъ. Тихонъ сидѣлъ съ разинутымъ ртомъ, изъ котораго виднѣлся порядочный кружокъ огурца.

---

*) Сошелъ съ ума.

— Кликнулъ меня со Спирькой и Сеньку съ Васькой Ванька—казачокъ... началъ прерывающимся голосомъ Сарданапаловъ:—идите, баринъ, говоритъ, зоветъ! Ну, мы въ кабинетъ пришли. А баринъ сидятъ въ креслѣ, пишутъ что-то, повернули къ намъ головку—вотъ, говорятъ, вамъ воль... Сарданапаловъ вдругъ заплакалъ: —вольная это! докончилъ онъ, утеревъ слезы кулакомъ. —А сами откинулись на спинку кресла и икнули. Мы стоимъ, ждемъ. Глядимъ, а они все блѣднѣй дѣлаются, и ручка эдакъ упала и повисла. Васька къ нимъ: — баринъ, говоритъ, что съ вами?.. за ручку мы ихъ ухватили, за плечико—а они уже кончились!

— Идемте скорѣе! проговорилъ Шилинъ, и всѣ, похвативъ шапки, устремились къ двери.

Бѣлявка охалъ.

— Вотъ тебѣ и сыграли мы съ тобой, Агаша! вымолвилъ, скребя свой гладко обстриженный затылокъ, Стратилатъ.

Прямикомъ—черезъ театръ, черезъ паркъ и террассу прибѣжали они въ залъ. Домъ былъ, что раскопанный муравейникъ: вездѣ виднѣлись взволнованныя и и испуганныя лица; дверь въ кабинетъ стояла открытая настежь, и около нея тѣснилась цѣлая толпа. Она разступилась, чтобы пропустить вновь прибѣжавшихъ, и тѣ увидали Пентаурова.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, какъ описывалъ Сарданапаловъ, съ висящей правой рукой и низко опущенной на грудь головой. Глаза глядѣли, какъ живые, но необычная неподвижность фигуры и синеватая блѣдность лица и руки свидѣтельствовали о смерти.

На столѣ передъ нимъ лежалъ листъ гербовой бумаги. Шилинъ заглянулъ въ него и увидалъ, что то была вольная актерамъ, только что собственноручно написанная покойнымъ, но подписи подъ ней не было — смерть застигла его передъ самымъ послѣднимъ взмахомъ пера.

Оно лежало тутъ же на отпускной и, видимо, прокатившись, оставило на ней нѣсколько чернильныхъ слѣдовъ.

— За докторомъ послали? освѣдомился Шилинъ.

— Давно побѣжали! тихо отозвались голоса:—и въ полицію дали знать!

— А старой барынѣ въ Баграмово?

— Ахти, забыли!

— Гони кто-нибудь, ребята, верхомъ скорѣй! распорядился Шилинъ.—Да сразу то не сказывай, что померъ баринъ: второго покойника тамъ не сдѣлай!

Появились полиція и докторъ.

Послѣдній тщательно осмотрѣлъ и выслушалъ Пентаурова, затѣмъ выпрямился и сталъ закрывать свой ящикъ съ привезенными инструментами.

— Мертвъ... сказалъ онъ выжидательно глядѣвшему на него квартальному: — разрывъ сердца... помочь нечѣмъ!..

Отъ кабинета къ залу и по всему дому прокатился плачъ и всхлипыванья.

Мертваго вынесли въ гостиную и положили на диванъ; квартальный заперъ и запечаталъ всѣ столы и шкафы въ кабинетѣ, запечаталъ потомъ двери и удалился, поручивъ охрану дома одному изъ будочниковъ до пріѣзда Людмилы Марковны.

Гостиная пенатуровскаго дома стала заполняться любопытными рязанцами, спѣшившими взглянуть на покойника.

ГЛАВА XX.

— Людмила Марковна, не вернуться ли намъ лучше въ Рязань? сказала Леня, войдя на балконъ, гдѣ въ своемъ креслѣ, какъ обычно, полулежала старуха.

Голосъ Лени былъ совершенно ровенъ, но звучалъ нѣсколько неестественно.

— Это еще зачѣмъ? удивилась Пентаурова: — что мы въ ней забыли?

— Владиміръ Дмитріевичъ что-то захворалъ...

Людмила Марковна поднялась въ креслѣ.

— Что? Откуда взяла?

— Иванъ пріѣзжалъ зачѣмъ-то: говорилъ дѣвушкамъ...

— Не мели вздору! прервала ее старуха и съ трудомъ поднялась на ноги! Леня не помогла ей и стояла, отвернувшись—Умеръ?

— Да... тихо проговорила дѣвушка; слезы капали изъ глазъ ея на край стола.

Пентаурова молча перекрестилась нѣсколько разъ.

— Всѣ тамъ будемъ! проговорила она: — прикажи лошадей запрягать!

Леня ушла, а старуха прислонилась плечомъ къ колоннѣ и устремила неподвижный, немигающій взглядъ куда-то вглубь сада. Глаза ея были сухи. Передъ ними воскресло далекое прошлое:—ея замужество, такое счастливое вначалѣ, Володя, бѣгающій въ красныхъ сапожкахъ и бѣлой шелковой рубашечкѣ по этимъ дорожкамъ... что лучезарныя бабочки то здѣсь, то тамъ, изъ за кустовъ и клумбъ стали выпархивать милыя и близкія лица давно ушедшихъ людей.

— Лошади готовы... раздался за ея спиной голосъ Лени.

Видѣнья погасли.

— Все прошло, все сонъ!.. вырвалось у Пентауровой.—Ѣдемъ! добавила она и твердой походкой пошла къ дверямъ.

— Не выть! строго обратилась она къ кучѣ плакавшихъ приживалокъ и дворовыхъ дѣвушекъ, высыпавшихъ провожать барыню. — Всѣ умремъ въ свой часъ.

Дорогой она не проронила ни слова и, только уже подъѣзжая къ заставѣ, вымолвила:—предчувствовала я! Во время вольную твою успѣлъ онъ написать. Въ конторкѣ, говорила, она у него положена?

— Въ конторкѣ... отвѣтила Леня.

— Сейчасъ же вынь, какъ пріѣдемъ!

Владиміра Дмитріевича онѣ застали уже на столѣ.

Пожилая монашка изъ Дѣвичьяго монастыря стояла у ногъ его и читала псалтырь, а онъ лежалъ спокойный и довольный и, казалось, чутко вслушивался въ никогда неслыханныя имъ слова псалмовъ.

Людмила Марковна положила земной поклонъ и долго не подымала головы отъ пола; затѣмъ встала съ

колѣнъ при помощи Лени и, подойдя къ покойнику, ощупала его лобъ и руки:

— Докторъ былъ? спросила она встрѣтившаго ее еще у воротъ, разстроеннаго Маремьяна.

— Былъ-съ...

— Какъ случилось, разсказывай?

Маремьянъ передалъ все происшедшее. Услыхавъ, что кабинетъ опечатанъ полиціей, Людмила Марковна нахмурилась.

— Это зачѣмъ? спросила она.

Маремьянъ потупилъ глаза и пожалъ плечами.

— Положеніе у нихъ такое: до пріѣзда наслѣдниковъ, значитъ... отвѣтилъ онъ.

— Какихъ наслѣдниковъ?

— Васъ-съ... и Степана Владиміровича...

Людмила Марковна отослала приказчика и повернулась къ Ленѣ.

— Слышала? И вольная твоя, значитъ, тамъ запечатана?

— Да. Но вѣдь она цѣла и безпокоиться нечего!

Старуха качнула головой.

— Не знаю... проронила она.—Сейчасъ же отправь Степану эстафету въ Петербургъ!

Неожиданная смерть Пентаурова взбудоражила Рязань, и рѣшительно весь городъ побывалъ въ его домѣ.

На панихидахъ нельзя было протолкаться въ залѣ, куда тѣло было вынесено и поставлено на высокомъ катафалкѣ въ обитомъ малиновымъ бархатомъ гробѣ.

— Вотъ вамъ и жизнь наша!.. слышались тихія бесѣды среди пожилыхъ людей: — сочинялъ человѣкъ, театры устраивалъ и вотъ хлопъ-съ—и ничто больше не нужно ему!

— Да... отзывались другіе: — истинно, все суета суетъ!

Молодежь переговаривалась о судьбѣ театра, а дамъ больше всего интриговала Леня, присутствовавшая на всѣхъ службахъ и которую можно было теперь

разсмотрѣть совсѣмъ въ упоръ и даже тайкомъ ощупать изъ какой матеріи сдѣлано у нея платье.

Людмила Марковна выстояла только двѣ панихиды, а остальныя слушала, сидя на креслѣ въ дверяхъ изъ гостиной въ залъ.

Былъ на одной изъ панихидъ и гусарскій монастырь въ полномъ составѣ; Свѣтицкій же являлся по дважды въ день и старался стать поближе къ Ленѣ. Впечатлѣніе она производила на него неотразимое, и чѣмъ больше молодой гусаръ глядѣлъ на нее, тѣмъ все ярче и сильнѣе разгоралось въ немъ чувство къ ней.

Названія „крѣпостная", „дворовыя", заставлявшія всѣхъ смотрѣть на носительницъ ихъ, какъ на существа безконечно низшія, казались ему дикими и безсмысленными въ приложеніи къ ней; отчасти поэтому, какъ рѣшительно ни собирался онъ на слѣдующей же панихидѣ познакомиться съ Леней, но, очутившись съ ней почти рядомъ, — сдѣлать этого не рѣшался.

Пренебрежительные взоры маменекъ, которыми онѣ окидывали Леню, шепчась на ея счетъ, выводили Свѣтицкаго изъ себя, онъ щипалъ себя за намеки на усы, бѣсился, сравнивая Леню съ этими судьями ея, и называлъ ихъ въ душѣ дурами и кувалдами.

Только послѣ послѣдней панихиды удалось Свѣтицкому выполнить свое намѣреніе. Онъ нарочно сталъ въ сторонѣ такъ, чтобы можно было незамѣтно остаться въ залѣ при выходѣ изъ нея толпы.

Какъ онъ разсчиталъ — такъ и случилось: послѣ службы Леня направилась мимо него къ гостиной и когда поравнялась съ нимъ, Свѣтицкій отдѣлился отъ стѣны и шагнулъ къ ней.

Леня подняла на него большіе глаза свои и остановилась.

— Извините меня!.. проговорилъ гусаръ: — я Свѣтицкій:... вы теперь одна съ госпожей Пентауровой, можетъ быть, я чѣмъ либо могу быть полезенъ? Располагайте, пожалуйста, мною!..

— Спасибо, отвѣтила Леня:—но, кажется, мы пока управимся!

— Я съ удовольствіемъ помогу... Все, что прикажете.

— Я передамъ Людмилѣ Марковнѣ...

— Очень буду радъ, пожалуйста...

Леня поклонилась ему и хотѣла уйти, но Свѣтицкій поспѣшилъ подать ей руку; дѣвушка протянула свою, и онъ крѣпко пожалъ ея худенькіе пальцы.

— Такъ, пожалуйста, не стѣсняйтесь, все, что могу!..

Леня привѣтливо улыбнулась ему и подошла къ наблюдавшей за ними Пентауровой, а Свѣтицкій, радостный и сіяющій, чуть не въ припрыжку поспѣшилъ къ выходу.

На слѣдующее утро состоялся торжественный выносъ тѣла: похороны должны были произойти въ Баграмовѣ, и гробъ, провожаемый толпой народа, запрудившей весь дворъ, былъ установленъ на черныя дроги, и траурный поѣздъ двинулся въ путь.

Поѣздъ былъ невеликъ—всего изъ десятка экипажей, въ которыхъ размѣстились желавшіе проводить покойника до могилы, а, главнымъ образомъ, повидать Баграмово и отвѣдать поминальнаго обѣда.

Разумѣется, въ числѣ ихъ была на правахъ стараго друга дома Марья Михайловна съ семьей, Арефій Петровичъ, Заводчиковъ и три сестры Зяблицыны. Никакія „духовныя" событія въ городѣ, вродѣ свадебъ, крестинъ и похоронъ безъ ихъ участія не обходились. Позади всѣхъ на вороной тройкѣ поѣхалъ Свѣтицкій.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела смерть Пентаурова въ домѣ отца Михея.

Ей тамъ долго не хотѣли вѣрить и повѣрили только, когда Липочка, накинувъ платокъ, сбѣгала со стряпкой въ пентауровскія палаты и убѣдилась собственными глазами, что Владиміръ Дмитріевичъ лежитъ на столѣ.

— А ты кляла его вечоръ на всѣ корки? промолвилъ отецъ Михей.—Нехорошо...

Маремьяна Никитична чувствовала себя нѣсколько смущенной; было непріятно: точно и вправду слова ея накликали смерть Пентаурову.

— Я, что жъ... я ничего худого не говорила и не говорю!.. басисто возразила она:—а что свинья былъ покойникъ—Господи прости мое согрѣшеніе,—такъ это правда!

— Полно, полно! воскликнулъ отецъ Михей. — Не подобаетъ такъ!

Маремьяна Никитична вошла въ азартъ.

— А развѣ неправда? Кто у насъ Агафона со Стратилаткой совратилъ, какъ не онъ? Онъ ихъ въ свой дурацкій театръ сманилъ, вотъ его и покаралъ за это Господь!

— Не осуждай! сказалъ отецъ Михей, прохаживаясь по горенкѣ мимо Морковкина, который сидѣлъ, вытянувъ ноги, и глубокомысленно слушалъ бесѣду.—Кто знаетъ пути Божьи?

— Не иначе, какъ за это! стояла на своемъ Маремьяна Никитична.—Тебѣ бы все заступаться за всѣхъ: ты и ихъ, пожалуй, скоро оправдывать начнешь? А Стратилатку давно вонъ надо было гнать:—чума, а не человѣкъ!

— Вѣрно-съ... озорной человѣкъ, озорной! поддержалъ Морковкинъ.—Хотѣлъ я тутъ на дняхъ доносецъ даже написать на него, да только изъ пріятельства къ отцу Михею воздержался!

— На что доносецъ? полюбопытствовала Маремьяна Никитична.

Отецъ Михей остановился и молча воззрился на гостя.

— А за чтеніе! Оборотите во вниманіе, отецъ Михей, на предбудущее время: какъ дойдетъ онъ въ книгѣ до мѣста, кое-сразу понять не можетъ — онъ, чтобы не спотыкнуться, и дуетъ на всю церкву на тотъ же гласъ „воскомъ закапано, воскомъ закапано", да листы-то верть-верть, чтобы поскорѣе отвалять, значитъ! Подошелъ я поближе къ клиросу—слышу спрашиваетъ его тихо Агафонъ вашъ:—въ кое время пойдешь? Чтеніе тому прерывать нельзя, такъ онъ въ кафизму и клеитъ: — четверть десятаго... Господи помилуй, Господи помилуй... Простой народъ, конечно, не понимаетъ, такъ

думаетъ оно про четверть десятаго и въ книгѣ написано, а вѣдь оно соблазнъ?

— Я что-то не слыхалъ... проронилъ отецъ Михей.

— И услышишь иной разъ, да сквозь уши проскочитъ, въ толкъ не возьмешь; тутъ слѣдить надо, а вамъ изъ алтаря гдѣ же? О!.. Морковкинъ поднялъ указательный палецъ—онъ штука тонкая! Это, я вамъ доложу, человѣкъ съ обстоятельствами: глазъ съ него спускать нельзя!

— Слышишь, батенька, что умные люди говорятъ? обратилась Маремьяна Никитична къ отцу Михею. — Мотай на усъ-то!

— А сынокъ гдѣ, дома? вполголоса освѣдомился Морковкинъ.

Маремьяна Никитична мотнула головой, и синечерныя брови ея сдвинулись.

— И не ночевалъ. Сбѣжалъ ночью!

— Разговоръ, стало быть, съ нимъ имѣли?

— Былъ. Сурьезно поговорила:—кочергой!

— Дѣльно съ... Но только, оборотите во вниманіе: корень зла здѣсь не въ Стратилаткѣ, а въ другомъ совсѣмъ!

Отецъ Михей опять остановился противъ Морковкина.

— Въ комъ же? спросила Маремьяна Никитична.

— Въ Шилинѣ! Глубочайше убѣжденъ въ семъ!

— Да развѣ бывалъ у него Агафонъ? удивилась она.

— Какъ же-съ! Нѣсколько разъ видалъ, какъ онъ въ сей вертепъ филозофскій входилъ, и дивился: для какихъ-такихъ дѣлъ, думаю, посѣщаетъ онъ его? а тутъ вонъ оно что объявилось!

— Не думаю я на Шилина! съ сомнѣніемъ въ голосѣ возразилъ отецъ Михей: — Смарагдъ Захаровичъ человѣкъ умный и такого дѣла не присовѣтовалъ бы...

— Умный-съ; согласенъ, что умный! отвѣтилъ Морковкинъ:—но умъ-то куда у него направленъ, оборотите это во вниманіе? На той недѣлѣ встрѣтились мы съ нимъ у церкви — я отъ обѣдни шелъ. Что, говоритъ онъ мнѣ съ усмѣшечкой съ эдакой,—все Господу Богу

надоѣдаете, Зосима Петровичъ? — Не надоѣдаю, отвѣтилъ я, а благодарить Создателя хожу!—Да вѣдь, говоритъ, Господь, что мы грѣшные:—дѣла больше любитъ, а не словесность эту! Ладономъ-то ужъ его задымили достаточно!

— А?! съ негодованіемъ воскликнула Маремьяна Никитична.

— Да-съ!.. плюнулъ, я, конечно, и ушелъ! Вотъ теперь и разсудите, откуда зло идетъ?

Долго толковали на эту тему попадья и Морковкинъ, а отецъ Михей молча шагалъ изъ угла въ уголъ, и сердце у него болѣло о блудномъ сынѣ.

ГЛАВА XXI.

На другой день послѣ похоронъ Пентаурова случилось новое происшествіе: Бонапарте пытался зарѣзать Антуанетину и нанесъ ей двѣ раны ножомъ въ корридорѣ около уборныхъ.

Однимъ изъ первыхъ узналъ объ этомъ Зайцевъ, отправившійся въ театръ къ Бѣлявкѣ за рукописью трагедіи, которой такъ и не суждено было увидѣть рампы.

На сценѣ толпились актеры, и Зайцевъ подумалъ, что Бѣлявка рѣшилъ продолжать репетиціи до пріѣзда новаго хозяина, но, приглядѣвшись къ сумеркамъ, царившымъ кругомъ, увидалъ, что среди сцены стоитъ въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ настоящій квартальный и распекаетъ за что-то вытянувшагося передъ нимъ Вольтерова.

— Ты это въ какихъ смыслахъ Вольтеровъ, а?! кричалъ, наступая, квартальный.

— Не могу знать-съ... испуганно лепеталъ благородный отецъ.

— Распустились вы тутъ, размечтались, пьяницы! продолжало начальство: — въ часть тебя, подлеца, за такую фамилію заберу. Людей ужъ начали рѣзать!

— Не я-съ... баринъ такъ приказали зваться!..

— Баринъ... баринъ на томъ свѣтѣ, а ты тутъ у меня ухо востро держи! нѣсколько утихомирясь, ска-

залъ квартальный. — Одинъ Бонапарте, другой, чортъ его знаетъ,—Вольтеровъ: острогъ въ полномъ составѣ! Онъ погрозилъ пальцемъ всѣмъ почтительно стоявшимъ поодаль актерамъ съ Бѣлявкою во главѣ.—Смотрите вы у меня, благородно чтобы все было! Ведите прохвоста! добавилъ онъ и, повернувшись, пошелъ къ выходу. За нимъ двое будочниковъ подъ руки повели связаннаго Бонапарте; волосы его были всклокочены, мутные глаза блуждали.

Зайцева обдало крѣпкимъ перегаромъ водки.

— Что у васъ случилось? спросилъ онъ, подойдя къ Бѣлявкѣ.

— А шо хорошаго можетъ быть, колы баба впутается? съ сердцемъ отвѣтилъ тотъ: — подкараулилъ тутъ этотъ дурной Антуанетину, тай и пырнулъ ножикомъ.

— Убилъ?!

— Ни, поранилъ коло уха, да въ плечо.

— Гдѣ жъ она?

— Въ домъ перенесли... Отдышется, ничего!

— Вотъ какая исторія... А я думалъ у васъ репетиція идетъ?

Бѣлявка хмыкнулъ носомъ.—Не дай Богъ такихъ рэпэтыцій! И шо теперь намъ трагикамъ дѣлать, колы комики бабъ начали ризать? добавилъ онъ, разводя руками:—одно, на куски намъ ихъ рвать остается?!

— А я вѣдь къ вамъ за рукописью своей зашелъ! сказалъ Зайцевъ. — Теперь ужъ, конечно, не пойдетъ моя пьеса?

Бѣлявка махнулъ рукой.

— Гдѣ идти? Еще самихъ то насъ будутъ ли держать—нэ знаю...

— А не слышно развѣ, каковъ онъ насчетъ театра? Любитъ или нѣтъ?

— Этого не слыхалъ! Бѣлявка взялъ подъ руку Зайцева и тихо произнесъ, нагнувшись къ его уху, — дворня дюже не хвалитъ его: сквалдыга, говорятъ, жмотъ, одно слово—поганый. Одначе, пройдемте ко мнѣ, тамъ и побалакаемъ... и, держа подъ локоть Зайцева, онъ повелъ его въ свою горенку.

Прошло нѣсколько дней, и Свѣтицкій, мысли котораго неотступно витали вокругъ Лени, рѣшилъ во что бы то ни стало повидать ее.

Выполнить это можно было только въ Баграмовѣ, между тѣмъ ѣхать прямо къ Пентауровой было неудобно—его могли не принять, и Свѣтицкій надумалъ забраться подъ видомъ охотника въ баграмовскій лѣсъ, а оттуда въ садъ и подкараулить появленіе Лени.

Въ тотъ же день, какъ ему пришла въ голову эта мысль, Свѣтицкій послалъ своего вѣстового — разбитного малаго Илью—повызнать у пентауровской дворни, нѣтъ ли гдѣ въ баграмовскомъ лѣсу близъ сада сторожки. А на другое утро уже скакалъ съ Ильей по дорогѣ въ Баграмово; за плечами у Ильи болтался англійскій штуцеръ, добытый Свѣтицкимъ у одного изъ товарищей по полку.

Не доѣзжая съ версту до имѣнія, оба всадника свернули влѣво, углубились въ березовый лѣсъ и тамъ, очутившись въ тѣни и прохладѣ, придержали вспотѣвшихъ коней и поѣхали по тропѣ шагомъ; трава по сторонамъ ея достигала до груди конямъ, и они жадно рвали и ѣли ее на ходу; кругомъ сотнями голосовъ заливались птицы.

Скоро показалась и почернѣлая и покосившаяся избенка-сторожка, служившая въ давніе года сборнымъ мѣстомъ для барской псовой охоты, переведенной потомъ по приказу Владиміра Дмитріевича.

Дверь въ избушку была пріотворена, и оттуда съ громкимъ лаемъ навстрѣчу пріѣзжимъ выкатился кудлатый щенокъ; вслѣдъ за нимъ показался высокій и прямой, какъ юноша, старикъ съ сѣдою бородой, спадавшей почти до пояса.

Пріѣзжіе соскочили съ коней, и Свѣтицкій обратился къ молча и низко поклонившемуся ему старику.

— Здравствуй, дѣдушка! На тетеревовъ поохотиться хочу—можно у васъ?

— Отчего нельзя — можно! привѣтливо отвѣтилъ старикъ. — У насъ запрета на это нѣтъ... да и охотниковъ нѣту! Все по полямъ да съ собаками больше го-

спода ѣздятъ! Вздохнуть съ устатку не желаете ли? молочка, можетъ, выкушаете?

Пить Свѣтицкому очень хотѣлось и, опустошивъ чуть не цѣлую крынку и уничтоживъ хорошій ломоть хлѣба, онъ закинулъ штуцеръ за плечо и спросилъ, какъ ему ближе пройти къ усадьбѣ.

— А тамъ же жъ тетеревовъ нѣтъ! воскликнулъ старикъ, и сѣрые глаза его пристально глянули въ глаза гостю.

— Я Людмилу Марковну хочу сперва провѣдать... отвѣтилъ Свѣтицкій.

— А, такъ, такъ... сказалъ старикъ. — Пожалуйте сюда, баринъ... онъ завернулъ за уголъ избы и указалъ рукой на тропку, едва намѣтившуюся среди орѣшника: —такъ по ей все прямо и ступайте мимо камня, тутъ рукой подать до сада...

Свѣтицкій исчезъ въ кустахъ, а старикъ нѣсколько минутъ провожалъ его взглядомъ и, наконецъ, качнулъ головой.

— Чудно... пробормоталъ онъ, возвращаясь обратно къ Ильѣ, водившему лошадей по полянкѣ: —пріѣхалъ охотиться, а собачки нѣтъ!

Свѣтицкій шелъ быстро, и минутъ черезъ десять дорожка привела его къ канавѣ и валу, замѣнявшимъ садовую ограду; за ними виднѣлась темная зелень липовой аллеи, круто спускавшейся влѣво къ рѣкѣ, синимъ пятномъ глядѣвшей въ просвѣтъ среди гущи березъ.

Свѣтицкій перескочилъ черезъ канаву и выбрался изъ чащи на аллею — широкую и темную, что безконечный гротъ. Она была пустынна. Молодой гусаръ взялъ вправо и, дойдя до поворота, увидѣлъ далеко впереди, въ самомъ концѣ ея уголъ дома и бѣлыя колонны балкона.

Чтобы не быть замѣченнымъ, онъ прошелъ краемъ, у самыхъ стволовъ деревьевъ и, добравшись почти до конца аллеи, услыхалъ на балконѣ стукъ ножей и тарелокъ; тамъ накрывали на столъ къ обѣду. Видно черезъ густой плющъ ничего не было.

Свѣтицкій постоялъ, затѣмъ возвратился немного назадъ и свернулъ въ сторону съ тѣмъ, чтобы встать за клумбами противъ выходныхъ дверей на балконъ и оттуда наблюдать—не сойдетъ ли Леня въ садъ.

Осторожно добрался онъ до намѣченнаго мѣста и устроился на часахъ въ кустахъ сирени, за сплошною стѣной которой начинались и вплоть до балкона шли клумбы съ цвѣтами.

Людмила Марковна сидѣла въ креслѣ; позади нея изъ залы къ столу и обратно шмыгалъ лакей въ желтомъ балахонѣ, принося то хлѣбъ, то разныя принадлежности для стола. Лени не было.

Наконецъ, въ хорошо видной Свѣтицкому глубинѣ зала появилось бѣлое платье, и сердце гусара забилось чаще: на балконѣ появилась та, которую онъ такъ ждалъ.

Безконечно долго тянулся обѣдъ. Свѣтицкій нѣсколько разъ садился на землю, вскакивалъ, опять садился, грызъ стебельки травы и накрошилъ ихъ такое количество, что хватило бы на прокормленіе доброй овцы.

Наконецъ, на балконѣ послышался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ; изъ за колонны показалась старуха и Леня, ведшая ее подъ руку къ креслу. Людмила Марковна расположилась на свой обычный отдыхъ, а Леня вошла въ домъ и черезъ нѣкоторое время вернулась съ книжкой въ рукахъ.

Надежды, Свѣтицкаго исполнились: она постояла съ минуту на верхней ступенькѣ балкона и тихо стала спускаться въ садъ, затѣмъ направилась въ ту аллею, гдѣ успѣлъ побывать Свѣтицкій.

Онъ бросился внизъ, къ рѣкѣ и самому дальнему концу аллеи съ тѣмъ, чтобы выйти тамъ на нее и встрѣтиться, какъ бы невзначай, съ дѣвушкой. Не разбирая дороги, напрямикъ, черезъ колючіе кусты шиповника и боярышника домчался онъ до намѣченнаго мѣста и, стараясь придать себѣ спокойный видъ и тише переводить дыханье, съ ружьемъ въ рукѣ пошелъ вверхъ по аллеѣ.

У изгиба ея, опершись спиной на стволъ вѣковой липы, сидѣла погруженная въ чтеніе Леня.

Шагахъ въ двадцати отъ нея Свѣтицкій кашлянулъ; книжка опустилась, и открылось лицо Лени; на немъ изобразилось удивленіе.

— Здравствуйте, Леонида Николаевна! произнесъ, подходя, Свѣтицкій.

Дѣвушка поднялась ему навстрѣчу.

— Вообразите, смѣшной какой случай со мной вышелъ? продолжалъ гусаръ:—охотился съ товарищами и вотъ отбился отъ нихъ, заблудился и неожиданно попалъ сюда!

Голосъ его звучалъ безъ фальши, и это еще болѣе окрылило его.

— Какъ вы изцарапались сильно? сказала Леня, указавъ на руки гусара; тотъ глянулъ на нихъ и увидалъ, что онѣ въ крови.

— Пустяки! весело отвѣтилъ онъ: — это я черезъ лозняки у рѣки продирался. Зато васъ вижу — вотъ и награда мнѣ!

— Какая же это награда? Леня была такъ далека отъ мысли, что Свѣтицкій пріѣхалъ ради нея, что ни на минуту не усомнилась въ истинѣ его словъ. — Гдѣ же ваши товарищи дѣвались, не послать ли за ними людей?

— Нѣтъ, нѣтъ, они сами выберутся! торопливо отвѣтилъ Свѣтицкій — они хорошо знаютъ мѣста. Вы мнѣ позволите отдохнуть немного здѣсь?

— Конечно, пожалуйста! Сейчасъ Людмила Марковна спитъ, а черезъ полчасика я проведу васъ къ ней.

— Зачѣмъ же ее безпокоить? Не надо!

— Какое же это безпокойство?

— Право не надо: вы даже не говорите ей, что я здѣсь былъ!

Леня опять удивилась. Прямая и искренняя сама, она и въ другихъ не предполагала притворства и заднихъ мыслей.

— Почему же?

— Да такъ... можетъ быть ей это не понравится... что нибудь подумаетъ!

— Что же она можетъ подумать? Вѣдъ вы же не съ худыми намѣреніями къ намъ пріѣхали: домъ поджечь не хотите?

— О, нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ, улыбаясь, Свѣтицкій.

— Къ чему же вамъ прятаться? Все равно Людмила Марковна узнаетъ: лошадей же вамъ нужно будетъ дать въ Рязань ѣхать?

— Зачѣмъ? У меня... гусаръ чуть не проговорился и осѣкся.—Я товарищей отыщу и съ ними вернусь: тамъ у насъ свои лошади!

— Гдѣ же?

— А тамъ... гусаръ неопредѣленно показалъ куда-то рукой и почуствовалъ, что кровь густою волною начинаетъ подыматься изъ подъ воротника къ щекамъ его. Онъ отвернулся.

Леня примѣтила смущеніе Свѣтицкаго и, не понимая въ чемъ дѣло, замолчала.

— Здорова ли Людмила Марковна? озабоченно освѣдомился онъ.

— Все попрежнему; ноги у нея очень болятъ!

— Въ Рязань не собираетесь переѣхать?

— О нѣтъ, здѣсь такъ хорошо!

— Это грустно...

— Почему грустно?

— Для меня грустно... пояснилъ гусаръ:—значитъ, и на сценѣ васъ больше не увидимъ?

Леня улыбнулась:

— Какой же теперь театръ! А вы любите его?

— Очень. Какъ вы были хороши въ Эсмеральдѣ, Леонида Николаевна! Многіе плакали, когда вы говорили въ послѣднемъ актѣ. Такъ хотѣлось броситься на сцену, что нибудь сдѣлать и спасти васъ! Жаль только, что пьеса была дубовая!—повторилъ онъ слова Возницына.—Знаете, какъ ее у насъ назвали,—„Полѣнья любви!“

Леня тихо засмѣялась.

— Всѣмъ нельзя быть Шекспирами, Дмитрій Назаровичъ. Вы читали Шекспира?

Свѣтицкій долженъ былъ сознаться, что только слышалъ о немъ.

— Вотъ его играть — должно быть, великое наслажденіе!.. Какъ хорошо, что существуютъ на свѣтѣ такіе геніи: съ ними такъ свѣтло жить! добавила Леня.

— Вы много читаете? спросилъ гусаръ.

— Да. Книги мои друзья.

— А живыхъ друзей у васъ много?

Леня подняла на него глаза.

— Откуда же они у меня могутъ быть? Мы вѣдь здѣсь, какъ въ монастырѣ, живемъ.

— А если бы я попросилъ васъ меня считать своимъ другомъ? горячо сказалъ онъ:—настоящимъ—на жизнь и на смерть?

— Будемте друзьями, я рада! просто отвѣтила Леня, протягивая ему руку.

Свѣтицкій почтительно поцѣловалъ ее и опустился на одно колѣно.

— Если такъ, посвятите меня въ ваши рыцари!

— Что же я должна для этого сдѣлать? смущенно смѣясь, спросила Леня.—Знаете, мы съ вамн сейчасъ точно на сценѣ...

— Дайте мнѣ вотъ эту ленточку... онъ указалъ на голубой бантъ, приколотый на груди дѣвушки:—это будетъ мой цвѣтъ съ нынѣшняго дня!

Леня сняла бантъ и подала его гусару. Тотъ прижалъ его къ губамъ.

— Встаньте же, рыцарь, произнесла она—и пойдемте въ домъ. Людмила Марковна, навѣрное, уже ждетъ меня!

— Нѣтъ, разрѣшите мнѣ не ходить! Свѣтицкій поднялся на ноги.

— Да отчего? Какой вы странный! воскликнула Леня.

— Позволите? И не сердитесь? И не говорите Людмилѣ Марковнѣ, что я былъ...

— Право, можно подумать, что у насъ свиданье здѣсь съ вами происходило...

— Пусть это будетъ нашей маленькой тайной, продолжалъ Свѣтицкій: вѣдь у друзей всегда бываютъ какія-нибудь тайны! И разрѣшите завтра мнѣ опять придти сюда въ это время?

— Да вѣдь вы же въ Рязани живете, далеко?

— Ничего, можно пріѣхать!

— Слушайте... все это такъ непонятно... произнесла Леня, и въ голосѣ ея послышались легкая тревога и волненіе.—Зачѣмъ вамъ это нужно?

Отвѣтъ былъ на губахъ Свѣтицкаго, но онъ не рѣшился произнести его.

— Мы же друзья... сказалъ онъ:—я мѣста себѣ не нахожу дома! А вы мнѣ книгъ дайте:—я ничего не читалъ, ничего не знаю. Друзья помогаютъ другъ другу. Хорошо?

Леня молча протянула руку, и Свѣтицкій опять поцѣловалъ ее. Лицо Лени подернулось на этотъ разъ краской.

— А теперь прощайте, я должна уйти!.. и она почти побѣжала въ домъ, а когда оглянулась отъ балкона—увидала, что Свѣтицкій все еще стоитъ и смотритъ ей вслѣдъ съ дальняго конца аллеи.

ГЛАВА XXII.

— Я ужъ посылать за тобой собиралась! встрѣтили на балконѣ Леню слова Людмилы Марковны. Она уже проснулась и, видимо, была въ хорошемъ настроеніи. — Гдѣ гуляла?

— Читала въ аллеѣ...

Что-то не совсѣмъ обычное почудилось Пентауровой въ короткомъ отвѣтѣ и въ голосѣ Лени. Старуха послѣдила глазами за дѣвушкой и убѣдилась, что что-то произошло.

— Поди ближе... проронила она.

Леня подошла къ креслу. Щеки ея начали алѣть.

— Да не въ полъ гляди, а на меня... Теперь сказывай, что было?

— Право ничего... Свѣтицкій пріѣзжалъ... отвѣтила Леня.

— Свѣтицкій?.. гусаръ, что ли?

— Да.

— Зачѣмъ? Гдѣ онъ?

— Уѣхалъ.

— Зачѣмъ пріѣзжалъ?

— Да не пріѣзжалъ... и Леня разсказала, какъ встрѣтилась съ нимъ въ саду и о чемъ они говорили.

— Чудно... выслушавъ, произнесла Людмила Марковна и закрыла глаза. Думы охватили ее, — думы, все чаще и чаще начинавшія роиться въ головѣ ея.

Съ первыхъ же словъ она угадала для кого и зачѣмъ пріѣзжалъ молодой гусаръ; обратила она подозрительное вниманіе на него еще на похоронахъ сына, но Свѣтицкій былъ такъ почтителенъ и скроменъ, что даже понравился ей, чего удостаивались очень немногіе.

И вотъ теперь свиданье... Съ другой стороны она ясно понимала, что все это въ порядкѣ вещей, и дѣвушку отъ такихъ разговоровъ и встрѣчъ уберечь нельзя. Но вотъ именно съ этого то мѣста думъ черствое для всѣхъ сердце Людмилы Марковны начинало больно сжиматься: съ какими намѣреніями будутъ ухаживать за ея Леней? Что ждетъ ее въ недалекомъ будущемъ, послѣ ея смерти? Вольную она ей добыла, но вѣдь это еще далеко не все! Леня умнѣй и воспитаннѣй всѣхъ извѣстныхъ ей барышень, но она крестьянка. На какую же партію можетъ разсчитывать она? какія встрѣчи ждутъ ее въ жизни, какія рѣчи послѣ ея смерти будутъ вести „съ дѣвкою“ наглые люди?

— Завтра, сказалъ, опять пріѣдетъ? проговорила, открывая глаза, Пентаурова.

— Да.

— Приведи его ко мнѣ. Не хочу, чтобъ люди болтать стали всякій вздоръ, поняла?

— Поняла... отвѣтила совсѣмъ смущенная Леня: она и въ самомъ дѣлѣ прозрѣла многое изъ происшедшаго.

Ни во весь остальной день, ни на слѣдующій Пен-

таурова о Свѣтицкомъ не обмолвилась ни словомъ и только въ концѣ обѣда бросила приживалкамъ:—гостя жду. Къ двумъ часамъ кофей чтобъ былъ!

Какъ всегда, съ помощью Лени перебралась она изъ за стола на свое кресло и вытянула ноги. Леня побыла на балконѣ, кинула нѣсколько взглядовъ на Людмилу Марковну, засыпавшую съ обычнымъ строгимъ выраженіемъ лица, и неслышною поступью спустилась съ балкона и медленно, словно въ раздумьи—идти ли, направилась къ аллеѣ.

Темные глаза старухи открылись, какъ два провала, и провожали стройную бѣлую фигуру дѣвушки до тѣхъ поръ, пока та не скрылась среди зелени.

Свѣтицкій давно ждалъ, стоя на поворотѣ и, завидѣвъ идущую Леню, бросился къ ней съ радостнымъ лицомъ.

— Вотъ и вы! Но какая строгая, сердитая?.. отчего?

— И не сердитая, и не строгая... отвѣтила Леня.— Но зачѣмъ вы обманули меня вчера, Дмитрій Назаровичъ?

— Я? Какимъ образомъ? пробормоталъ Свѣтицкій.

— Зачѣмъ вы пріѣзжали вчера?

Взгляды ихъ встрѣтились.

— Чтобы васъ видѣть... тихо, но твердо проговорилъ онъ.

— Вотъ видите... Леня покачала головой: — и совсѣмъ это ненужно!..

— Мнѣ лучше знать, нужно это или ненужно! Вамъ, конечно, все равно, а мнѣ нѣтъ!

— Милый Дмитрій Назаровичъ, вдругъ такимъ тономъ сказала Леня, что сердце у Свѣтицкаго вздрогнуло:—давайте забудемъ все это, лишнее и останемся просто друзьями. Вѣдь вы хотѣли моей дружбы?

— Лишняго ничего не было...

— Вы пошутили со мной—и довольно, правда?

— И не думалъ шутить.

— Значить, вы хотѣли обидѣть меня?

— Васъ?!. Развѣ обижаютъ... онъ запнулся, отвер-

нулся и договорилъ глухимъ голосомъ:—тѣмъ, что любятъ?

Леня закрыла лицо руками и вдругъ заплакала.—Ну вотъ, ну вотъ!.. совсѣмъ по-дѣтски произнесла она сквозь слезы.

— Я безъ васъ не могу жить, Леонида Николаевна, сказалъ Свѣтицкій: — я невиноватъ въ этомъ! О чемъ же вы плачете? онъ осторожно взялъ ея руки и открылъ лицо ея. Она овладѣла собой.

— Я дворовая дѣвушка, Дмитрій Назаровичъ, отвѣтила она:—со мной можно шутить и съ любовью!

— Неправда! крикнулъ чуть не на всю аллею Свѣтицкій, и лицо его исказилось такимъ гнѣвомъ, что Леня въ испугѣ отступила назадъ.—Мнѣ все равно, кто вы, для меня вы выше всѣхъ въ мірѣ, я знать ничего не хочу; поймите же, я люблю васъ! въ изступленіи закончилъ онъ, падая на колѣни: — будьте моей женой, Леня!

— Что вы, опомнитесь?!. въ смятеніи произнесла она:—я вамъ не пара... это у васъ пройдетъ, забудется... встаньте же!..

— Нѣтъ, не пройдетъ, не забудется! съ какой-то угрозой сказалъ, вставая, Свѣтицкій:—некому и забывать завтра будетъ!.. Прощайте! и онъ повернулся, чтобы уйти.

— Постойте! вскрикнула Леня, протягивая ему вслѣдъ обѣ руки—куда вы?

— Здѣсь дѣлать мнѣ нечего... мрачно отозвался гусаръ.—Это вы надо мной шутите и издѣваетесь! Я въ послѣдній разъ спрашиваю:—хотите быть моей женой?

Леня подошла къ нему и взяла его за руку.

— Вы меня любите? спросила она.

— Да! тономъ убійцы отвѣтилъ Свѣтицкій.

— И значитъ исполните мою просьбу?

— Да.

— Подождемъ говорить объ этомъ!

Свѣтицкій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но Леня не дала ему заговорить:—если вы меня дѣйствительно любите, вы это сдѣлаете! Я вѣдь вамъ не отказываю, я хочу только, чтобы вы успокоились и обдумали все...

— Думать мнѣ нечего: я давно все обдумалъ! прервалъ Свѣтицкій.

— Все-таки подождемъ немного: у васъ будетъ время еще больше вдуматься и рѣшить не такъ опрометчиво все. Дайте и мнѣ время повѣрить въ сказку, что мнѣ разсказала эта аллея?

— Иными словами, вы мнѣ не вѣрите, Леонида Николаевна? угрюмо проронилъ Свѣтицкій.

— Вѣрю! воскликнула Леня:—но вѣдь это все такъ неожиданно, такое большое, огромное... Не будемъ больше ни словомъ вспоминать о томъ, что говорилось сейчасъ, хорошо? Забудемъ на время?

Свѣтицкій молчалъ. Леня заглянула ему въ лицо и взяла за руку.

— Поймите меня, Дмитрій Назаровичъ: вы человѣкъ свободный—орелъ съ крыльями, а я маленькая куропатка. Вы можете взмыть и улетѣть далеко въ любое время, и я ничего не скажу и не подумаю о васъ дурного: вѣдь такъ оно и быть должно! Горя не будетъ и не надо его, правда? Я останусь со своей сказкой, со своимъ свѣтлымъ лучомъ, который вы бросили на мою жизнь—сѣренькую и незамѣтную! Онъ будетъ свѣтить мнѣ, пока я жива!

— Смотрите—вѣдь впрямь прилетѣла жаръ-птица и озарила весь садъ. Сейчасъ--все сказка: вы Иванъ—царевичъ съ ковра—самолета, а я чернавка—замарашка. Дайте же мнѣ погрезить этою сказкой, не нарушайте ее хоть недолго, хорошо?

Она съ такимъ чувствомъ, съ такимъ вдохновеньемъ, осіявшимъ ея лицо, сказала эти слова, что у Свѣтицкаго перехватило дыханье. Ему хотѣлось упасть къ ногамъ ея, удариться головой о дерево, схватить ее на руки и унести неизвѣстно куда, изрубить тысячу невѣдомыхъ враговъ—все онъ могъ сдѣлать подъ звуки этого волшебнаго голоса, лившагося въ самое сердце!

— Хорошо! проговорилъ онъ, прижимая горячія губы къ рукѣ Лени.

— Вотъ и прекрасно! сказала она: — я знала, что вы милый!

— Но вѣдь мы же будемъ видѣться? съ тревогой

спросилъ онъ.—И вы позволите мнѣ наединѣ называть васъ Леней?

Она съ улыбкой кивнула головой.

— А меня зовите Митей. Я Митя для васъ—да?

— Да. А теперь идемте въ домъ,

— Извольте: съ вами хоть къ черту на рога! радостно воскликнулъ Свѣтицкій.

— Ого, какой вы сегодня храбрый? Знаете, вѣдь я сказала вчера Людмилѣ Марковнѣ, что вы здѣсь были!

— А хоть всему свѣту говорите!

Молодые люди пошли по аллеѣ, но черезъ нѣсколько шаговъ Леня что-то вспомнила и остановилась.

— А гдѣ ваши лошади? спросила она.

— Здѣсь близко: у Максима на бывшей псарнѣ.

— Знаете что, не лучше ли будетъ, если вы вернетесь и пріѣдете въ экипажѣ? сказала Леня.

— Вы правы... отвѣтилъ Свѣтицкій:—я сейчасъ, мигомъ! онъ схватилъ руку Лени, покрылъ ее поцѣлуями и бѣгомъ пустился въ противоположномъ направленіи.

Леня пошла къ дому. У выхода изъ аллеи она остановилась, придержала рукой переполненное невѣдомой музыкой сердце и затѣмъ направилась дальше и стала всходить на балконъ.

Глаза Людмилѣ Марковны встрѣтили ее на первой же ступенькѣ.

На балконѣ никого не было: предусмотрительная старуха давно услала прочь всегда торчавшихъ при ней приживалокъ.

— Одна? недоумѣнно проговорила она.

— Сейчасъ пріѣдетъ... отвѣтила Леня.

Людмила Марковна кивнула съ удовлетвореннымъ видомъ и больше не разжимала губъ.

На дворѣ послышались колокола; казачокъ прибѣжалъ доложить, что пріѣхалъ гусарскій офицеръ.

— Проси... приказала Пентаурова, и на балконѣ появился Свѣтицкій.

Онъ подошелъ къ ручкѣ Людмилы Марковны и, звякнувъ шпорами, поклонился стоявшей у обѣденнаго стола Ленѣ.

— Пріѣхалъ освѣдомиться о вашемъ здоровьи... проговорилъ онъ, садясь на указанный ему старухою стулъ около ея кресла.

— Уменъ, батюшка... старыхъ уважать надо! отвѣтила она, не сводя темныхъ глазъ своихъ съ лица молодого гусара: оно такъ все и свѣтилось счастьемъ. Людмила Марковна кинула взглядъ на Леню и увидала тотъ же отсвѣтъ въ глазахъ ея.

— Скоро пріѣзда Степана Владиміровича ждете?

— Со дня на день жду... отвѣтила Пентаурова, и завязался обычный, ничего незначащій разговоръ. Леня постояла, послушала и прошла въ домъ.

— Слыхала, заблудился ты вчера на охотѣ? молвила старуха.

— Да; вообразите, такъ это вышло странно...

— Заблудиться не бѣда, а вотъ блудить худо! выразительно сказала Людмила Марковна. — Заблудиться дворянину не въ стыдъ, а наблудить только прохвосту къ лицу!

— Совершенно вѣрно! спокойно согласился Свѣтицкій.

Отвѣтъ его и полная убѣжденность, прозвучавшая въ голосѣ, подкупили Пентаурову.

— Напрасно ко мнѣ не зашелъ, не такъ сурово продолжала она:—рада бы видѣть тебя была! Дѣло есть до тебя: самъ назвался, вотъ и терпи.

— Для васъ все и всегда выполню съ величайшимъ удовольствіемъ! отвѣтилъ гусаръ.

— Притвори-ка дверь...

Свѣтицкій всталъ и тщательно притворилъ дверь въ залъ.

— Что говорить сейчасъ съ тобой будемъ—не хочу, чтобъ кто-нибудь зналъ. Даже Леня! Понялъ?

Свѣтицкій слегка поклонился.

— Помни же! Умру я скоро.

— Что вы, Людмила Марковна... началъ было обычную фразу Свѣтицкій, но старуха досадливо отмахнулась рукой.

— Не пустословь, не съ маленькой говоришь! рѣзко сказала она.—Ухожу—чувствую; дунетъ на меня что-

нибудь и отлечу, что листъ съ дерева осенью. Леня одна, какъ перстъ, останется, а она для меня и сынъ, и внукъ, и дочь—все въ ней! И болитъ душа: некому довѣрить и поручить ее—дрянь все людишки. А тебѣ вѣрю:—молодъ ты, да въ твои года люди честнѣе бываютъ! Будь же Ленѣ братомъ:—остереги, помоги ей, коли понадобится!

— Охотно! воскликнулъ Свѣтицкій.

— Честно поможешь? И самъ худа ей никогда не сдѣлаешь?

— Клянусь вамъ въ томъ! гусаръ перекрестился.

— Смотри:—на дуэль тебя вызвать за нее будетъ некому, но есть Богъ!—бойся, если онъ съ тебя за нее отвѣта потребуетъ!

— Всѣмъ святымъ клянусь, что все выполню, какъ вы хотите! горячо сказалъ Свѣтицкій.

Удовлетвореніе изобразилось на лицѣ старухи.

— Ну, ну... вѣрю... совсѣмъ мягко сказала она.—Ты хоть и гусаръ, а душа у тебя чистая!

Дверь отворилась и появилась съ парою книжекъ въ рукахъ Леня.

— Я вамъ кое-что для чтенія принесла, сказала она, протягивая принесенное Свѣтицкому.—Это Гамлетъ и Король Лиръ Шекспира во французскомъ переводѣ!

— Ну, ну, займитесь... сказала Пентаурова:—тебѣ, чай, скучно со старухой сидѣть?.. Погуляйте, покажи Леня гостю библіотеку... А ты знай: по воскресеньямъ и четвергамъ тебя къ обѣду жду!

Свѣтицкому захотѣлось закричать во все горло, перекувырнуться, пройтись колесомъ черезъ весь домъ. Онъ брякнулъ шпорами, еще разъ поцѣловалъ руку Людмилы Марковны и пошелъ вмѣстѣ съ Леней въ домъ.

— Что могла—сдѣлала... думала, прислушиваясь къ ихъ шагамъ, Пентаурова:—что выйдетъ — Богу извѣстно!

ГЛАВА XXIII.

Часа черезъ три лихая тройка во весь опоръ уносила счастливаго Свѣтицкаго изъ баграмовскаго дома.

Когда изогнувшіяся въ кольцо пристяжки вылетали изъ воротъ, во дворъ входили двое порядочно запыленныхъ путниковъ съ палками въ рукахъ. То были Стратилатъ и Агафонъ; оба они едва успѣли отскочить въ стороны, и мимо нихъ, что молнія, мелькнули вороные кони, коляска и въ ней молодой офицеръ въ голубой венгеркѣ.

— Кто такой? проговорилъ Агафонъ, глядя на клубы пыли, въ которой разомъ какъ бы утонули и коляска и кони.

— Господинъ Свѣтицкій, Дмитрій Назаровичъ, отозвался Стратилатъ, знавшій всѣхъ въ городѣ: — баринъ первый сортъ!

Куча собакъ, съ громкимъ лаемъ провожавшая коляску, набросилась на вошедшихъ, и тѣ, отбиваясь отъ нихъ палками, остановились и стали оглядываться, не зная къ какой изъ службъ идти.

— Вали къ дому! рѣшилъ Стратилатъ:—кто-нибудь да выйдетъ къ намъ!

Они направились къ подъѣзду, и на немъ дѣйствительно показалась горничная дѣвушка.

Стратилатъ снялъ свою старую измятую шапченку и, держа руку на отлетъ, раскланялся съ вышедшей.

— Наше вамъ-съ рязанское! сказалъ онъ, остановившись у нижней ступеньки.—Барышню бы намъ повидать требовалось?

— Барышню?! удивилась горничная:—а на что?

— А ужъ это мы имъ доложимъ, красавица! Вы какъ, золотая, не изъ басурманокъ будете?

— Съ чего вы взяли: я русская...

— А коли русская, такъ положеніе у насъ совсѣмъ другое, какъ въ сказкахъ сказывается: ты страннаго человѣка напой, накорми, спать уложи, а потомъ ужъ и спрашивай...

Горничная фыркнула: развязность Стратилата и веселое, задорное лицо ей чрезвычайно понравилось.

— Пойдемте. я васъ въ застольную проведу! вызвалась она, сбѣгая внизъ.—А какъ про васъ барышнѣ сказать?..

— Рыцарь, молъ, Роландъ и оруженосецъ Альварецъ.

Горничная захихикала и закрыла лицо рукою. — Господи, какія вы страсти говорите! воскликнула она.

Стратилатъ ткнулъ ее пальцемъ въ бокъ и такъ описалъ при этомъ кругъ глазами, что та взвизгнула въ полномъ восторгѣ.

Въ застольной толстая стряпка, съ которой сейчасъ же забалагурилъ веселый Стратилатъ, налила имъ въ миску щей, отрѣзала по краюшкѣ хлѣба, и проголодавшіеся путники дружно принялись за ужинъ, а горничная побѣжала въ домъ доложить объ ихъ приходѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась и сообщила, что барышня велѣла провести ихъ въ дѣвичью.

Рыцарь съ оруженосцемъ покончили со щами и поспѣшили за своей провожатой. Почти одновременно съ ними, изъ другихъ дверей въ дѣвичью вошла Леня.

— Да это вы?! обрадовавшись, произнесла она:— здравствуйте! она по-товарищески потрясла обоимъ гостямъ руку;—а Даша мнѣ сказала, что странники изъ Святой земли пришли!.. Пойдемте ко мнѣ!.. Она хотѣла идти, но Стратилатъ кашлянулъ въ руку и деликатно остановилъ ее.

— Дозвольте здѣсь побесѣдовать... проговорилъ онъ:—дѣльце у насъ есть къ вамъ... просьбица...

— Какая?

— Владыка взлютовался на насъ съ нимъ... онъ указалъ на Агафона.—Ну, на него еще не такъ, а на меня, аки левъ, рыкаяй!

— Да за что же?

— За косу, за эту за самую... Стратилатъ повернулъ къ Ленѣ остриженный затылокъ.—За театральное дѣйство! Въ солдаты хочетъ сдать: — затылокъ, говоритъ, ты самъ обрилъ, а лобъ я тебѣ обрѣю!

Леня всплеснула руками и молча глядѣла на обоихъ гостей своихъ.

— И ему солдатчиной грозитъ, если въ духовные не пойдетъ, а ему не охота...

— Не хотите? спросила Леня Агафона.

— Нѣтъ... словно бархатъ разостлалъ тотъ по комнатѣ.

— Главное, изъ за голоса не хочетъ его отпускать: въ протодьяконы его къ себѣ мѣтитъ. А что такое протодьяконъ? Бочка съ виномъ и больше никакихъ: нароститъ рыло, какъ у сома, быкъ — быкомъ и проживетъ всю жизнь! А намъ съ нимъ иное гребтится...

— Что же?

— Да вѣдь не кочанъ капусты человѣкъ: въ землю вростать ему нечего? Воли душа требуетъ. Пособите намъ!

— Что же я могу сдѣлать? искренно удивилась Леня.—Я бы съ радостью помогла вамъ, но какъ? развѣ вотъ деньгами? У меня есть немного!

Стратилатъ сдѣлалъ движеніе рукой, словно отстраняя что-то.

— Денегъ зачѣмъ же? отвѣтилъ онъ, — Заступу намъ дайте: заступы у насъ нѣтъ никакой. Попросите старую барыню письмецо о насъ написать архіерею.

— Развѣ это поможетъ?

— Еще бы! Уважаетъ ихъ очень владыка, смилосердуется!

Леня задумалась.

— Не знаю, согласится ли Людмила Марковна? проговорила она.

— А вы попросите: вамъ онѣ ни въ чемъ не откажутъ!

— Вы думаете? слегка качнувъ головой, сказала она.

— Да всѣ это знаютъ! что жъ ты, Агаша, молчишь?—проси же!

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! воскликнула, смутившись, Леня:—я безъ всякихъ просьбъ сдѣлаю все, что могу!

— Вотъ спасибо! радостно отозвался Стратилатъ.—Вѣрно угадали мы, къ кому намъ идти надо!

— Спасибо... проговорилъ Агафонъ и низко поклонился Ленѣ.

— Погодите благодарить — дѣло еще несдѣлано! сказала Леня. — Дня черезъ два придите — постараюсь упросить Людмилу Марковну написать письмо.

— Вотъ и ожилъ человѣкъ! молвилъ Стратилатъ, выпрямляясь и проводя по бокамъ руками:—изъ Рязани вышли съ нимъ — что ночь, оба были, а сейчасъ хоть комаринскаго пляши!

— Мы вѣдь товарищи по сценѣ! съ улыбкой сказала Леня:—а товарищи помогать другъ другу должны...

— Гдѣ ужъ намъ съ вами ровняться? возразилъ Стратилатъ:—гусь свиньѣ не товарищъ! Мы въ Москву, въ актеры съ нимъ надумали!

— Можетъ и я на сценѣ буду?.. молвила Леня:—встрѣтимся тогда съ вами...

— Дай-то Богъ! Вотъ радость была бы—что праздникъ свѣтлый! Правда, Агаша?

— Правда! разостлалось по комнатѣ, и въ такихъ же бархатныхъ, какъ голосъ, глазахъ Агафона Леня прочла, что и у него отъ души сказалось это слово.

Гости еще разъ поблагодарили и ушли;—Леня распорядилась, чтобы ихъ пріютили и на ночь и накормили, а сама поспѣшила къ Людмилѣ Марковнѣ.

Черезъ два дня въ той же дѣвичьей Леня вручила обрадованнымъ Стратилату и Агафону бѣлый конвертъ, запечатанный большой красной печатью съ гербомъ Пентауровой и адресованный рязанскому преосвященному. Леня была грустна и задумчива,

И въ тотъ же день, подъ вечеръ, въ ворота баграмовскаго двора вкатился тяжелый дорожный дормезъ, запряженный шестерней почтовыхъ лошадей, и изъ него вылѣзъ новый владѣлецъ имѣнія — Степанъ Владиміровичъ Пентауровъ.

Причина грусти Лени была та, что со дня разговора со Свѣтицкимъ Людмила Марковна начала впадать въ забытье. Леня съ безпокойствомъ наблюдала, что старуха сидѣла иногда въ своемъ креслѣ съ открытыми глазами и въ то же время не видала и не слыхала ничего совершавшагося кругомъ: замѣтно стала она и

менѣе рѣзка; все ей сдѣлалось безразличнымъ. Безъ возраженій согласилась она написать письмо архіерею, и, не приказавъ прочесть себѣ вслухъ, подписала его и молча отодвинула къ Ленѣ.

И только когда казачекъ въ запуски съ приживалкой прибѣжали доложить, что пріѣхалъ молодой баринъ, она оглядѣлась съ такимъ видомъ, точно только что проснулась, или вернулась откуда то, и на время сдѣлалась прежнею Людмилой Марковной.

На балконъ развязною походкой вошелъ одѣтый въ коричневое пальто человѣкъ, сильно поношенный, съ лысиной до полголовы и съ желтыми мѣшками подъ глазами—прищуренными и маленькими.

— Бабинька, здравствуйте! воскликнулъ онъ, завидѣвъ выпрямившуюся и глядѣвшую на него старуху, близъ которой стояла Леня. И онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ сперва руку, затѣмъ щеку Людмилы Марковны.

Та взяла его за острый подбородокъ и нѣсколько секундъ всматривалась въ лицо и глаза; Степанъ Владиміровичъ прищурился окончательно и бритыя щеки его какъ бы распухли отъ улыбки.

— Ты — Степа? Однако... раздѣльно проговорила Пентарова и опустила руку.

— А что, бабинька, что? обезпокоился тотъ и даже потрогалъ свои щеки:—выгляжу я плохо, а? Пыль это... отъ дороги, должно быть...

— И плѣшь дорогой натеръ?

— Ахъ, вы вотъ про что, бабинька? Степанъ Владиміровичъ усмѣхнулся и совсѣмъ отцовскимъ движеніемъ словно помылъ руки.—Волосъ, бабинька, ума не любитъ: чуть гдѣ умъ есть, сейчасъ же вонъ и съ луковицей! Онъ захохоталъ. — Я для своихъ лѣтъ сохранился недурно!

— А сколько ихъ тебѣ?

— Много, бабинька, цѣлыхъ двадцать семь! А это кто? Неужто Ленька?!

— Леня... строго поправила старуха.

— Вотъ выросла! продолжалъ Степанъ Владиміровичъ и, вытащивъ изъ за борта пальто лорнетъ, сталъ

разглядывать смутившуюся дѣвушку.—Но она прехорошенькая!..

— Ты бы объ отцѣ лучше спросилъ? прервала его Пентаурова.

— А, объ отцѣ, да! Но вѣдь онъ уже похороненъ?

— Разумѣется. Не тебя же ждать въ эдакую жару было!

— Ну, и что же, какъ... все ничего?

— Что такое-какъ да ничего?

— Ну, умеръ онъ, не болѣлъ? Вы писали—сразу, отъ разрыва сердца? Завѣщанія онъ не оставилъ? Степанъ Владиміровичъ вдругъ явно обезпокоился и даже уставился въ лорнетъ на бабушку.

— Не знаю... кабинетъ его запечатанъ въ Рязани. А вотъ вольную ея ты найдешь въ конторкѣ—тамъ она.

— Вотъ что? Отецъ отпустилъ ее на волю? Степанъ Владиміровичъ опять черезъ лорнетъ воззрился на Леню.

— Да. Въ тотъ же день, какъ откроешь кабинетъ, —бумагу эту пришли мнѣ съ надежнымъ человѣкомъ.

— Хорошо... непремѣнно... Надѣюсь, завѣщанія нѣтъ, вѣдь я же одинъ наслѣдникъ?

Людмила Марковна молчала.

— А сколько Баграмово дохода даетъ?

— Это ты у приказчика спроси... отвѣтила она.

— Да, да... подхватилъ Степанъ Владиміровичъ, вообще я здѣсь, какъ слѣдуетъ, займусь!

— Чѣмъ?

— Хозяйствомъ, всѣмъ. Поставлю все на надлежащую ногу и опять уѣду.

— Служишь, что ль?

Степанъ Владиміровичъ сморщился, словно отвѣдавъ чего то кислаго.

— Нѣтъ, бабинька, фи!.. въ гражданской развѣ можно служить у насъ? Но у меня въ Петербургѣ знакомства, связи... онъ вытянулъ при этихъ словахъ ноги и положилъ ихъ одна на другую: — все это надо поддерживать...

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Мы будущіе государственные люди, бабинька! Маленькаго мѣста я не возьму, я Пентауровъ, ну, а когда мнѣ предложатъ что-нибудь крупное—тогда другое дѣло. И это время недалеко... Будьте покойны—въ свое время вашъ внукъ будетъ министромъ! Однако, бабинька, я пойду помоюсь и потомъ опять вернусь къ вамъ бесѣдовать! онъ всталъ со стула и ушелъ, сопровождаемый лакеемъ, въ домъ.

Людмила Марковна взглянула на Леню.

— Совсѣмъ дуракъ! молвила она вполголоса.

ГЛАВА XXIV.

На слѣдующее утро будущій министръ укатилъ въ Рязань: очень ужъ было велико у него нетерпѣніе поскорѣе попасть въ заповѣдный кабинетъ и осмотрѣть всѣ шкафы, столы и ящики.

Жизнь въ Петербургѣ и ожиданіе министерскаго поста въ разныхъ модныхъ ресторацiяхъ въ обществѣ золотой молодежи стоила большихъ денегъ, и Пентауровъ, въ которомъ честолюбія было еще больше, чѣмъ скупости, запутался въ долгахъ. Это не мѣшало ему вѣрить самому и съ многозначительнымъ видомъ увѣрять своихъ друзей, что онъ дѣйствуетъ по плану: — я сѣю сотни рублей, говорилъ онъ, а изъ нихъ у меня вырастутъ тысячи!

Въ Рязани Степанъ Владиміровичъ немедленно послалъ за полиціей, кабинетъ распечатали, и Пентауровъ, запершись въ немъ, принялся за тщательный осмотръ.

Вздернутый носъ любопытнаго Ваньки, разумѣется, тотчасъ же приклеился къ щелкѣ въ двери со стороны корридора.

Прежде всего вниманіе новаго барина привлекъ бѣлѣвшій на письменномъ столѣ листокъ бумаги: неподписанная вольная актерамъ. Степанъ Владиміровичъ прочелъ ее, сжалъ губы въ трубочку и положилъ бумагу на край стола.

Въ письменномъ столѣ нашлось на нѣсколько сотъ рублей серебра и золота, и Пентауровъ съ заблестѣв-

шими отъ удовольствія глазами нѣсколько разъ погрузилъ руки въ монеты и даже пересыпалъ ихъ, наслаждаясь ихъ звономъ.

Въ томъ же ящикѣ лежало нѣсколько ломбардныхъ билетовъ; онъ пересчиталъ ихъ, и цифра денегъ, положенныхъ по нимъ, нѣсколько разочаровала его: денегъ было всего сто тысячъ.

Конторка оказалась запертой, но ключа къ ней не имѣлось; Пентауровъ, недолго думая, подсунулъ подъ крышку небольшой мѣдный кинжалъ, служившій отцу его для разрѣзыванія бумаги, дернулъ, и крышка отскочила вмѣстѣ съ верхней планкой замка.

Но напрасно перерылъ онъ углы конторки и всякіе другіе закоулки: билетовъ нигдѣ больше не оказалось и, судя по собственноручнымъ записямъ аккуратнаго Владиміра Дмитріевича, болѣе ихъ и не было.

Цифра долговъ будущаго министра доходила почти до этой же суммы.

— Однако, это свинство! проговорилъ Пентауровъ, обшаривъ весь кабинетъ и остановившись около письменнаго стола:—совершенно не умѣлъ вести дѣла покойникъ!

Вольная актеровъ опять попалась ему на глаза; онъ взялъ ее, скомкалъ и бросилъ въ корзину подъ столъ; потомъ снова открылъ конторку, вынулъ документъ Лени, постоялъ нѣсколько минутъ въ раздумьи, сложилъ его вчетверо и, оглядѣвшись, сунулъ его въ одну изъ книгъ, стоявшихъ на небольшой этажеркѣ у стѣны.

Духовнаго завѣщанія нигдѣ не было, и это нѣсколько подняло духъ новаго владѣльца. Онъ спряталъ деньги въ столъ, отперъ дверь и позвонилъ въ колокольчикъ.

— Приказчика ко мнѣ! приказалъ онъ Ванькѣ, успѣвшему во время скрыться и вновь принестись на зовъ.

Въ дверяхъ появилась намасленная голова Маремьяна, давно ожидавшаго въ лакейской зова барина; пытливые глазки его глянули въ кабинетъ, затѣмъ онъ вошелъ и низко поклонился...

— Съ пріѣздомъ, батюшка—баринъ! проговорилъ онъ.

— Здравствуй... Маремьянъ, кажется?

— Маремьянъ-съ...

— Сколько Баграмово даетъ дохода?

Маремьянъ слегка шевельнулъ руками.—Какъ вѣдь когда-съ? отвѣтилъ онъ:—годъ на годъ не приходится!

— Ну, все-таки сколько же?

— Тысячъ пятнадцать дастъ.

— На серебро?

— Нѣтъ-съ, на ассигнаціи-съ.

— Но вѣдь это же ужасно мало! воскликнулъ разочарованный Пентауровъ.—Отецъ, я вижу, совершенно не умѣлъ хозяйничать; денежныя дѣла я нашелъ прямо въ невозможномъ видѣ!

Маремьянъ молчалъ.

— Надо что нибудь предпринять, чтобы увеличить доходъ. А? Какъ ты думаешь?

— Какъ вашей милости будетъ угодно.

— Мнѣ угодно имѣть тридцать тысячъ самое меньшее! Что ты на это скажешь?

— Оченно распрекрасно-съ...

— Такъ это надо и сдѣлать. Что вы тутъ сѣете—рожь, конечно?

— Рожь-съ.

— Ну вотъ! А надо сѣять пшеницу—она даетъ вдвое больше дохода. Наши въ Тамбовской губерніи все ее сѣютъ!

— Точно: въ Тамбовской сѣютъ, а у насъ нельзя-съ.

— Почему?

— Несходна она здѣшнимъ мѣстамъ...

— Вздоръ: какая же разница между нашей губерніей и Тамбовской? Все одно и то же: только губернаторы въ нихъ разные! Онъ усмѣхнулся своей остротѣ.—Затѣмъ сыръ? Дѣлаете вы сыръ?

— Никакъ нѣтъ-съ! опѣшивъ, отвѣтилъ Маремьянъ.

— Ну вотъ! А между тѣмъ онъ предорогой: въ Петербургѣ къ нему приступу нѣтъ! Пармезанъ, напри-

мѣръ? Нужно пармезанъ варить. Вѣдь коровы у насъ есть?

— Есть-съ... за сотню штукъ будетъ.

— Ну вотъ! Это же страхъ сколько сыра можно будетъ сдѣлать. А что за театръ у отца былъ?

— Для удовольствія своего устроили баринъ.

— И актеры и актрисы есть?

— Имѣются-съ: изъ нашихъ же, изъ дворовыхъ.

— И хорошенькія? Пришли ихъ сейчасъ ко мнѣ, актрисъ, конечно, однѣхъ, взгляну. А съ остальными дѣлами послѣ: я еще обдумаю кое-что и рѣшу.

Маремьянъ удалился, и, немного погодя, въ кабинетъ гуськомъ вошли Елизаветина и нѣсколько второстепенныхъ актрисъ.

Пентауровъ разглядывалъ ихъ въ лорнетъ.

— Здрасте, здрасте... говорилъ онъ въ отвѣтъ на „придворныя“ присѣданья каждой.

Елизаветину онъ ущипнулъ за щеку.—Ничего... недурны... недурны... произнесъ онъ. — Играете? Хорошо играете? Посмотрю... Ты, какъ тебя?

— Елизаветина-съ...

— Зайди ко мнѣ вечеромъ: я кое-что объясню тебѣ... роль пройдемъ одну.

Онъ опять ущипнулъ ее за щеку и милостивымъ движеніемъ отпустилъ актрисъ.

— А Ленька куда лучше ихъ! думалъ онъ, провожая ихъ взглядомъ.

Напрасно въ тотъ день поджидали въ Баграмовѣ гонца съ бумагой отъ Пентаурова: вмѣсто него къ слѣдующему полдню прикатилъ изъ Рязани самъ Степанъ Владиміровичъ.

Людмила Марковна была въ своей комнатѣ.

— Бабинька, я весь домъ перевернулъ изъ-за васъ! громко заговорилъ онъ, входя къ ней:—и нигдѣ, ни въ конторкѣ, ни въ столѣ никакой Лениной вольной не оказалось!

— Не оказалось? какъ такъ? проговорила Пентаурова.

— Не знаю: рѣшительно все перевернулъ и ничего не нашелъ!

Людмила Марковна вперила свой тяжелый взглядъ въ лицо внука, но онъ такъ прямо глядѣлъ въ глаза ей и такъ искренно говорилъ, что присущее ей чутье обмануло ее.

Людмила Марковна позвонила и приказала позвать Леню.

— Куда покойный положилъ твою вспьную? встрѣтила она ее вопросомъ.

— Въ конторку.

— При тебѣ?

— Да.

— И ключъ тебѣ отдалъ?

— Да! Леня вынула ключъ изъ кармана и показала его:—вотъ онъ!

Пентаурова перевела глаза на внука.

— Какъ же ты въ конторку попалъ?

Степанъ Владиміровичъ немного смутился:—я сломалъ ее... я же не зналъ, что это ея вещь... мнѣ ничего не сказали!

— Надо отыскать! произнесла, нахмурясь, старуха: —никто кромѣ тебя въ конторку залѣзть не могъ, бумагѣ дѣваться некуда!

— Ей-Богу, бабинька, не было! Пусть Леня сама поѣдетъ и поищетъ, если вы мнѣ не вѣрите! Я даже прошу, чтобы вы послали ее для этого! Пентауровъ принялъ оскорбленный видъ.

— Поѣзжай! обратилась Людмила Марковна къ Ленѣ:—сейчасъ же!

— И прекрасно! воскликнулъ Пентауровъ: — очень радъ, и я съ ней поѣду!

— Не держу! сухо отозвалась старуха. — Сегодня назадъ! добавила она Ленѣ.

Степанъ Владиміровичъ вышелъ, и изъ сосѣдней комнаты доносилось его посвистыванье.

Леня поцѣловала руку старухи и поспѣшила за ушедшимъ; спустя четверть часа, оба они уѣхали въ его колескѣ по дорогѣ въ Рязань.

— А вѣдь пренесносная старушенція моя бабинька?.. говорилъ, развалясь, Степанъ Владиміровичъ: —

что бы это было, если бы не я былъ хозяиномъ, а она? А? Что жъ ты молчишь?

— Людмила Марковна очень хорошій человѣкъ... отозвалась Леня.

Спутникъ ея захохоталъ.

— Не знаю... не знаю! А эти моськи ея? Пожалуйста, постарайся, чтобы онѣ передохли!

Леня глядѣла въ сторону на проносившіяся мимо нихъ сжатыя, сѣрыя поля.

Пентауровъ взялъ ее за подбородокъ и повернулъ лицомъ къ себѣ. — Что жъ ты отвернулась, а? Ты, Ленька: мнѣ нравишься! Если даже вольная пропала, я тебѣ новую напишу!

Онъ подвалился къ ней бокомъ:—мы вѣдь съ тобой поладимъ, да?

— Конечно... отвѣтила Леня; она не поняла затаеннаго смысла его словъ, но сосѣдъ былъ такъ непріятенъ ей, что она отодвинулась.

Пентауровъ опять захохоталъ.

— Чудесно! воскликнулъ онъ: — превосходно! Ты преумная канашка! Что же ты будешь дѣлать со своей вольной?

— Не знаю... На сцену, можетъ быть, поступлю!

— Превосходно! повторилъ съ замаслившимися глазами Пентауровъ:—знаешь что:—я тебя съ собой въ Петербургъ увезу?Мы изъ тебя слѣлаемъ знаменитость, звѣзду, а? Черезъ недѣлю, хочешь?

— Пока жива Людмила Марковна я никуда не тронусь...

— Вѣрность до гроба, да? онъ снова засмѣялся.— Но ты препотѣшная, ей-Богу!

Остальную часть пути Пентауровъ напѣвалъ козелкомъ модные романсы, при чемъ въ особо нѣжныхъ мѣстахъ подваливался къ Ленѣ, хватался за сердце и закатывалъ глаза, чередуя пѣніе со смѣхомъ и вскриками:—трогательно, а? или—хорошо вѣдь? могу я пѣть на сценѣ?

По пріѣздѣ въ городъ Степанъ Владиміровичъ прошелъ съ Леней въ кабинетъ.

— Ну-съ? проговорилъ онъ, впустивъ Леню и плотно притворяя дверь: ищите, ищите...

Дѣвушка подняла крышку конторки и принялась бережно и внимательно пересматривать каждую бумажку.

Пентауровъ гулялъ позади, мылилъ руки и окидывалъ разгорѣвшимися глазами ея стройную фигуру, склонившуюся надъ конторкой.

— Нѣту?!. съ удивленіемъ и испугомъ проговорила, наконецъ, Леня, кончивъ разборку.

— Я жъ говорилъ, а? подхватилъ Пентауровъ, подходя къ ней.—Видно, мнѣ придется выдать тебѣ ее, а? Хочешь?

Онъ обнялъ дѣвушку и, несмотря на сопротивленіе, принялся цѣловать ее и тащить къ дивану.

— Вы съ ума сошли? Пустите, что вы дѣлаете? едва проговорила, отбиваясь, Леня.

— Это плата: за вольную плата!.. А ты думала даромъ?

Дѣвушка вырвалась изъ его рукъ и блѣдная, съ упавшими на спину волосами отскочила за конторку и схватила мѣдный кинжалъ, валявшійся на столѣ. Пентауровъ, бросившійся было за ней, замѣтилъ это и остановился.

— Дура! крикнулъ онъ:—на деревню тебя сошлю, гусей пасти! Дряны! онъ шагнулъ впередъ, но Леня подняла кинжалъ.

— Только коснитесь: убью! такимъ шопотомъ и съ такой грозной рѣшимостью въ глазахъ и голосѣ сказала она, что Пентауровъ попятился. Она прошла мимо него къ двери и повернулась: — негодяй! словно пощечина, прозвучала въ кабинетѣ, и Леня скрылась въ коридорѣ.

Пентауровъ бросился было за ней, но вспомнилъ, что на шумъ прибѣгутъ люди и сдѣлаются свидѣтелями дальнѣйшей сцены и остановился.

— Хамское отродье! крикнуль онъ ей вдогонку, потрясая кулакомъ:—я тебѣ задамъ театръ! на конюшнѣ выпорю!

Леня быстро спустилась во дворъ и черезъ нѣ-

сколько минутъ неслась на свѣжихъ лошадяхъ обратно въ Баграмово.

А Пентауровъ, нагнувъ плѣшивую голову и держа себя за подбородокъ, гулялъ по кабинету и обдумывалъ планъ мщенія.

ГЛАВА XXV.

Невыразимыя минуты пережила Леня на этомъ обратномъ пути. Впервые во весь ростъ свой всталъ передъ ней ужасъ ея положенія. Не сегодня-завтра Людмила Марковна могла очутиться на столѣ, и что ожидаетъ ее тогда съ такимъ „бариномъ"? Она даже всплеснула руками при этомъ, пришедшемъ ей въ голову словѣ, затѣмъ закрыла себѣ лицо и долго просидѣла въ такомъ положеніи, силясь собраться съ мыслями и рѣшить что дѣлать.

Разсказать все Свѣтицкому? Но онъ непремѣнно вызоветъ на дуэль ея оскорбителя... вдругъ будетъ убитъ изъ за нея? такого исхода сердце Лени не допускало.

Передать все Людмилѣ Марковнѣ — было тоже нельзя: Леня чувствовала, что Пентаурова доживала послѣдніе дни и страшно ей было при мысли, что она можетъ отравить послѣднія минуты любимаго человѣка; да оно было и безцѣльно:—защитить Леню та все равно не могла.

Бѣжать?—Но куда и съ чѣмъ? Ни документовъ, ни денегъ чтобъ существовать у нея не было; ее бы вернули по этапу изъ перваго же города. Только одинъ выходъ увидала передъ собой Леня: — смерть. И когда подъ лай собакъ коляска ея въѣзжала на просторный, зеленый баграмовскій дворъ, она уже рѣшила покончить съ собой въ тотъ же день, когда не станетъ ея благотворительницы.

На подъѣздѣ голубѣла венгерка Свѣтицкаго.

— Мы васъ заждались! воскликнулъ онъ, сбѣгая внизъ, когда экипажъ остановился.—Все благополучно? Нашли бумагу? Привезли? озабоченно спросилъ онъ,

всходя вмѣстѣ съ Леней на крыльцо подъѣзда и заглядывая ей въ глаза.

— Нѣтъ... со спокойнымъ лицомъ отвѣтила Леня.

— Нѣтъ?! чуть не вскрикнулъ Свѣтицкій:—что же это значитъ?

— Значитъ, гдѣ-нибудь она въ другомъ мѣстѣ!

— Ничего не привезла, Людмила Марковна! сказалъ гусаръ, выйдя на балконъ.

— Сама осмотрѣла все? спросила та, поднявшись въ своемъ креслѣ.

— Да. Вѣроятно, у Владиміра Дмитріевича другой ключъ былъ, и онъ переложилъ ее куда-нибудь. Не бѣда:—найдется;

Темные глаза Людмилы Марковны испытующе глядѣли на нее.

— Степанъ что говорилъ?

— То же, что я сказала:—думаетъ, что найдется!

— Когда сюда пріѣдетъ?

— Не знаю, не упоминалъ объ этомъ.

— Завтра не явится—сама въ Рязань отправлюсь: —новую вольную заставлю написать!

Складки, собравшіяся на лбу Свѣтицкаго разгладились; онъ оживился, и Леня перевела разговоръ на другую тему. Старуха ни словомъ не принимала въ немъ участія.

У Шилина подъ вечеръ сошлась та же компанія, но, несмотря на штофъ водки, стоявшій на столѣ и обиліе произведеній искусства Мавры, настроеніе всѣхъ было иное: виной тому оказался Бѣлявка, явившійся позже всѣхъ прямо отъ Пентаурова и принесшій дурныя вѣсти.

— Ну, братики, усему нашему дилу крышка! сказалъ Бѣлявка, войдя: — а васъ у шею даже велѣно гнать!

— Какъ это въ шею? За что? задорно спросилъ Стратилатъ.

— А вмѣсто грошей, что я просивъ для васъ; разлютовался—бѣда! Кулакомъ по столу, ногами затопо-

талъ, плѣшь, шо самоваръ засвѣтиласы! Весь театръ, каже,—къ чертямъ разгоню: денегъ винъ много стоитъ! Жадюга!

— Тэ-эксъ... проронилъ Стратилатъ.—Что жъ мы съ тобой теперь, Агаша, люди свободные! дай Богъ здоровья старухѣ съ барышней — хоть завтра же въ Москву двинемъ!

— Понятное дѣло! подхватилъ Тихонъ:—наплевать и размазать!

— О насъ не рѣчь, мы себѣ хлѣба кавалокъ найдемъ... продолжалъ Бѣлявка: — а вотъ у Леонидовой дило худо... Оно конечно, актерка она плохая, но по товариству жалко.

Всѣ насторожились, и Бѣлявка, всегда имѣвшій точныя свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ въ домѣ отъ прикармливаемаго имъ Ваньки, повѣдалъ о взломѣ молодымъ Пентауровымъ конторки, скрытіи имъ вольной Лени и обо всемъ дальнѣйшемъ.

— Да это вѣдь что же такое? воскликнула Стратилатъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Убить его за это мало!

— Подлюга! всколыхнула воздухъ октава Агафона, и онъ тоже сжалъ огромный кулакъ свой.

— Пособить бы ей, братцы, какъ-нибудь? горячо продолжалъ Стратилатъ.

— Пособить мы языкомъ тилько можемъ! проговорилъ Бѣлявка:—оно жъ собственно и не наше дило! Развѣ для того, шобъ барину хрю-хрю пидпустить?

— Слѣдуетъ помочь! вступился Зайцевъ: — тонетъ вѣдь передъ нами человѣкъ!

Шилинъ перебиралъ свою бородку—клинышекъ.

— Дѣло мудреное... проговорилъ онъ: — кража на лицо, а доказать ничего нельзя!

— Бѣжать ей куда-нибудь и шабашъ? воскликнулъ, ударивъ себя по колѣнкѣ, Тихонъ.

— А паспортъ? спросилъ Бѣлявка: — ось и заковыка!

— Да... ей фальшивый не подойдетъ... раздумчиво проронилъ Шилинъ:—спряталъ, говоришь, онъ ея бумагу, не порвалъ?

— Въ книжку засунулъ.

— Украсть—одно ей остается!

Бѣлявка покачалъ головой. — Мудрено! кабинетъ винъ на запорѣ всегда держить и ключъ съ собой въ кишени носить. Безъ себя ни-ни: ни одной души не пускаетъ!

— Другой подобрать можно! сказалъ Стратилатъ.

— Це-це-це! протянулъ Бѣлявка: — кто жъ за это возьметься? за се спину вспишуть и въ Сибирь прогуляться можно!

— Сибирь—чхать! сказалъ Стратилатъ: — и тамъ люди живутъ!

— Вѣрно! подхватилъ Тихонъ:—наплевать и размазать! Въ ухо бы его хорошенько—враз!

— Вотъ ты и поди... размажь! посовѣтовалъ Бѣлявка.

— Я? Я по купечеству, я не могу! А вотъ Ваньку наладить—это такъ! Красную жертвую ему.

— Ванька дуракъ:—и самъ попадется и другихъ подведетъ, нечего и пустяковъ зря городить! никто въ петлю за чужое дѣло не полѣзетъ! возразилъ Шилинъ.

— А ясное дило:—умный вы чоловикъ, Смарагдъ Захаровичъ! поддержалъ Бѣлявка.

Разговоръ перешелъ на горе остальныхъ актеровъ, надѣявшихся, что новый баринъ подпишетъ ихъ вольную; компанія всласть поругала Пентаурова и разошлась.

Мавра убрала со стола, и Шилинъ собрался ложиться спать, какъ вдругъ послышался стукъ во входную дверь. Шилинъ пошелъ отворить и увидалъ Стратилата и Агафона.

— Мы къ тебѣ воротились, Смарагдъ Захаровичъ! вполголоса молвилъ, входя и оглядываясь, Стратилатъ: —наединѣ съ тобой побалакать хотимъ.

— Ну, ну, что такое приспичило?

— Приспичило все то же:—пособить надо Леонидѣ Николаевнѣ. Вѣдь, это подумать надо, что въ душѣ у нея теперь творится, а?!

— Что говорить! отозвался хозяинъ.

— Порѣшили мы сейчасъ съ Агашей—на себя дѣло взять?

— Ну?

— И не откладывать: вѣдь найдетъ на этого обалдуя стихъ—изорветъ отпускную—и концы въ воду!

— Вѣрно.

— Петля тогда ей! подхватилъ Стратилатъ. — Посовѣтуй, какъ быть?

Шилинъ поглядѣлъ на обоихъ вернувшихся.

— Умны, ребята, что не при всѣхъ спрашиваете! Что ни задумалъ—въ одиночку, либо много что вдвоемъ дѣлай—тогда толкъ будетъ!

— Безъ Ваньки не обойтись... замѣтилъ Стратилатъ.

— Ни-ни, сохрани Боже!..

— Какъ же тогда? Въ окно развѣ влѣзть? Въ паркъ оно выходитъ... Стекло выдавить—пустякъ... продолжалъ дѣлиться своими мыслями Стратилатъ: — бумажку съ медомъ приложить—оно и не звякнетъ!

— А напорешься на него, тогда что? У него вѣдь —слыхалъ—всѣ деньги въ кабинетѣ запрятаны: должно быть, вокругъ него такъ и ходитъ!

— Убѣгу. Я на ногу легокъ!

— Признаютъ въ лицо—не спасутъ и ноги!.. Шилинъ задумался.—А ты вотъ что... ты вѣдь актеръ? онъ усмѣхнулся.

— Актеръ.

— Загримируйся ты подъ покойника — если и наткнется кто на тебя—убѣжитъ сломя голову!

— А вѣрно?! воскликнулъ Стратилатъ. — Платье только вотъ какъ раздобыть ихнее?.. ну, на денекъ у Ваньки выпрошу!

— Брось ты своего Ваньку! отвѣтилъ Шилинъ:— пропадешь съ нимъ. Возьмешь одну вольную, а наплетутъ, что и милліонъ пентауровскій съ ней захватилъ! Простыню тебѣ дамъ—въ нее и завернись, какъ въ саванъ!

— Идетъ! Стратилатъ отъ избытка радости треснулъ по плечу Агафона.—Такъ что ли, Агаша?

— Такъ... отозвалась октава. Лицо его было довольно и улыбалось.

— Въ саду караулить что ль будешь? спросилъ его хозяинъ.

— Въ саду... подсадить его придется!.. отвѣтилъ Агафонъ.

— Смотри, братцы, завтра днемъ въ тѣхъ мѣстахъ чтобъ васъ и не видѣли:—не въ примѣту чтобъ было! А дѣло сдѣлаете—ты, Агафонъ, прямо въ постель ныряй, а ты, Стратилатъ, ко мнѣ съ бумагой бѣги—вымоешься здѣсь и тогда къ себѣ, спать до утра, чтобъ всѣ васъ обоихъ видѣли!

На томъ и порѣшили.

— Спасибо тебѣ, Смарагдъ Захарычъ! произнесъ, прощаясь, Стратилатъ: — душевный ты человѣкъ, выходишь!

— Знать ничего не знаю, и не видалъ васъ, и не слыхалъ ничего! не то шутливо, не то серьезно отвѣтилъ Шилинъ, провожая ихъ къ двери:—идите себѣ съ Богомъ!

Весь слѣдующій день Людмила Марковна поджидала пріѣзда внука и нѣсколько разъ посылала прживалокъ посмотрѣть, кто подъѣхалъ къ крыльцу: но дворъ былъ пустыненъ; звонки и стукъ экипажа ей только чудились. Ночь она провела безпокойно и забылась только послѣ разсвѣта. Часовъ въ десять утра она проснулась и, какъ только ее одѣли, потребовала къ себѣ Леню.

— Не прислалъ? былъ первый вопросъ Людмилы Марковны, когда она увидала дѣвушку.

— Нѣтъ.

— Подлость есть тутъ какая-то, чувствую! продолжала старуха:—Владиміръ не прикоснулся бы къ документу! Онъ спряталъ. Но зачѣмъ?

Леня молча пожала плечами.

— Не заигрывалъ онъ съ тобой? Намековъ никакихъ не дѣлалъ?

— Нѣтъ.

— Жадный онъ:—денегъ что ли сорвать съ меня хочетъ? продолжала въ раздумьи Людмила Марковна.—Брошу собакѣ клокъ. Послѣ обѣда ѣду!

— Напрасно вы волнуетесь такъ, проговорила Леня:—бумага не сегодня-завтра найдется! Вѣдь она же написана, существуетъ? Зачѣмъ вамъ ѣхать?

— Совсѣмъ дура, матушка! разсердилась Пентаурова: — Марьи Ивановнѣ вели, чтобъ собиралась: со мной поѣдетъ!

— А меня не возьмете развѣ?

— Зачѣмъ? Глупость сдѣлала, что отпустила тебя съ нимъ. Меньше на глазахъ тебѣ у него быть—лучше!

Противорѣчить и удерживать было безполезно, и Леня, втайнѣ довольная тѣмъ, что встрѣча ея съ Пентауровымъ откладывается и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпокоенная за старуху, замолчала.

Людмила Марковна подошла къ шкатулкѣ, стоявшей всегда на столикѣ за изголовьемъ ея кровати, открыла ее, достала оттуда пачку денегъ и сунула ихъ въ карманъ; потомъ постояла въ раздумьи и вынула изъ шкатулки большой пакетъ, запечатанный ея гербовой печатью.

— Это тебѣ!.. сказала она, поворачиваясь и протягивая пакетъ дѣвушкѣ.—Такъ вѣрнѣе будетъ, если своими руками отдамъ!

Леня взяла его и прочла надпись. — „Ленѣ послѣ моей смерти".

Конвертъ выпалъ изъ ея пальцевъ; она закрыла лицо руками и, вся вздрагивая отъ рыданій, вдругъ прорвавшихся наружу отъ толчка этихъ словъ, опустилась на полъ къ ногамъ старухи.

— Я не хочу... Не надо мнѣ ничего... Только живите!.. разобрала Людмила Марковна заглушенныя всхлипываньемъ слова.

— Ну, и дура... ну, и глупая!.. проговорила взволнованная и тронутая Пентаурова, гладя по пепельной головѣ, уткнувшейся въ ея колѣни:—чего ревешь? Жива вѣдь я, отъ слова не станется? Будетъ, встань! строго добавила она.

Леня поднялась и, оставивъ на полу пакетъ, не отнимая рукъ отъ лица, ушла изъ комнаты.

Пентаурова покачала головой, позвонила и приказала явившемуся лакею поднять пакетъ и отнести его къ барышнѣ.

Послѣ обѣда казачокъ доложилъ, что лошади поданы, и Людмила Марковна, перекрестивъ и поцѣловавъ Леню, усѣлась въ коляску вмѣстѣ съ самой бойкой и молодой изъ своихъ приживалокъ—Марьей Ивановной.

— Христосъ съ тобой! были ея послѣднія слова, обращенныя къ Ленѣ. Темные глаза старухи глянули еще разъ на дѣвушку, затѣмъ обошли домъ.—Трогай! проговорила она.

Шестерикъ коней дружно взялъ съ мѣста, и коляска скрылась за воротами.

ГЛАВА XXVI.

Позднею ночью тревожно спавшей Ленѣ почудилось, что кто-то босикомъ взбѣгаетъ наверхъ по явственно трещавшей среди тишинѣ лѣстницѣ. Ноги прошлепали къ ея комнатѣ, дверь отворилась, и показалась растрепанная, съ измятымъ отъ сна лицомъ Даша, съ зажженною сальною свѣчею въ рукѣ.

— Барышня, вставайте! произнесла она:—Людмила Марковна, померла!

Вся окаменѣвъ внутри, Леня принялась кое-какъ накидывать на себя платье. Даша, захлебываясь слезами, помогала ей.

— Гдѣ она? шопотомъ спросила Леня.

— Въ Рязани... Человѣкъ оттуда какой-то пригналъ, васъ требуетъ видѣть... Не хотѣлъ сказывать про барыню; я и тревожить васъ не стала бы, если бъ не сказалъ!

Леня сошла внизъ и ей казалось, что это не она, а кто-то другой идетъ по ступенькамъ; Даша свѣтила ей сзади, и она увидала стоявшаго въ лакейской среди

глубокой темноты незнакомаго человѣка. То былъ Шилинъ.

— Не утерпѣла, наболтала таки? досадливо сказалъ онъ, примѣтивъ до синевы блѣдное лицо Лени и темные круги, обозначившіеся вокругъ ея глазъ:—велѣно было тебѣ молчать? Грамотку наказано мнѣ вамъ передать! добавилъ онъ, вынимая изъ бокового кармана какую-то сложенную и порядкомъ измятую бумагу. —А ты,—онъ кивнулъ Дашѣ: — живо маршъ вещи барышнины собирать!— со мной онѣ поѣдутъ.

— Собирать, барышня? спросила Даша.

— Да... безсознательно отвѣтила та, держа въ рукѣ бумагу и не разворачивая ея.

Даша откусила отъ свѣчи кусокъ, передала большій изъ нихъ Шилину, а съ другимъ унеслась обратно, наверхъ

— Отъ кого письмо?

— Почитайте, увидите... молвилъ, свѣтя ей, Шилинъ.

Леня развернула, пробѣжала первыя строки и, не вѣря глазамъ своимъ, подняла ихъ на незнакомца.

— Это правда? дрожащимъ голосомъ спросила она: —это вольная?!

— Она самая...

Столбнякъ, охватившій было Леню, отпустилъ ее; она крѣпко прижала къ груди драгоцѣнный документъ.

— Кто вамъ ее далъ?

— Дорогой скажу: теперь торопиться надо! отвѣтилъ Шилинъ.

— А пакетъ со стола взять? крикнула сверху Даша, выставляя изъ за перилъ лѣстницы голову.

— Все бери! отозвался вмѣсто Лени Шилинъ:— барышня назадъ не скоро вернутся!

Даша управилась проворно и появилась съ двумя узлами, въ которые наскоро попихала бѣлье, платье и что попадало подъ руку. Шилинъ потребовалъ теплый платокъ, накинулъ его на плечи Лени и, забравъ одинъ изъ узловъ, повелъ свою спутницу изъ дома.

Появившійся откуда то изъ темноты, заспанный лакей съ изумленіемъ уставился совсѣмъ оловянными глаза-

ми на происходившее; Шилинъ сунулъ ему узелъ и велѣлъ нести за ними.

— Барыня померла... шопотомъ сообщила лакею Даша, и тотъ вдругъ засуетился, заторопился и принялся укладывать узлы въ передокъ стоявшей у самаго подъѣзда брички.

Шилинъ пріѣхалъ одинъ, безъ работника, обычно ѣздившаго съ нимъ за кучера.

— Коляску бы велѣть заложить? сказала Даша.— И лошадокъ пара всего?

— Доѣдемъ и на парѣ! отозвался Шилинъ, усаживая Леню и самъ садясь около нея.

— Прощайте!.. произнесла она:—прощай Даша!

— Путь добрый, барышня! отвѣтили съ крыльца два голоса.

Бричка покатилась. Леня повернулась и до самыхъ воротъ глядѣла на старый, милый ей домъ, неясной громадой рисовавшійся позади; у колоннъ его, освѣщенныхъ снизу огонькомъ свѣчи въ поднятой рукѣ, виднѣлись фигуры лакея и Даши.

За воротами все исчезло; во тьму вмѣстѣ съ домомъ ушло все, что было хорошаго, свѣтлаго и прекраснаго въ жизни... Леня тихо плакала.

— Скажите, какъ скончалась Людмила Марковна? проговорила она.

— Сразу, какъ и Владиміръ Дмитріевичъ, покойный! отвѣтилъ Шилинъ.

— Но отчего? Ссорились они со Степаномъ Владиміровичемъ кричали?

— Нѣтъ, не слыхать про это было... ничего не сказывали люди!

— Смотрите!.. съ легкимъ испугомъ произнесла вдругъ Леня:—зарево какъ будто надъ Рязанью?!

— Оно и есть... равнодушно отвѣтилъ Шилинъ, глядя на зловѣщее пятно, что лужа крови, проступившее на черномъ, беззвѣздномъ небѣ.—Пожаръ гдѣ-то!

— Скажите, кто вамъ далъ мою вольную? спросила черезъ нѣкоторое время Леня.

— Баринъ покойный... Шилинъ, слышалось, былъ озабоченъ и все поглядывалъ на зарево.

Леня схватила его за руку.

— Владиміръ Дмитріевичъ?! вскрикнула она.—Почему же вы такъ долго не отдавали ее мнѣ?

— Виноватъ, недосугъ все было заѣхать къ вамъ: —не къ спѣху, думалъ, вамъ!

— Не къ спѣху?! воскликнула Леня. Укоръ и грусть были въ ея голосѣ.—Но куда же вы везете меня? Зачѣмъ? словно только что опомнившись и сознавъ, что дѣлаетъ, спросила она. — Пустите меня: я къ Степану Владиміровичу не поѣду!

— Знаю-съ... не къ нему и везу васъ!

— Куда же? Кто прислалъ васъ? безпокойство Лени все возростало.

— Посылать никто не посылалъ, а сказывали Альварецъ съ Роландомъ, что между вами и господиномъ Пентауровымъ вышло, я и поторопился за вами съѣздить...

— Альварецъ?.. Роландъ?.. Господи, брежу я, кажется?!

— Ничего не бредите—самая явь теперь начинается:—вольная у васъ въ карманѣ, господину Пентаурову васъ не достать,—живи—не тужи, одно слово!

— Такъ это они подумали обо мнѣ? Милые... и вы добрый!

— Что за добрый? Живыхъ людей не ѣмъ, только и доброты моей! А васъ пока что у себя устрою: домикъ у меня есть въ Рязани, а какъ оглядитесь—ваша воля, мчите по бѣлу—свѣту, куда вздумаете!

— Спасибо вамъ!... отъ души вырвалось у Лени. Самыя разнорѣчивыя чувства переполняли ее: и радость нежданнаго счастья, и горе по близкому человѣку, и признательность къ позаботившимся о ней людямъ... Слезы неудержимо текли по лицу ея.

Зарево понемногу ослабѣвало, но все еще держалось на небѣ и, когда пара взмыленныхъ коньковъ Шилина остановилась у Московской заставы, онъ спросилъ у вышедшаго изъ домика инвалида: — гдѣ это горитъ, Иванъ Семенычъ?

— А кто жъ е знаетъ? зѣвая, отвѣтилъ тотъ:—горитъ и горитъ... Каждый день, почитай, горитъ—на все

не насмотришься! И что это ты, Смарагдъ Захарычъ, по ночамъ ѣздить вдругъ сталъ? добавилъ онъ, открывая и пуская вверхъ шлагбаумъ:—да ты съ дѣвкою? — Ай да люлю! инвалидъ свистнулъ.

Бричка заныряла по рытвинамъ и выбоинамъ, и скоро колеса ея загремѣли по Большой улицѣ; дальній конецъ ея былъ ярко освѣщенъ, тамъ словно стоялъ день; виднѣлась тѣснившаяся толпа народа, слышались возгласы, шумъ и трескъ горящаго дерева.

— Это нашъ, то-есть, пентауровскій домъ горитъ?! вскрикнула Леня. Она угадала: — когда они подъѣхали къ мѣсту пожара—дома уже не существовало; вмѣсто него по истоптанному цвѣтнику и обширному двору бѣгали люди, грудами высились столы, стулья и всякая утварь, какую успѣли спасти и вынести.

— Не слыхали—съ чего пожаръ приключился? обратился Шилинъ къ ближайшей кучкѣ людей.

— Кто ихъ знаетъ... отозвался пожилой человѣкъ, купецъ по виду:—сказываютъ, будто покойница, старая барыня, свѣчку съ огнемъ оставила въ барскомъ кабинетѣ...

— А умерла она гдѣ? спросила Леня.

— Въ колидорѣ около него и померла! Пока занялись ей, то да се—все и заполыхало!

— Долго ли заполыхать? поддержалъ другой:—деревянное все!...

— Отъ Бога не уйдешь! проговорилъ Шилинъ и, поглядѣвъ еще немного на происходившее, повернулъ лошадей на Левицкую и оттуда къ своему домику, гдѣ уже давно его и гостью ожидала Мавра.

Событія въ Рязани развернулись слѣдующимъ чередомъ.

Степанъ Владиміровичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и отъ нечего дѣлать пересыпалъ серебряные рубли изъ горсти въ ящикъ, любуясь ихъ видомъ и звономъ, когда принесшійся во весь духъ Ванька, постучался къ нему въ запертую дверь и прокричалъ, что пріѣхала Людмила Марковна.

Пентауровъ сморщился, быстро задвинулъ и заперъ ящилъ стола и съ минуту колебался—идти ли ему навстрѣчу, или не идти? У бабушки, какъ онъ подозрѣвалъ, должны были водиться деньги и поэтому ссориться съ нею ему не хотѣлось.

— Но если Ленька сказала?—Ну, что жъ?! онъ пошутилъ, онъ баринъ, онъ вправѣ побалагурить!.. Онъ отперъ дверь, снова заперъ ее за собой и, изобразивъ радость на лицѣ, поспѣшилъ въ гостиную, куда прошла Людмила Марковна.

— Бабинька, милая, какъ я радъ васъ видѣть?! заговорилъ онъ, входя въ гостиную: — я самъ собирался сегодня провѣдать васъ... Скушать чего нибудь не хотите ли? Ей! крикнулъ онъ, хлопнувъ въ ладоши, но старуха остановила его.

— Не таранти, не хочу!.. сказала она, и по тону ея Степанъ Владиміровичъ понялъ, что Леня ничего не передала ей. Это его окрылило.

— Поговорить съ тобой пріѣхала... продолжала Людмила Марковна; она взглянула на сидѣвшую неподалеку свою спутницу и не успѣла еще указать ей головою на дверь, какъ та вскочила и, приговаривая, — понимаю, матушка, все понимаю!.. ручейкомъ потекла вонъ и оставила ихъ вдвоемъ.

— Сядь... не шмыгай передъ глазами! приказала Пентаурова.

Степанъ Владиміровичъ повиновался, плюхнулся въ кресло и закинулъ ногу на ногу.

— Ты дворянинъ или жуликъ? спросила она, вперивъ въ него темные глаза свои.

Степанъ Владиміровичъ даже поперхнулся отъ такого вопроса и задранная вверхъ нога очутилась, гдѣ ей и слѣдовало быть—на полу.

— Бабинька, что за вопросъ?! Разумѣется, я дворянинъ!

— По-дворянски тогда отвѣтъ давай: — гдѣ вольная?

— Увѣряю васъ,—не знаю! Нѣту ея, нигдѣ нѣту, Леня же сама смотрѣла! Отецъ, значитъ, ее вынулъ!

Пентаурова отрицательно качнула головой.

— Вынулъ ты!—зачѣмъ?

— Вы меня, бабинька, оскорбляете? Степанъ Владиміровичъ всталъ и раздулъ щеки съ видомъ негодованія.—На что мнѣ ея вольная?!

Старуха съ трудомъ высвободила изъ кармана толстую пачку сѣрыхъ сторублевыхъ бумажекъ.

— Вотъ! проговорила она.—Это цѣна ея вольной. И если завтра у меня ея не будетъ—Богомъ клянусь,—гроша мѣднаго не увидишь послѣ меня!

Видъ денегъ заставилъ разгорѣться глаза Степана Владиміровича, но желаніе отомстить, какъ слѣдуетъ, одержало верхъ надъ жадностью.

Онъ сообразилъ, что нужно лишь какъ-нибудь протянуть время, и тогда не уйдутъ отъ него ни деньги, ни Леня.

— Бабинька, я въ деньгахъ не нуждаюсь! напыщенно отвѣтилъ онъ:—но разъ вы мнѣ не вѣрите — вотъ вамъ ключъ отъ кабинета, это отъ письменнаго стола—онъ досталъ изъ кармана одинъ за другимъ два ключа и протянулъ ей: — пожалуйста, осмотрите все сами,..

Онъ былъ убѣжденъ, что старуха оттолкнетъ его руку, но она молча взяла ключи. Онъ нѣсколько олѣшилъ и не безъ легкаго безпокойства за свой ящикъ слѣдилъ, какъ она опустила ихъ въ карманъ.

— Не пойму:—разиня ты или... не Пентауровъ? проговорила она.—Устала! Отдохнуть хочу!.. добавила она, протягивая руку внуку; тотъ подскочилъ, помогъ ей подняться и, бережно поддерживая, повелъ въ ея спальную, гдѣ уже давно подъ надзоромъ Марьи Ивановны хлопотала горничная, провѣтривавшая нежилую комнату и смахивавшая съ туалета изъ карельской березы и такой же мебели накопившуюся пыль.

Спальная Людмилы Марковны находилась рядомъ съ кабинетомъ, но старуха чувствовала себя такой разбитой, что не вышла и къ обѣду, и дважды являвшійся провѣдать ее Степанъ Владиміровичъ къ великому своему удовольствію дважды же выслушалъ у дверей шопотъ приживалки:—очень слабы, лежатъ и не выйдутъ!

Не вышла она и вечеромъ, и Степанъ Владиміровичъ, провѣдавъ опять бабушку, отправился спать, полный радужныхъ надеждъ на близкое пополненіе своего ящика сѣрыми бумажками.

— Не сопи такъ, дуралей! весело замѣтилъ онъ Ванькѣ, стаскивавшему съ него сапоги.—И отчего у тебя носъ такой: въ ротъ къ тебѣ черезъ него заглянуть можно?

— Не могу знать-съ... ухмыляясь, отвѣтилъ Ванька:—такой онъ ужъ у меня откровенный-съ!..

Степанъ Владиміровичъ захохоталъ.

— Нѣтъ, ты чучело! сказалъ онъ: — теперь скоро раздѣвать меня будетъ кто-нибудь получше тебя!

— Кто же-съ?

— А потомъ—маршъ въ коровникъ! свирѣпо воскликнулъ Пентауровъ, хлопнувъ ладонью по постели.

Ванька отъ испуга выронилъ изъ рукъ чулокъ, только что снятый съ барской ноги.

— За что же-съ? помилуйте?! пролепеталъ онъ.

— Да не тебѣ я, дуракъ, говорю:—я самъ съ собой разговариваю!

Ванька подоткнулъ одѣяло подъ спину барину, взялъ платье на руку и собрался уходить.

— А перекрестить забылъ, ослятина? лѣниво, полусонно произнесъ Степанъ Владиміровичъ.

Ванька выполнилъ и эту обязанность и на носкахъ вышелъ изъ спальной.

Сонъ охватилъ весь домъ.

Ночью Людмила Марковна проснулась: — ей показалось, что рядомъ, въ кабинетѣ, хрустнуло оконное стекло. Она приподняла голову и услыхала явственный шорохъ: значитъ, хрустъ ей не померещился.

Она хотѣла окликнуть храпѣвшую на полу прижи-валку, но вдругъ сѣла и опустила босыя ноги на коврикъ: ей пришла въ голову мысль, что это Степанъ влѣзъ изъ парка въ окно, чтобы забрать изъ кабинета, гдѣ-то запрятанную тамъ вольную.

Съ неизвѣстно откуда взявшимися силами, Людмила Марковна встала, быстро накинула на себя капотъ,

тихо отворила дверь и вышла въ черную, что уголь, тьму корридора.

Въ замочное отверстіе двери кабинета виднѣлся свѣтъ. Затаивъ дыханіе, старуха беззвучно вставила ключъ, замокъ громко щелкнулъ среди тишины, и она распахнула дверь.

Въ кабинетѣ на этажеркѣ горѣлъ свѣчной огарокъ; около нея, перебирая книги, стояла какая то фигура вся въ бѣломъ. На звякъ замка она оглянулась, свѣтъ упалъ на лицо ея, и Людмила Марковна увидала передъ собой покойнаго Владиміра Дмитріевича.

Она судорожно вытянула впередъ обѣ руки, какъ бы обороняясь отъ видѣнія, попятилась назадъ, захлопнула дверь и тутъ же повалилась около нея.

Черезъ нѣкоторое время Марья Ивановна проснулась и прислушалась—дышетъ ли Людмила Марковна. Слышно ничего не было.

Приживалка поднялась, осторожно добралась до кровати, потомъ ощупала ее и убѣдилась, что Людмилы Марковны нѣтъ.

— Такъ внутри меня все оборвалось! — повѣствовала она потомъ о событіи:—что, думаю, такое? Куда она могла исчезнуть? сплю вѣдь я, милыя мои,—тараканъ на стѣнѣ усами пошевелитъ—и то слышу, а тутъ вдругъ человѣка не услыхала?! Выскочила я въ колидоръ—такъ меня и обдало дымомъ и гарью!

Бросилась я въ людскую, кричу — пожаръ, пожаръ, да назадъ! За мной лакеи, дѣвки! У самаго кабинета споткнулись мы на что-то:—трясусь вся, ощупываю руками—батюшки, барыня это лежитъ и уже холодная, закоченѣлая.

Отворили дверь, а оттуда какъ полыхнетъ огнемъ, чуть не задохлись всѣ! прочь побѣжали, волочимъ покойницу, какъ пришлось, а сзади огонь языками, по пятамъ, по стѣнамъ! Страсть, истинно страсть Господня!

Баринъ Степанъ Владиміровичъ выскочилъ въ одномъ бѣльѣ, да прямо въ кабинетъ, а тамъ пекло. Онъ назадъ.—Столъ мой, кричитъ, столъ? Вольную тому, кто его вытащитъ! А куда тамъ — и близко подступиться нельзя было! Баринъ волосы на себѣ рветъ, ногами

топаетъ, самого едва оттащили и вывели изъ дому. Покойница, царство ей небесное, все надѣлала! со вздохомъ добавляла разсказчица:—надо жъ грѣху быть—ходила ночью въ кабинетъ, свѣчку оставила тамъ, да и померла, вотъ и приключилась бѣда!

Марья Ивановна скромно умалчивала только объ одномъ обстоятельствѣ:—именно, что она, несмотря на испугъ и суматоху, успѣла слазать къ мертвой въ карманъ и переложить въ свой собственный пачку сторублевокъ.

Выпроводивъ Стратилата, превратившагося у него въ задней каморкѣ въ Пентаурова, Шилинъ, не зажигая огня, усѣлся у отвореннаго на улицу окошка и не безъ тревоги вслушивался въ ночную тишину. Рязань спала; изрѣдка слышалось безцѣльное повякиванье собакъ.

Прошло съ часъ, и черезъ дорогу по направленію къ дому Шилина мелькнула чья то тѣнь. Онъ всталъ и столкнулся въ дверяхъ съ запыхавшимся Стратилатомъ.

— Досталъ? шопотомъ спросилъ Шилинъ.

— Держи... такъ же отвѣтилъпри бѣжавшій, суя ему въ руку бумагу.

Оба поспѣшно пошли въ заднюю горенку; хозяинъ зажегъ свѣчу, и Стратилатъ принялся мазать себѣ масломъ лицо и сдирать парикъ и наклеенныя брови. Шилинъ развернулъ бумагу, убѣдился что это была дѣйствительно Ленина вольная и бережно спряталъ ее къ себѣ въ карманъ.

— Чуть не влопался! повѣствовалъ Стратилатъ:—только это я отыскалъ бумагу—вдругъ шасть кто то въ кабинетъ: гляжу, старуха, Людмила Марковна! Увидала меня, да назадъ, за дверь—и брякъ тамъ съ ногъ! А я въ окно и давай Богъ ноги!

— Упала, говоришь?

— То-есть, вотъ какъ: отъ всей души! Ужъ не померла ли?

— Никто больше не видалъ васъ?

— Ни, ни...

— И впрямь могла съ перепугу помереть стару-

ха... раздумчиво проговорилъ Шилинъ.—Тогда вѣдь за Леонидой Николаевной сейчасъ гнать надо!

— Истинно! согласился Стратилатъ: — безъ бабки онъ завтра же что хочетъ, то съ ней и сдѣлаетъ!

— Надо узнать, что у нихъ творится?.. сказалъ Шилинъ.

— Какъ узнать? Назадъ вѣдь не полѣзешь?

— И не нужно. Иди ты къ себѣ, спать ложись, а я на Большой улицѣ постерегу, не будетъ ли тревоги...

Стратилатъ исчезъ. Смарагдъ Захаровичъ надѣлъ поддевку, вышелъ на крыльцо и, заперевъ за собой дверь, направился къ дому Пентаурова.

Темныя улицы были пустынны. На Большой, кое гдѣ, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, словно желтые свѣтляки, мерцали масляные фонари. Темны и безмолвны были и пентауровскій дворъ и огромная махина дома.

Шилинъ прошелъ вдоль него, затѣмъ вернулся и присѣлъ на лавочку у воротъ такъ, что со стороны видно его совершенно не было.

Все спало попрежнему. Минуло порядочно времени, и Шилинъ, вставъ, чтобы поразмять ноги, обратилъ вниманіе на то, что листва деревьевъ парка за домомъ ярко освѣщена: — въ комнатахъ съ той стороны, стало быть, почему-то зажгли огни.

— Что-нибудь да случилось? размышлялъ онъ, глядя на свѣтъ на деревьяхъ и вдругъ заслышалъ хлопанье дверей и начавшуюся бѣготню во дворѣ.

— Воды, скорѣй воды! прокричалъ съ подъѣзда чей-то голосъ.—Пожаръ! Барыня померла!

Шилинъ бросился домой, разбудилъ Мавру и, велѣвъ ей ждать себя и гостью, самъ запрегъ лошадей и покатилъ въ Баграмово.

— Что за пожаръ? думалъ онъ по пути, подхлестывая коньковъ и то и дѣло оглядываясь назадъ.—Съ чего?

Не успѣлъ онъ отъѣхать и трехъ верстъ, на небѣ за его спиной, что провалъ въ преисподнюю, мутно заалѣло зарево.

ГЛАВА XXVII.

Утромъ Степанъ Владиміровичъ, ночевавшій въ въ театрѣ, стоялъ на сценѣ и отдавалъ респоряженія Маремьяну насчетъ похоронъ и поисковъ на пожарищѣ на мѣстѣ кабинета серебра, и уже собрался идти садиться въ коляску, чтобы ѣхать въ Баграмово, когда къ нему подошелъ съ шапкой въ рукѣ Бѣлявка.

— До вашей милости! проговорилъ онъ, отвѣшивая низкій поклонъ.

— Что тебѣ? сердито спросилъ Пентауровъ.

— Такъ шо теперь дилать намъ нечего...

— Ну?

— Явите милость: прикажите мени расчетъ дать!

— Какой расчетъ? Ясно, кажется, было сказано тебѣ, чтобы всѣ убирались къ чорту!

— Я-жъ за гроши, а не за чорта служивъ! дерзко возразилъ Бѣлявка.—Мнѣ до Москвы треба. Прикажите дать расчетъ!..

Взбѣшенный Пентауровъ ухватилъ его за воротъ и, встряхивая, поперъ передъ собой къ выходу: — вотъ тебѣ расчетъ! вотъ тебѣ расчетъ! повторялъ онъ, сопровождая эти слова пинками колѣномъ въ непринятое къ упоминанію въ печати мѣсто.

Кучеръ и форейторы, ожидавшіе выхода барина у подъѣзда театра, увидали неожиданное зрѣлище: Бѣлявка распахнулъ лбомъ выходную дверь, а затѣмъ, махая руками, что птица крыльями, вылетѣлъ изъ театра и плюхнулся на то мѣсто, гдѣ лежалъ когда то пьяный Бонапарте.

— Вонъ, скотина! прокричалъ показавшійся баринъ: —выпороть велю!

Но пороть было бы некого: Бѣлявка уже несся во всю прыть по улицѣ подъ смѣхъ и улюлюканье кучки мальчишекъ, зѣвавшихъ на лошадей.

Полетъ Бѣлявки нѣсколько поутихомирилъ раздраженіе и злость Пентаурова, клокотавшія въ его груди и, мѣрно покачиваясь въ коляскѣ по дорогѣ за городомъ, онъ уже думалъ, что пожаръ дома совсѣмъ не принесъ ему такихъ страшныхъ убытковъ, какъ это ему

показалось сначала. Жить въ немъ онъ не собирался и, стало быть, домъ ему, да еще такой старый, былъ неособенно нуженъ; сгорѣвшіе ломбардные билеты были всѣ именные, и деньги всегда можно было получить и безъ нихъ; испорчено, правда, серебро и золото, но его немного и оно найдется и цѣна его остается почти прежнею.

Сгорѣла пачка сторублевокъ, по соображеніямъ его, тысячъ на пять рублей, выпавшая во время сматохи изъ кармана старухи, но за то онъ избавился отъ послѣдней и, наконецъ, сдѣлался полнымъ собственникомъ всего и въ томъ числѣ Леньки.

Вспомнивъ о ней, онъ крѣпко помылилъ руки и улыбнулся: месть была такъ близка и такъ заманчива!

Первыя слова его на крылцѣ баграмовскаго дома къ высыпавшимъ встрѣтить его дворнѣ и приживалкамъ были: — Леньку ко мнѣ! Всѣ вещишки ея къ дѣвкамъ въ дѣвичью оттащить!

Въ отвѣтъ всѣ переглянулись.

— Баринъ, онѣ въ Рязань уѣхали... растерянно проговорила Даша.

— Какъ? Когда?! вскинулся Пентауровъ.—Зачѣмъ?!

— Ночью еще... Человѣкъ пріѣзжалъ за ними...

— Не за ними, а за ней, чортъ васъ всѣхъ побери! закричалъ Пентауровъ: какъ смѣли отпустить?! Съ кѣмъ?!

Заикаясь отъ страха и поощренная парой пощечинъ, Даша въ перебивку съ лакеемъ разсказали, какъ произошло дѣло и что Леониду Николаевну увезли къ покойницѣ.

— Къ покойницѣ? изумился Пентауровъ:—такъ вы уже знаете, что барыня умерла?

— Знаемъ-съ! отвѣтилъ многолюдный хоръ:—ночью еще отъ этого человѣка узнали!

Раздраженный и недоумѣвающій Степанъ Владиміровичъ вошелъ въ домъ и направился прямо въ комнату Людмилы Марковны. Первое, что тамъ привлекло его вниманіе, была шкатулка, но она оказалась замкнутой. Ключа не было, и Пентауровъ потребовалъ топоръ;

прогнавъ принесшаго его лакея, онъ взломалъ шкатулку и высыпалъ все содержимое ея на туалетъ.

Къ пущему недоумѣнію и раздраженію его, этого содержимаго оказалось немного: — двѣ тысячи рублей деньгами, нѣсколько золотыхъ браслетовъ и золотой брегетъ отца. Ни брилліантовъ, ни кучи ожидавшихся имъ денегъ не было.

— Но вѣдь брилліанты были? Я ихъ самъ видѣлъ въ дѣтствѣ? Куда же они дѣвались? размышлялъ Пентауровъ, обшаривая туалетные ящики. Память подсказывала ему правду, но ни онъ и никто другой не знали тайны Людмилы Марковны: въ послѣднюю свою поѣздку въ Москву она продала свои драгоцѣнности и деньго положила въ пакетъ на имя Лени.

— Брилліанты ей не на что! думала при этомъ практичная старуха:— деньги нужнѣй будутъ!

Плохо бы пришлось въ этотъ день дворовымъ отъ обманутаго въ самыхъ радужныхъ своихъ ожиданіяхъ новаго барина, если бы не вой моськи, вдругъ огласившій весь домъ. Степанъ Владиміровичъ, находившійся въ залѣ, выскочилъ на балконъ и увидалъ сидѣвшаго около опустѣвшаго кресла Людмилы Марковны стараго мопса; сѣдая морда его со слезившимися большими глазами лежала на сидѣньи.

— Убрать! Сейчасъ же повѣсить! заоралъ Пентауровъ неистовымъ голосомъ:—всѣхъ перевѣшать!!

Приказаніе было исполнено немедленно, тутъ же въ саду передъ балкономъ.

Степанъ Владиміровичъ, стоя на верхней ступенькѣ, наблюдалъ за казнью и затѣмъ съ удовлетвореннымъ видомъ принялся разгуливать по балкону.—Ахъ, паршивая старушенція! промычалъ онъ надгробное слово своей бабушкѣ.

Раннимъ утромъ того же дня въ кухонное окошко домика Шилина осторожно постучала чья то рука. Мавра выглянула и увидала стоявшихъ во дворѣ Стратилата и Агафона.

— Спятъ? шопотомъ спросилъ первый.

— Кто? Смарагдъ Захаровичъ встамши...

— Барышня пріѣхала?

— Пріѣхала... Спитъ еще.

Стратилатъ кивнулъ головой съ удовлетвореннымъ видомъ, и оба друга хотѣли уже уходить, но на крыльцѣ показался самъ хозяинъ.

— А я къ вамъ собрался идти! произнесъ онъ, сходя къ гостямъ. — Барышнѣ про васъ я ничего не сказалъ... понизивъ голосъ, продолжалъ онъ. —Думаю— такъ дѣло обернулось, что помалкивать лучше! Пожаръ то вѣдь—сами понимаете—не покойница сдѣлала?

— И я также мерекаю... шопотомъ молвилъ Стратилатъ:—свѣчку то я впопыхахъ на книжки опрокинулъ... у ней и въ рукахъ не было ничего.

— Ну вотъ—отъ грѣха, стало быть, надо дальше. Это разъ. — А второе — и покойницу сдѣлали мы же, стало, и этимъ хвастать нечего. Оно конечно, время ужъ ей помирать было, да она ей замѣсто матери, сказываютъ, была!

— Вѣрно! Правильно! согласились оба пришедшіе.

— Я и надумалъ такъ: сказалъ, что вольную мнѣ самъ Владиміръ Дмитріевичъ поручилъ передать, а я и запамятовалъ, недосугъ былъ съѣздить къ нимъ. Тутъ и подковырнуться не по до что будетъ: — вы оба свидѣтелями мнѣ будете, что я еще въ день смерти стараго барина показывалъ вамъ эту вольную!

— Умъ! въ полномъ восторгѣ произнесъ Стратилатъ:—то-есть, истинный ты Смарагдъ многоцвѣтный! Носъ къ верху держи! обратился онъ къ Агафону:—мы не мы и лошадь не наша! А то мы было съ нимъ, признаться, какъ домъ то занялся, притрухнули?

— Пустое! сказалъ Шилинъ.—Барышнѣ я все же про васъ сказалъ, что отъ васъ узналъ про пентауровское охальство, а то и ѣхать со мной не хотѣла!

— И разчудесно!

— Въ домъ васъ не зову: Леониду Николаевну не разбудить бы!

— Зачѣмъ? Въ домъ невозможно! Стратилатъ даже махнулъ рукой.—Вѣдь онъ какъ рыкнетъ, онѣ со сна изъ окошка выбросятся!

Разговаривая, они подошли къ калиткѣ и, выйдя на улицу, увидали излетъ Бѣлявки изъ театра.

— За что это онъ его такъ? проговорилъ удивленный Стратилатъ, глядя вслѣдъ пронесшемуся во всѣ лопатки актеру.

— Видно расчетъ получилъ... отвѣтилъ Шилинъ: —шебаршилъ онъ тутъ вчера, стребую, дескать, съ него за свои потъ и труды все до копѣечки полностью, такъ, должно быть, и выдали!

Скоро проснулась и встала Леня.

Узнавъ объ отъѣздѣ въ Баграмово Пентаурова, она захотѣла непремѣнно повидать Людмилу Марковну. Вмѣстѣ съ Леней пошелъ и Шилинъ въ уцѣлѣвшій послѣ пожарища флигель, гдѣ въ небольшой каморкѣ лежало покрытое простыней тѣло Пентауровой.

Строгое лицо умершей было спокойно; Леня поцѣловала ея руку и долго и горячо молилась около нея на колѣняхъ.

Простившись съ покойницей, Леня повернулась, чтобы уйти и увидала стоявшаго позади нея приказчика.

— Здравствуйте, Леонида Николаевна! вполголоса произнесъ Маремьянъ.—А намъ и не въ примѣту было, какъ вы пріѣхали! Да... какъ сынокъ, скоропостижно скончались барыня... Съ нами, съ тѣломъ поѣдете?

— Нѣтъ, я совсѣмъ отъ васъ уѣхала!... отвѣтила Леня, утирая глаза платкомъ.

— Какъ совсѣмъ?

— Такъ. Я не вернусь больше въ Баграмово; сама по себѣ буду жить!

— Тэ-ээксъ... протянулъ озадаченный Маремьянъ.

Леня кивнула ему головой и вмѣстѣ со своимъ спутникомъ тихо удалилась изъ послѣдняго земного пристанища Людмилы Марковны.

— Что за оказія? проговорилъ себѣ подъ носъ Маремьянъ. — Про исторію съ Лениной вольной среди дворни ходили какіе то смутные толки, но вѣрнаго онъ ничего не зналъ: Ванька, пойманный имъ однажды при подслушиваніи секретной бесѣды Маремьяна съ какимъ то купцомъ, былъ такъ отдубашенъ имъ,

что возненавидѣлъ и боялся его ото всей души и отъ него свѣдѣній Маремьянъ никакихъ не получалъ.

ГЛАВА XXVIII.

Вернувшись домой, Леня написалъ записочку и попросила передать ее Свѣтицкому: былъ четвергъ, и Леня боялась, что неподозрѣвавшій о происшествіяхъ той ночи гусаръ отправится въ Баграмово.

Шилинъ послалъ работника, и не больше какъ черезъ полчаса Свѣтицкій прискакалъ верхомъ въ сопровожденіи Ильи.

Съ озабоченнымъ лицомъ вбѣжалъ онъ въ горенку, гдѣ бывало весело проводила время шилинская компанія и увидалъ шедшую къ нему навстрѣчу Леню. Свѣтицкій осыпалъ ея руки поцѣлуями.

— Какъ все это неожиданно, ужасно!.. взволнованно заговорилъ онъ:—и смерть, и пожаръ! А ваша бумага?

— У меня.

Гусаръ перекрестился.—Слава Богу! произнесъ онъ отъ глубины души.—Нашлась?

— Да... нерѣшительно отвѣтила Леня; ей опять приходилось умалчивать о многомъ.

— И сегодня же назадъ уѣдете, на похороны?

— Нѣтъ, я на похоронахъ не буду, — я уже совсѣмъ уѣхала изъ Баграмова!

Свѣтицкій съ безпокойствомъ заглянулъ ей въ глаза.

— Случилось что-нибудь? Дерзость какую-нибудь онъ позволилъ себѣ вамъ сказать? въ глазахъ гусара засвѣтились угрожающіе огоньки.

— Мы поссорились, и я больше не хочу его видѣть...

— Что же произошло?

— То, что уже изчезло... съ улыбкой сказала Леня: — не надо волноваться и будемъ говорить о другомъ!..

— Видите, что значитъ быть одной? произнесъ Свѣтицкій:—всякая дрянь осмѣливается обидѣть васъ!

— Все это прошло и кончено, теперь начинается новая жизнь!

Свѣтицкій отвернулся, насупился и забарабанилъ пальцами по столу.

— Чѣмъ же вы начнете новую жизнь? спросилъ онъ.

— Уѣду въ Москву, на сцену... тамъ буду равная съ равными...

Гусаръ не отвѣчалъ и продолжалъ барабанить, но стукъ все ослабѣвалъ и дѣлался нервнѣе.

— Что же вы молчите, Дмитрій Назаровичъ?

— Я обѣщалъ молчать... пожавъ плечами, проговорилъ Свѣтицкій.

— Иного выхода нѣтъ... тихо сказала Леня.

— Нѣтъ?! Свѣтицкій отодвинулъ столъ такъ, что все загремѣло на немъ и всталъ со стула. — А я? онъ протянулъ обѣ руки къ Ленѣ. — Леня, вѣдь я же безъ васъ жить не могу!

— Боюсь: раскаиваться потомъ станете, Дмитрій... она не успѣла договорить:—Свѣтицкій схватилъ ее въ объятія и принялся цѣловать.

— Не пущу! Никому не отдамъ! Моя! въ изступленіи вскрикивалъ онъ въ то же время.—Да? Правда?

Отвѣта не было, но онъ почувствовалъ, что Леня прильнула къ его груди.

Восторгъ Свѣтицкаго не имѣлъ предѣла.

— Будетъ, будетъ... пустите! смѣясь и плача отъ счастья, говорила Леня, отбиваясь отъ него.

— Господи, я съ ума, кажется, сойду?! вымолвилъ, наконецъ, онъ.

— А родные ваши согласятся ли? тихо сказала раскраснѣвшаяся Леня.

— У меня ихъ нѣтъ! отвѣтилъ Свѣтицкій. И почему ты сказала „ваши?“

— Твои... поправилась она.

— Когда же наша свадьба?

— Не знаю... когда хочешь... Леня поалѣла окончательно.—Только пусть она будетъ самая скромная!

— Одни свои гусары будутъ. И сейчасъ же возьму отставку и уѣдемъ ко мнѣ, въ Орловскую губернію!

— Тебѣ жаль разставаться съ полкомъ будетъ? Вѣдь это изъ за меня ты изъ него уйдешь?

Свѣтицкій засмѣялся.

— Нѣтъ, изъ за разстроеннаго имѣнія! отвѣтилъ онъ:—будетъ бездѣльничать, надо взяться за него, какъ слѣдуетъ! Вмѣстѣ будемъ хозяйничать, хорошо?

— Еще бы! отвѣтила Лѣня.—Вотъ и новая сказка началась! прибавила она со счастливой улыбкой:—а книги у тебя есть? Ихъ много заведемъ, много!

— Сколько захочешь! Свѣтицкій нѣжно обвилъ рукой ея станъ.

Ославъ за Свѣтицкимъ, Шилинъ направился въ театръ къ Бѣлявкѣ и засталъ его въ каморкѣ, служившей ему и жилищемъ и уборной. Бѣлявка завязывалъ небольшой узелъ со своимъ скарбомъ.

— Иль уходить собрался? спросилъ Шилинъ, войдя.

— А ясное дило! сердитымъ тономъ отозвался Бѣлявка:—съ подлецами мени тутъ робить нечего! Это видалъ? добавилъ онъ, указывая пальцемъ на огромную, начавшую синѣть шишку, украшавшую его лобъ.

— Н-даа... отозвался Шилинъ: — желвакъ на совѣсть! Нагрубилъ ты что ли ему?

— Де жъ я грубивъ? воскликнулъ Бѣлявка:—гроши тилько свои спросивъ! Ну, отдай не все, заплати хоть скилько нибудь, но вѣдь не мордой же объ дверь? Невозможно жъ!

— Говорилъ я тебѣ—выжди, не докучай зря: нашелъ тоже время когда расчетъ спрашивать—послѣ пожара?

— А де жъ я его потомъ искать бы ставъ? Въ Питеръ за нимъ что ли ихать было?

Шилинъ не возражалъ.

— А ко мнѣ жиличка пріѣхала... разсѣянно сказалъ онъ, помолчавъ.

— Кто такая?

— Леонидова, актриса ваша.

Бѣлявка уставился на гостя.

— И все то твой Ванька понабрехалъ тебѣ! продолжалъ Шилинъ:—поролъ невѣсть что; и конторку то баринъ ломалъ, и вольную въ книги пряталъ, а она давнымъ давно у нея въ карманѣ лежитъ!

— Да ну?

— Самъ видѣлъ.

— Та и хвала Господу! И шо за дворъ такой подлючій: ни барину, ни холую вѣрить нельзя!

— Когда въ путь думаешь? спросилъ Шилинъ.

— А седни же. Повидаюсь тилько съ однимъ чоловикомъ—съ Тихонъ Михалычемъ, та и до Москвы.

— Ну, счастливо тебѣ, когда такъ! сказалъ, вставъ съ табурета, Шилинъ. Онъ расцѣловался съ Бѣлявкою и, выйдя изъ его каморки, зашелъ въ другую, гдѣ помѣщались Стратилатъ и Агафонъ.

Тѣ тоже собирались уходить въ Москву; на деревянныхъ нарахъ, служившихъ имъ вмѣсто кроватей, лежали длинныя дорожныя палки и пара маленькихъ узелковъ въ красномъ и синемъ платкахъ.

— А мы къ тебѣ, Смарагдъ Захаровичъ, сейчасъ прощаться идти хотѣли! встрѣтили его слова Стратилата:—Григорь Харлампычъ нонче уходитъ, и мы съ нимъ идти порѣшили!

— Вамъ бы погодить, молодцы! вполголоса отвѣтилъ Шилинъ.

— А на что?

— Неровенъ часъ, можетъ, и понадобитесь: еще неизвѣстно, что тотъ господинъ надумаетъ — онъ то вѣдь смекнетъ правду!

Хозяева поняли смыслъ темныхъ, какъ будто бы, словъ гостя, знакомъ показавшаго, что онъ опасается чьихъ либо ушей.

— Оно точно... замѣтилъ Стратилатъ.

— Доказать онъ ничего не можетъ, я того и не опасаюсь, а на случай разговору — погодите! Васъ со двора не гонятъ отсюда?

— Сказывалъ Маремьянъ — харчъ не велѣлъ онъ давать, а жить пока что можемъ.

— Чего же лучше? отвѣтилъ Шилинъ:—столовать-

ся ко мнѣ приходите. Съ недѣльку обождите—и съ Богомъ!

— Правда... такъ лучше! проговорилъ Агафонъ:—съ отцомъ бы мнѣ попрощаться надо...

— Раскладай чемоданъ, Агаша! скомандовалъ Стратилатъ, развязывая узелокъ и вынимая изъ него свою единственную запасную пару бѣлья.—Фраки наши еще, того гляди, помнутся: у генералъ-губернатора въ Москвѣ кофей пить не въ чемъ будетъ!

— А теперь, айда ко мнѣ:—Мавра съ обѣдомъ поди давно ужъ ждетъ! сказалъ Шилинъ:—только съ нынѣшняго дня, други мои,—ау—не въ горницѣ, а на кухнѣ обѣдать будемъ!

— Еще бы намъ въ горницѣ? воскликнулъ Стратилатъ, выходя вслѣдъ за Шилинымъ изъ своего помѣщенія:—развѣ мы Леонидѣ Николаевнѣ компанія?!

Около полудня того же дня въ гусарскій монастырь заѣхало нѣсколько знакомыхъ, и между Возницынымъ и Заводчиковымъ затѣялся споръ. Николай Николаевичъ, только что вернувшійся изъ Москвы, куда ѣздилъ на нѣсколько дней, съ пафосомъ повѣствовалъ о Бѣлокаменной.

Захлебываясь отъ удовольствія, разсказалъ онъ между прочимъ о только что прибывшемъ туда изъ Гамбурга знаменитомъ паноптикумѣ, посмотрѣть который съѣзжалась вся Москва. Помимо восковыхъ фигуръ, изображавшихъ разныхъ королей и другихъ извѣстныхъ персонъ, въ немъ показывалось множество древнихъ и необычайныхъ по своей рѣдкости предметовъ. Были въ ихъ числѣ огромный зубъ допотопнаго слона, разныя вещи и кирпичи съ надписями Вавилона, Ассиріи и т. п.

Возницынъ слушалъ съ пренебрежительнымъ видомъ.

— Все это обманъ и жульничество! заявилъ онъ, когда Заводчиковъ окончилъ свое повѣствованіе.

— Жульничество? воскликнулъ тотъ:—пріѣхалъ изъ Гамбурга, всесвѣтная знаменитость, имѣетъ отовсюду медали, и вы говорите обманъ?

— А вы видѣли медали? спросилъ Возницынъ.

— О нихъ напечатано въ афишахъ, значитъ, онѣ есть! начиная кипятиться, сказалъ Николай Николаевичъ.

— Э! Возницынъ махнулъ рукой:—знаю я паноптикумы, видалъ тоже! Такую чушь и покажутъ и напечатаютъ, что глаза на лобъ вылѣзутъ!

— Не можетъ этого быть! Всѣми знатоками паноптикумъ одобренъ! Я понимаю мало, но то же скажу: прекрасное собраніе! На глазъ, знаете ли, видно. Чего тамъ нѣтъ? Не то, что не соберешь, а и не выдумаешь ничего подобнаго!

— Сколько хотите—и соберу и выдумаю! отозвался Возницынъ.

— Вы думаете?

— Я выдумаю.

— А ну-ка, попробуйте!

— Пари, господа, держите пари! подхватило нѣсколько голосовъ.

— Извольте! отвѣтилъ Возницынъ и посчиталъ глазами присутствовавшихъ.—Насъ здѣсь ровно десять человѣкъ; по три бутылки на брата—это выйдетъ три дюжины.

— Тридцать бутылокъ... поправилъ Заводчиковъ.

— Хорошъ! строго возразилъ Возницынъ: — шампанское оно вѣдь летучее—газу изъ него одного сколько выйдетъ?—Три дюжины шампанскаго угодно? И черезъ полчаса я покажу всей госпожѣ публикумъ паноптикумъ не хуже московскаго!

— Идетъ! въ восторгѣ воскликнулъ Заводчиковъ, —заранѣе предвкушая даровую выпивку.—Ровно черезъ полчаса—не больше, не меньше! Но, позвольте, кто же будетъ рѣшать—лучше онъ или хуже московскаго?

— Господа! обратился Возницынъ ко всѣмъ: — вы всѣ слышали описаніе паноптикума Николая Николаевича?

— Слышали... отозвался хоръ.

— Теперь увидите мой! Вы и рѣшите, кому платить за шампанское!

Подъ общій смѣхъ и одобрительные возгласы Воз-

ницынъ поднялся и зашагалъ изъ залы на своихъ ходуляхъ.

— Придется отцу благочинному карманъ растрястi! сказалъ Курденко.

— Кому растрястись—все единственно, сыне, проговорилъ Костицъ:—абы уничтоженъ былъ зеленый змiй въ самомъ зародышѣ! Онъ позвонилъ и приказалъ явившемуся вѣстовому принести три дюжины шампанскаго и, не раскупоривая, поставить на столѣ, а самъ вынулъ часы и сталъ слѣдить за движенiемъ стрѣлки.

Ровно черезъ двадцать минутъ въ дверяхъ залы показалось шествiе:—впереди, важно закинувъ голову назадъ, журавлинымъ шагомъ выступалъ Возницынъ; за нимъ слѣдовалъ его вѣстовой съ корзинкой, наполненной разными предметами, послѣднимъ былъ Гаврило Васильевичъ, несшiй въ лѣвой рукѣ мѣшокъ съ какимъ то ворочавшимся въ немъ, живымъ существомъ; на правомъ плечѣ у него висѣла часть давно сгнившей лѣстницы, валявшейся на дворѣ.

Противъ середины большого общаго стола поставили маленькiй, и Возницынъ всталъ за нимъ.

— Каспада публикумъ! возгласилъ онъ, подражая выговору и жестамъ нѣмцевъ — содержателей разныхъ заведенiй.—Имѣй честь представить вамъ мой знаменитый, единственный во всемъ мiрѣ и въ средней Америкѣ паноптикумъ. Имѣю за него медали отъ короля Патагонскаго, королевы Iерихонской и Донъ-Кихота Ламанчскаго. Одобренъ учеными, особливо покойными и всѣми коновалами. Одинъ ученый застрѣлился изъ за него отъ зависти, два отравились и семь съ ума сошло...

Смѣхъ обѣжалъ зрителей: Возницынъ сразу сумѣлъ заинтересовать всѣхъ.

— Начинаю показывать! онъ нагнулся и сталъ рыться въ корзинѣ, стоявшей у его ногъ.

— Кирпичъ изъ Вавилонской башни! выкрикнулъ онъ, подымая кусокъ кирпича, только что вывороченный имъ изъ фундамента дома; — съ самой верхушки: былъ на третьемъ небѣ!

— Часть древа познанiя добра и зла! онъ поднялъ надъ головой подъ общiй смѣхъ березовое полѣно. —

Пятна на немъ отъ слюнокъ Евы, которыя текли, когда змій соблазнялъ ее!

— Вода всемірнаго потопа! продолжалъ онъ, выливая на полъ воду изъ стакана.—Плескалась объ Араратъ, когда къ нему подъѣзжалъ Ной!

— Фиговый листокъ Евы до грѣхопаденія! зрители увидали свѣжій березовый листокъ. — Онъ же послѣ грѣхопаденія! надъ головой Возницына показался огромный лопухъ.

Хохотъ и топанье ногъ прервали на нѣсколько мгновеній слова Возницына. Онъ ждалъ съ планшеткой изъ дамскаго платья въ рукѣ, отысканной въ кучѣ мусора около дома.

— Усъ кита, проглотившаго Іону! все такъ же невозмутимо серьезно произнесъ онъ, какъ только всѣ угомонились.—Самъ китъ сдохъ, усы завѣщалъ нашему паноптикуму. Документы о томъ хранятся у Римскаго Папы!

— Плѣшь Ноя въ натуральную величину! онъ неожиданно ухватилъ стоявшаго сбоку и ухмылявшагося Гаврилу Васильевича, подтащилъ къ себѣ и нагнулъ ему голову такъ, что лысина его предстала передъ публикой во всей красѣ.

— Часть лѣстницы, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ! Остальная сгрызена паломниками для избавленія отъ зубной боли! Возницынъ водрузилъ на столикѣ обломокъ съ двумя ступеньками: — на нижней ступенькѣ стоялъ ангелъ, на верхней два архангела. Трубы лежали на третьей, но Илья пророкъ захватилъ ее съ собой на небо:—дерево въ пустынѣ дорого.

— Частицы жены Лота! онъ широкой струйкой пустилъ бѣлую соль изъ сжатаго кулака, затѣмъ поднялъ надъ головой огромный, потемнѣвшій коренной зубъ лошади.

— Зубъ Ксантиппы, который она имѣла противъ Сократа!

Публика уже не хохотала, а ревѣла, катаясь на стульяхъ; Возницынъ кричалъ въ свою очередь.

Изъ корзины появилось наполовину откушенное антоновское яблоко.

— Яблоко Париса, недоѣденное Венерой!

— Камни преткновенія, упоминаемые въ Священномъ Писаніи! онъ показалъ пару здоровенныхъ булыжинъ.—Объ одинъ споткнулся Наполеонъ подъ Москвой, объ другой Пугачевъ на Яикѣ!

Возницынъ съ помощью Гаврилы Васильевича вытащилъ изъ мѣшка за шиворотъ эскадроннаго любимца —чернаго кота.

— Черная кошка, пробѣжавшая между Жозефиной и Наполеономъ! Онъ разжалъ руку, и котъ стремглавъ кинулся удирать изъ залы.

— Вниманіе:—особо рѣдкая реликвія, каспада! торжественно заявилъ Возницынъ, показывая мѣдную песочницу и вытряхивая изъ нея содержимое:—песокъ изъ Маѳусаила въ послѣдніе годы его жизни!.. Паноптикумъ закрывается до слѣдующій разъ! Возницынъ раскланялся, какъ балетная танцовщица, и послалъ апплодировавшей, топавшей и кричавшей „фора“ публикѣ воздушный поцѣлуй.

— Но, позвольте, это же балаганъ?! вопилъ въ источный голосъ Заводчиковъ.

— Плати, плати! кричали съ разныхъ сторонъ голоса.—Фора Возницынъ! Дрянь гамбургскій паноптикумъ противъ его!

Костицъ всталъ и замахалъ рукой.

— Отцы и братія, кому платить? спросилъ онъ, крутя усъ, когда шумъ нѣсколько стихъ.

— Заводчикову! Заводчикову! дружно отвѣтили всѣ.

Костицъ подозвалъ вѣстовыхъ и указалъ на бутылки. Захлопали въ потолокъ пробки и, несмотря на протесты и возмущеніе Николая Николаевича, Гаврилѣ Васильевичу было приказано счетъ за шампанское подать ему.

— Извольте, что же, я подчиняюсь, я заплачу! чуть не плача, говорилъ скупой Заводчиковъ:— но вѣдь это же неправильно?.. что онъ такое показывалъ? Зубъ лошади, а говоритъ, что Ксантиппы?..

— Сынѣ! прервалъ его Костицъ: — древомъ быть можешь, но расписываться въ томъ не слѣдуетъ!

Въ залъ вошелъ радостный, что весеннее утро, Свѣтицкій.

Его сейчасъ же посвятили во все происходившее и вручили стаканъ шампанскаго.

— Что вы какой то странный? спросилъ, приглядываясь къ нему, Курденко.

— Женюсь... шепнулъ ему на ухо Свѣтицкій.

— Да ну?! На комъ?

— На Леонидѣ Николаевнѣ...

— Это вы вправду?

— Въ самую настоящую!

— Сыны, шептаться за столомъ нельзя: нѣсть тайнъ въ монастырѣ! во всеуслышаніе заявилъ Костицъ.

— Можно сказать? спросилъ Курденко.

— Можно!

— Господа... позвольте предложить тостъ! произнесъ, поднявшись, Курденко:—за здоровье жениха и невѣсты—Дмитрія Назаровича и Леониды Николаевны... Ура!

Отзыва не было; весь столъ словно оцѣпенѣлъ на одно мгновенье, затѣмъ всѣ вскочили и окружили Свѣтицкаго.

— Правда? Шутка или нѣтъ? послышались вопросы.

— Правда... отвѣтилъ всѣмъ сразу Свѣтицкій; ему было непріятно, что товарищи такъ странно встрѣтили вѣсть о его женитьбѣ и не поздравляли, а будто бы въ глубинѣ души удивлялись ей.

Первымъ почувствовалъ неловкость положенія и спохватился Радугинъ.

— Кому ваша женитьба радость, а намъ нѣтъ! сказалъ онъ:—мы теряемъ товарища. Вѣчная память отцу—звонарю! онъ поднялъ стаканъ съ грустнымъ видомъ.

— И да здравствуетъ новый Свѣтицкій! подхватилъ Возницынъ.

Дружное ура загремѣло въ залѣ; руки со стаканами потянулись чокаться къ Свѣтицкому.

— Измѣнникъ ты, но дай тебѣ Божечка счастья! проговорилъ Костицъ, расправивъ усы и цѣлуясь съ

молодымъ женихомъ. Его примѣру послѣдовали и остальные.

— За Леониду Николаевну! крикнулъ Курденко, и этотъ тостъ былъ подхваченъ съ еще большимъ восторгомъ.

Благодарный Свѣтицкій такъ чокнулся съ пріятелемъ, что стаканъ чуть не разлетѣлся на куски въ его рукахъ, и отъ души опять расцѣловался съ нимъ.

Костицъ послалъ за трубачами, и вплоть до ночи гремѣлъ на всю Рязань мальчишникъ въ гусарскоиъ монастырѣ.

ГЛАВА XXIX.

На третій день послѣ похоронъ Людмилы Марковны въ Баграмовѣ, въ домикъ Шилина явился давно поджидавшійся имъ гость—квартальный надзиратель.

Леониды Николаевны дома не было.

Толстомордый, съ подушками вмѣсто щекъ, квартальный съ важнымъ видомъ вошелъ въ горницу и сталъ рыться въ своемъ портфелѣ.

— Нехорошо, Смарагдъ Захарычъ!.. проронилъ онъ, вытаскивая какую-то бумагу.

— Что, именно? спокойно освѣдомился Шилинъ.— Кажется, за мною худого не важивалось?

— Не важивалось, да и завелось. Вотъ!—онъ щелкнулъ пальцемъ по бумагѣ:—доношеніе на тебя!

— Отъ кого?

— Отъ господина Степана Владиміровича Пентаурова!

— Вотъ те и разъ? Что же онъ доноситъ!

— Обвиняешься ты имъ въ укрывательствѣ бѣглой его дѣвки дворовой Леонидки. Проживаетъ такая у тебя?

— Живетъ, открыто даже живетъ!

— Ага! Это въ какихъ же ты смыслахъ ее укрываешь?

— А для чего мнѣ ее укрывать? Она человѣкъ вольный, гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ.

— Какъ это вольный? крѣпостная она...

— Никакъ нѣтъ... да вотъ полюбопытствуйте сами!

Шилинъ подошелъ къ божницѣ въ переднемъ углу и вытащилъ изъ за образовъ вольную Лени. — Почитайте... онъ подалъ документъ квартальному.

Тотъ взялъ его, просмотрѣлъ, потянулъ себя за точно обрубленный, короткій носъ и, издавъ „н-да", поднялъ глаза на Шилина.

— Что же это такое подобное значитъ?

Шилинъ равнодушно пожалъ плечами.—Да умомъ повредился онъ отъ пожару, не иначе! Деньги, слыхать, у него какія то сгорѣли?

— А можетъ и впрямь не зналъ, что папаша вольную ей выдалъ?

— Все можетъ быть. Не угодно ли водочки выпить? время теперь соотвѣтственное!

— Можно. Водочку пить—всегда время! квартальный захохоталъ, довольный своимъ остроуміемъ.

Мавра подала штофъ и закуску; гость и хозяинъ расположились у стола.

Шилинъ повѣдалъ, какъ Пентауровъ „вышибалъ" Бѣлявку изъ театра и повѣдалъ такъ, что квартальный надрывалъ животикъ и, того и гляди, рисковалъ подавиться то груздемъ, то кускомъ пирога.

— А ну тебя! проговорилъ онъ, наконецъ, вставая: —уморилъ ты было меня!

— Это вамъ за безпокойство... сказалъ Шилинъ, ловко всовывая въ руку его трехрублевку. — Ужъ вы, пожалуйста, если господинъ Пентауровъ еще что затѣетъ—предупредите: дѣвушку обидѣть долго ли? Сумасшедшій человѣкъ, сами видѣли!..

— Упрежу, упрежу! отозвался ублаготворенный по всѣмъ статьямъ квартальный:—кто со мной хорошъ, съ тѣмъ и я хорошъ! а ты человѣкъ съ мозгами!

— Гдѣ ужъ мнѣ противъ васъ выстоять? соскромничалъ Шилинъ.

— А? Думаешь? опять захохотавъ, сказалъ квартальный.—Однако, прощайте, дѣла ждутъ! онъ протянулъ хозяину руку съ короткими, какъ и носъ, пальцами.—Спасибо на угощеньи! Копійку засвидѣтельство-

ванную съ вольной на всякій случай заготовь, а самой вольной, коли потребуютъ, не представляй! добавилъ онъ, обернувшись въ дверяхъ:—дѣвка то вѣдь хорошенькая, утратиться документикъ можетъ! онъ подмигнулъ, хохотнулъ, нагнулся и вышелъ въ дверь.

Шилинъ проводилъ его на крыльцо, затѣмъ вернулся и спряталъ въ другое мѣсто вольную: — такъ то съ вами, чертями, понадежнѣе! думалъ онъ при этомъ.

Весь городъ заговорилъ о готовящемся новомъ событіи—близкой свадьбѣ Лени и Свѣтицкаго.

Возмущенію маменекъ не было предѣловъ. Оскорбились даже такія мирныя особы, какъ сестры Зяблицыны; вслухъ, впрочемъ, высказывались объ этомъ только двѣ старшія.

— Это совершенно непозволительно! говорили онѣ, имѣя въ виду Глашеньку. — За кого же наши невѣсты будутъ выходить, если люди нашего круга будутъ жениться на хамкахъ?

Глашенька при этомъ скромно поджимала губки и потупляла глаза.

— Ужъ мы то за хамовъ не пойдемъ ни въ коемъ случаѣ! величественно заявляла Марья Михайловна, при чемъ неизвѣстно почему употребляла слово „мы“ и даже подчеркивала его.

Единственной дамой въ городѣ, обрадовавшейся вѣсти объ этой свадьбѣ, была опять отложившая свой отъѣздъ Елизавета Петровна.

— Очень рада! Такъ имъ, свиньямъ и надо! отвѣтила она Клавдіи Алексѣевнѣ, подразумѣвая подъ лестнымъ званіемъ всѣхъ рязанскихъ дамъ.

— Но до чего здѣсь жизнь кипитъ?! воскликнула Клавдія Алексѣевна, сообщивъ свѣжую новость: — такъ и бьетъ ключемъ, каждый день что-нибудь новое! А вы въ деревню собирались ѣхать? Тамъ вы умерли бы отъ тоски!

Подъ вліяніемъ Клавдіи Алексѣевны, въ гусарскій монастырь для собранія точныхъ данныхъ о готовящемся интересномъ событіи былъ командированъ Андрей Михайловичъ, физіономія котораго, если не считать нѣ-

которой странной легкой зелени подъ глазами, приняла прежній видъ.

Андрей Михайловичъ заставилъ себя упрашивать.

— Ахъ, мнѣ совсѣмъ не хочется туда ѣхать! отвѣтилъ онъ, сдѣлавъ кислую гримасу, но съ замѣтно заблестѣвшими глазами: — что я тамъ съ этими господами буду дѣлать?

— Какъ что?! воскликнула Клавдія Алексѣевна:— узнаете всѣ подробности... Вы видите, что вашей женѣ это интересно!.. Для нея должны!

— Но вѣдь тамъ всѣ такіе пьяницы... непремѣнно будутъ заставлять пить, а я этого терпѣть не могу...

— Ну, рюмочку—другую можешь, ничего! разрѣшила Елизавета Петровна.

— Ахъ, мамочка, какъ мнѣ непріятно! Только для тебя я это и дѣлаю! говорилъ онъ чревовѣщательнымъ голосомъ изъ спальни, торопясь переоблачиться изъ халата въ пальто.—Помни, ѣду исключительно только для того, чтобы доставить тебѣ удовольствіе!

Клавдія Алексѣевна осталась ждать возвращенія Андрея Михайловича, и къ удивленію обѣихъ дамъ, черезъ какіе-нибудь полчаса дрожки его опять застучали подъ окнами.

— Какъ вы скоро съѣздили? встрѣтилъ его возгласъ Клавдіи Алексѣевны.

— Меня ждала жена, Клавдія Алексѣевна!.. внушительно отвѣтилъ онъ, подходя къ Елизаветѣ Петровнѣ:—понюхай!.. добавилъ онъ, наклоняясь и дыша послѣдней прямо въ лицо.

— Табачищемъ несетъ... отвѣтила та, исполнивъ его просьбу и сморщившись:—фу, ты, Господи, точно изъ трубки затянулась! Даже голова закружилась!

— А виномъ пахнетъ?

Елизавата Петровна отстранилась въ сторону и нюхнула еще разъ раскрывшійся сомовій зѣвъ мужа.

— Нѣтъ!

— Ни капельки не выпилъ! съ торжествующимъ видомъ произнесъ Андрей Михайловичъ. — Приставали, уговаривали—нѣтъ, отбоярился! прямо едва вырвался!

— Ну, а насчетъ свадьбы что? замирающимъ голосомъ спросила Клавдія Алексѣевна.

— А насчетъ свадьбы ничего:—свадьбѣ не бывать! равнодушно отвѣтилъ Андрей Михайловичъ.

Гостья вскочила, хозяйка откинулась на спинку своего стула.

— Какъ не бывать? почему?

— Невѣста пропала... исчезла неизвѣстно куда!

Въ гусарскомъ монастырѣ Андрей Михайловичъ засталъ всѣхъ встревоженными и молчаливыми; о выпивкѣ не было-и рѣчи и только по этой причинѣ Штучкинъ не задержался долго и вернулся такимъ добродѣтельнымъ.

Свѣтицкаго онъ не видалъ: тотъ со вчерашняго вечера носился неизвѣстно гдѣ въ поискахъ Лени; Курденко же обронилъ всего пару словъ, что она вышла вчера изъ дома за покупками и не вернулась: что съ ней случилось и гдѣ она, никто не зналъ и не догадывался.

Пропажа Лени произошла слѣдующимъ образомъ.

Утромъ, разбирая узлы со своими вещами, Леня наткнулась на пакетъ съ надписью „Ленѣ послѣ моей смерти".

Она сдѣлала было движеніе его вскрыть, но задумалась и, держа его въ рукѣ, отворила дверь своей горенки и попросила Смарагда Захаровича зайти въ ней.

Шилинъ былъ такъ заботливъ и внимателенъ къ ней, такъ отъ души обрадовался извѣстію о сватовствѣ Свѣтицкаго, что Леня сама стала отвѣчать ему искреннимъ, хорошимъ чувствомъ и полнымъ довѣріемъ.

— Вотъ, Смарагдъ Захаровичъ, сказала она, протягивая ему пакетъ:—это отдала мнѣ Людмила Марковна!.. она подробно передала, какъ все происходило. — Не знаю, вскрыть, или нѣтъ?

— Лучше погодить... отвѣтилъ Шилинъ. — Деньги тутъ... порядочно денегъ!.. онъ взвѣсилъ ихъ на рукѣ. —Человѣчишко господинъ Пентауровъ больно пакостный, не выдумалъ бы чего. А тутъ печать цѣла и соб-

ственноручная надпись покойницы есть.., коль и завѣщанія нѣтъ—дѣло чистое!

— Спрячьте его у себя!.. попросила Леня.—А квартальный не приходилъ больше?

Шилинъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, а коль безъ меня явится—вотъ-съ вамъ копійка съ вашего документика, я ее снялъ и засвидѣтельствовалъ!

Шилинъ досталъ изъ кармана бумагу и передалъ ее Ленѣ.—Приберите ее у себя къ сторонкѣ, авось не понадобится!

— Спасибо вамъ! произнесла Леня:—сколько хлопотъ я вамъ надѣлала!

— Что за хлопоты, пустяки! отвѣтилъ Шилинъ: — можетъ, что-нибудь требуется вамъ? Вы не стѣсняйтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, спасибо! Я въ лавку сейчасъ собираюсь идти. Купить кое-что надо...

— Для вѣнца?

— Да... слегка смутясь, сказала Леня.

Шилинъ, улыбаясь, глядѣлъ на нее:—очень хорошо-съ! Къ обѣду ждать будемъ; Мавра васъ чѣмъ-то угостить хочетъ!

— Непремѣнно вернусь: здѣсь близко!

Леня надѣла легкую накидку и шляпу и ушла, но ни къ обѣду, ни послѣ него она не вернулась.

Не зная, что думать, Шилинъ, знавшій, что знакомыхъ у Лени въ Рязани не было, прождалъ часовъ до четырехъ и отправился обойти лавки, торговавшія подходящими товарами; ни въ одной изъ нихъ его жилички не видѣли. Смарагдъ Захаровичъ вернулся домой и, видя, что уже смеркается, велѣлъ заложить лошадь и на бѣговыхъ дрожкахъ поѣхалъ въ гусарскій монастырь къ Свѣтицкому.

Свѣтицкій всполошился: въ тотъ день онъ Лени совсѣмъ не видалъ. Еще больше встревожился онъ, узнавъ изъ разсказа Смарагда Захаровича то, что не было ему сообщено Леней—о поступкѣ съ нею Пентаурова и о подачѣ имъ заявленія о бѣгствѣ ея. О кражѣ

вольной Шилинъ, разумѣется, умолчалъ и повторилъ о ней то же, что сказалъ Ленѣ.

— Что же могло съ ней случиться?! произнесъ Свѣтицкій:—что вы предполагаете?!

— Ума не приложу! отвѣтилъ Шилинъ:—о разбойникахъ у насъ не слыхать, а если бъ и были — тѣло давно нашлось бы: вѣдь, почесть, среди города пропала! И корысти убивать не было никакой...

— Ну, ну?

— Не господина ли Пентаурова тутъ штука?

— И я то же подумалъ! воскликнулъ Свѣтицкій.

Вѣсть Шилина заставила его было поблѣднѣть, теперь же вся вся кровь бросилась ему въ голову.

— Убью я его! едва выговорилъ онъ отъ прилива ярости. Свѣтицкій бросился къ стѣнѣ, сорвалъ съ нея саблю и хотѣлъ бѣжать къ двери, но Шилинъ заступилъ ему дорогу.

— Погодите, баринъ! Съ тѣмъ расчетъ не уйдетъ, сперва о Леонидѣ Николаевнѣ думать давайте!

— Гдѣ она можетъ быть?!

— Вотъ и помозгуемъ. Поѣдемте ко мнѣ, посидимъ, подождемъ, можетъ вернется еще она, а тамъ сообразимъ, что дѣлать...

Спокойствіе Шилина подѣйствовало на Свѣтицкаго. Онъ нахлобучилъ фуражку и вмѣстѣ съ Смарагдомъ Захаровичемъ на его же дрожкахъ поѣхалъ къ нему.

Шилинъ сейчасъ же послалъ работника за Стратилатомъ съ Агафономъ и Тихономъ; тѣ явились и, видя передъ собой офицера, кучкой остановились у двери. Хозяинъ сообщилъ имъ объ исчезновеніи Леониды Николаевны.

Стратилатъ даже присѣлъ отъ испуга; Тихонъ застылъ съ разинутымъ ртомъ, Агафонъ охнулъ такъ, что дрогнули стекла, и сжалъ кулаки.

— Пособите искать, други!.. закончилъ свои слова Шилинъ.

— Никто, какъ Пентауровъ — баринъ! вскрикнулъ, придя въ себя, Стратилатъ:—крестъ сыму, что онъ!

Мѣрявшій все время комнату изъ угла въ уголъ, сумрачный, что ночь, Свѣтицкій круто остановился.

— Слышишь? обратился онъ къ Шилину: — онъ, онъ это, каналья!

— Больше некому! кто жъ еще на такую пакость способенъ? отозвались Агафонъ и Тихонъ.

— Баринъ, не взыщите, что сядемъ при васъ... сказалъ Шилинъ — въ ногахъ правды нѣтъ, а подумать, какъ слѣдъ, время надо не мало!..

— Что вы, пожалуйста?.. пробормоталъ Свѣтицкій: —я у васъ гость, вы хозяинъ!

Долго совѣщалась, усѣвшись вокругъ стола, шилинская компанія.

Порѣшили прежде всего разузнать, не ѣздилъ ли кто-либо въ тотъ день въ Баграмово и не было ли съ проѣзжими чего подозрительнаго.

Стратилатъ и Агафонъ взялись обойти всѣ попутные дворы по улицамъ до лавокъ и развѣдать, не происходило ли на нихъ чего особеннаго. Тихонъ вызвался напоить Маремьяна до положенія ризъ и допытаться до истины: безъ его участія Пентауровъ обойтись никакъ не могъ.

Свѣтицкій не вмѣшивался и все ходилъ, прислушиваясь къ говорившимъ.

Окончивъ совѣтоваться, всѣ разошлись; прилегъ, не раздѣваясь, на диванчикъ и Смарагдъ Захаровичъ, а Свѣтицкій все шагалъ, и Шилинъ видѣлъ, что онъ, то останавливался передъ иконами, хваталъ себя за голову, бормоталъ молитвы и угрозы кому то и опять маятникомъ мотался отъ стѣны къ стѣнѣ.

ГЛАВА XXX.

Леня канула, какъ въ воду.

Помимо шилинской компаніи, весь гусарскій монастырь принялъ самое горячее участіе въ ея розыскахъ, но ни одна душа въ Рязани не видала и не слыхала въ день исчезновенія ни на улицахъ, ни во дворахъ ни шума, ни какой-либо сумятицы.

Отъ Московской заставы, миновать которую при

выѣздѣ изъ города было никакъ нельзя, отвѣтъ былъ полученъ самый неутѣшительный.

— Кажный день изъ пентауровскихъ кто-нибудь ѣздитъ! сказалъ Иванъ Семеновичъ:—ѣздитъ и ѣздитъ, намъ до того дѣла нѣтъ—мы глядѣть къ нимъ не лазимъ; все одно ничего не дадутъ—барскіе!

Самая неудачная попытка выпала на долю Тихона. Маремьянъ принялъ его приглашеніе „тарарахнуть“ съ нимъ, но оказался такимъ здоровымъ на выпивку, что Тихонъ, угощая его, „нажрался“, по его выраженію, самъ такъ, что едва добрался до дома, и тамъ получилъ урокъ добродѣтели отъ тятеньки, отпечатанный для памяти подъ обоими глазами.

А Леня между тѣмъ находилась очень близко отъ жилища Шилина, и пропажа ея произошла совсѣмъ просто.

Получивъ отвѣтъ отъ полиціи, что требуемая имъ дѣвка Леонидка имѣетъ вольную и потому водворена къ нему быть не можетъ, Пентауровъ прочиталъ полученную бумагу, затѣмъ перевернулъ ее обратной стороной, словно тамъ надѣясь найти что либо болѣе понятное, и долго глядѣлъ на нее выпученными глазами.

Вольную онъ самъ, собственными руками, спряталъ въ книги, и она должна была сгорѣть вмѣстѣ съ ними и съ домомъ. Если же она уцѣлѣла, значитъ, ее отыскала Людмила Марковна. Но вѣдь Лени при ней не было?! Кто же былъ съ ней въ кабинетѣ и передалъ потомъ Ленѣ документъ?

Степанъ Владиміровичъ вдругъ вспомнилъ, что при его бабушкѣ безотлучно находилась приживалка, и его осѣнила мысль, что это она передала Ленѣ бумагу и исчезнувшія деньги.

Онъ пришелъ въ ярость и приказалъ „притащить„ къ нему Марью Ивановну.

Марья Ивановна прикатилась горошкомъ. Съ самаго возвращенія изъ „счастливой“ поѣздки въ городъ она спала и видѣла, какъ бы поскорѣе разстаться съ Баграмовымъ, но боязнь подозрѣній заставляла ее сидѣть въ немъ. Зовъ барина встревожилъ ее, но она бы-

стро овладѣла собой и явилась съ умильнымъ и улыбающимся лицомъ.

— Ты была въ моемъ кабинетѣ съ бабушкой? спросилъ побурѣвшій отъ злости и волненія Пентауровъ.

— Я?! приживалка всплеснула руками и присѣла. —Да Господь разрази меня на этомъ мѣстѣ! Онѣ, покойница, однѣ туда ходили...

— Врешь, дряны!.. Крикнулъ Степанъ Владиміровичъ:—ты вмѣстѣ съ ней украла вольную Леньки, ты, собачья рожа, передала ее ей!

Марья Ивановна оскорбилась.

— Я дворянка, Степанъ Владиміровичъ, возразила она:—прошу васъ не оскорблять меня: для какихъ то дѣвокъ я красть ничего не стану!

— Врешь! Морду тебѣ изобью! съ пѣною у рта закричалъ Пентауровъ, наступая на нее.

Марья Ивановна попятилась къ двери.

— Этого не можете... я и сама дворянка!.. я производителю дворянства буду жаловаться!..

— Къ черту, къ самому дьяволу иди! вонъ сію же минуту! занеистовствовалъ, топая ногами, Степанъ Владиміровичъ.

Приживалка выюркнула за дверь.

— Не очень то боюсь! долетѣлъ оттуда ея голосъ: —производитель дворянства мнѣ знакомы!

Пентауровъ поднялъ кулаки и бросился за нею; Марья Ивановна, визжа, какъ подъ ножомъ, съ необычайной быстротой выскочила на дворъ.

Пентауровъ остановился на крыльцѣ, затѣмъ кинулся обратно въ домъ и, минуту спустя, изъ окна комнаты Марьи Ивановны вылетѣла пара ея башмаковъ, затѣмъ замелькали юбки, бѣлье, платье; черною птицей вынесся и распластался на травѣ салопъ, затѣмъ изъ окна показался край зеленаго сундука и раскраснѣвшееся отъ натуги лицо барина; онъ сдѣлалъ еще усиліе, щеки его раздулись, что подушки, и тяжелый сундукъ каменной глыбой бухнулся о земь и раскололся пополамъ; все содержимое его — тряпки, банки, бѣлье, пузырьки и всякая всячина посыпались во всѣ стороны.

Марья Ивановна впала въ бѣшенство.

— Жуликъ—самъ воръ—вольную укралъ!.. Разбойникъ! Все взыщу черезъ производителя! поднявъ кулаки вверхъ и, словно въ приступѣ буйнаго помѣшательства, выплясывая танецъ дикихъ, заголосила она среди дворни, высыпавшей со всѣхъ сторонъ и дивовавшейся на зрѣлище. — Лысый чертъ, жулябія! прокричала она въ заключеніе и пустилась бѣжать со двора, такъ какъ замѣтила, что ея врагъ метнулся изъ ея опустошенной комнаты въ корридоръ съ тѣмъ, чтобы погнаться за нею. На бѣгу она нагнулась, подхватила подолъ платья, гдѣ были зашиты у нея ея благопріобрѣтенныя въ Рязани деньги, и, убѣдившись, что онѣ цѣлы, понеслась на деревню.

Степанъ Владиміровичъ опомнился и потребовалъ къ себѣ Маремьяна.

— Желаешь получить вольную? спросилъ онъ, какъ только тотъ показался на порогѣ кабинета.

— Желаю-съ... произнесъ онъ, недоумѣвая, что все это значитъ.

— Завтра же чтобъ Ленька была у меня!

— То-есть, какъ же это-съ? Маремьянъ окончательно опѣшилъ.

— Какъ же, какъ же, а вотъ такъ же! съ сердцемъ воскликнулъ Пентауровъ: — все вамъ разъясняй, осламъ! На ручки возьми и принеси сюда изъ Рязани!

Маремьянъ понялъ.

— Тэкъ-съ... произнесъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу.—Скрасть, стало быть, ее требуется?

— Разумѣется. Вольную ея украла у меня и передала ей Марья Ивановна: я ее выгналъ за эго сейчасъ ко всѣмъ чертямъ. Ни лошадей давать, ни помогать этой паскудѣ чтобъ никто не смѣлъ.

— Слушаю-съ!

— А Ленькѣ я покажу, какъ красть вольныя! Она у меня попляшетъ!

— Осмѣлюсь спросить, опосля что съ ней дѣлать будете?

— Вышвырну—вотъ и конецъ!

Маремьянъ отрицательно качнулъ головой.

— Конца въ этомъ, баринъ, не видать-съ. Большая кляуза изъ того произойти можетъ!

— Вотъ еще? Изъ за дѣвки изъ за простой? Да у нея никого и знакомыхъ нѣтъ!

— Найдутся-съ... Кобельки то около нея уже бѣгаютъ. Первый Шилинъ, у котораго она пристала: — вредный мужчина-съ!

— Никого не боюсь! гордо, выпятивъ грудь, заявилъ Пентауровъ:—не доросъ еще какой то Шилинъ тягаться со мной! А выйдетъ что—денегъ не пожалѣю! Чертъ ее и все побери, а ужъ доѣду ее! Завтра же чтобъ была здѣсь!

— Дозвольте доложить-съ, не подойдетъ-съ... по старинному, разбоемъ брать не приходится—огласка на весь городъ выйдетъ!

— И не дѣлай огласки.

— Значитъ, по тайности заманить ее надоть-съ?..

— Замани по тайности.

— Время надобно-съ! И еще дозвольте доложить, лучше сразу не предоставлять ее сюда: — слѣдъ явный очень будетъ. Лучше вамъ какъ бы совсѣмъ въ сторонкѣ быть-съ... А черезъ недѣльку, какъ позабудутъ о ней, мы васъ съ ней и познакомимъ-съ!

Пентауровъ сообразилъ, что планъ приказчика былъ и осторожнѣе и лучше.

— Ну, что жъ... съ гримасой неудовольствія сказалъ онъ:—сдѣлай такъ!.. И онъ отпустилъ Маремьяна.

Получить вольную было давней мечтой того. Еще при жизни Владиміра Дмитріевича онъ прикопилъ порядочную сумму денегъ и разсчитывалъ выкупиться и выйти въ купцы. Смерть Пентаурова задержала исполненіе его желанія, и внезапное предложеніе Степана Владиміровича отпустить его даромъ очень пришлось по душѣ расчетливому приказчику.

Шевельнулась было въ немъ при выходѣ изъ багрaмовскаго дома совѣсть, но онъ сейчасъ же угомонилъ ее.—Пустое! подумалъ онъ и даже слегка махнулъ рукой:—отчего барину и не позабавиться?

Въ тотъ же день онъ выѣхалъ въ Рязань и всю дорогу обдумывалъ, какъ бы такъ обтяпать дѣльце, что-

бы, какъ бы ни повернулось оно, выйти самому сухимъ изъ воды.

Въ Рязани имѣлась у него родственница — вдова мѣщанина, имѣвшая собственный домикъ, и мысли Маремьяна обратились сперва къ ней: можно было заманить подъ какимъ нибудь предлогомъ Леню къ ней и тамъ выдержать ее, сколько потребуется. Но планъ этотъ Маремьянъ сейчасъ же нашелъ неподходящимъ: дѣвушка по освобожденіи отъ Пентаурова могла донести на эту женщину, и дѣло для нея и Маремьяна обернулось бы плохо.

Увозить изъ города дѣвушку не приходилось тоже: ее увидали бы всѣ дворовые и инвалиды на заставѣ.

— Куда же ее дѣвать? Гдѣ спрятать?

И вдругъ Маремьяна осѣнило: онъ вспомнилъ, что въ одномъ изъ глухихъ и запущенныхъ угловъ парка находится большой, закрытый со всѣхъ сторонъ павильонъ, уже много лѣтъ неотпиравшійся и никѣмъ непосѣщавшійся.

По пріѣздѣ въ Рязань онъ отправился будто бы въ театръ, а самъ свернулъ на одну изъ аллей и добрался по ней до павильона. Это было круглое зданіе, выстроенное въ видѣ китайской погоды. Кругомъ него густо разрослась сирень и, казалось, будто вылинявшая, желтая шляпа какого то великана была положена прямо на эти зеленые кусты. Маремьянъ отперъ ключомъ дверь и вошелъ во внутрь.

На него дохнуло затхлостью и тлѣніемъ. Оконъ внизу не имѣлось; вмѣсто нихъ, высоко наверху, подъ самымъ потолкомъ шли кругомъ всего павильона овалы со вставленными въ нихъ разноцвѣтными стеклами.

Внутри было довольно свѣтло. У одной изъ стѣнъ стояла кушетка съ прорванною обивкой, изъ которой виднѣлось мочало; вдоль другихъ большой столъ, стулья и кресла. На придѣланной къ стѣнѣ полкѣ лежали книги; нѣсколько штукъ ихъ въ кожаныхъ переплетахъ валялось на столѣ и на кушеткѣ.

Все было покрыто густымъ слоемъ пыли.

Маремьянъ оглядѣлъ помѣщеніе, испробовалъ прочность замка и двери и остался вполнѣ доволенъ.

Заперевъ опять павильонъ, онъ направился въ театръ къ единственнымъ оставшимся въ немъ жильцамъ Стратилату и Агафону и объявилъ имъ, что баринъ приказалъ немедленно очистить все зданіе.

— Какъ же такъ, Маремьянъ Васильевичъ? возразилъ Стратилатъ:—вы же сказывали, что онъ разрѣшилъ намъ здѣсь жить?

— Развѣ съ нимъ сговоришь? слегка разводя руками, отвѣтилъ Маремьянъ:—сегодня у него одно, завтра другое! Совсѣмъ сломать театръ хочетъ!

— Вотъ оно что... протянулъ Стратилатъ. — Намъ бы всего нѣсколько деньковъ перебыть, человѣчка одного подождать!

— А нѣсколько деньковъ и во флигелѣ можете: тамъ теперь горницъ много пустыхъ осталось, дворня почти вся въ Баграмово сведена!

— Вотъ и чудесно! воскликнулъ обрадованный Стратилатъ:—много вамъ благодарны, Маремьянъ Васильевичъ!

— Только перебирайтесь сейчасъ же! добавилъ тотъ:—неровенъ часъ пріѣдетъ сюда завтра утречкомъ, шуму не оберешься!

Сборы актеровъ были недолги; Маремьянъ заперъ за ними театръ на ключъ и пошелъ отводить Стратилату и Агафону новоселье.

Разумѣется, Пентауровъ и не думалъ отдавать какого либо распоряженія о театрѣ: очистка послѣдняго потребовалась самому Маремьяну для выполненія его плана.

Въ достопамятный день Леня вышла изъ домика Шилина и только что поровнялась съ длиннымъ заборомъ, тянувшимся сейчасъ же за домомъ, она замѣтила, что дверь театра пріоткрылась и изъ нея выбѣжала надавно выздоровѣвшая Антуанетина. Леня узнала ее и остановилась.

— Барышня, бѣда у насъ! воскликнула та, догоняя Леню.

— Что случилось? съ легкимъ испугомъ спросила Леня:—такъ было правдоподобно волненіе Антуанетиной.

— Елизаветина помираетъ... на сценѣ упала, корчитъ ее всю!.. милая, взгляните... не знаемъ что дѣлать!

Леня поспѣшила въ театръ.

Только что она вошла черезъ вторую дверь и очутилась въ полусумеркахъ въ проходѣ между кулисами, съ боковъ разомъ выступили двое дюжихъ людей, накинули ей на голову и на лицо большой платокъ, и черезъ нѣсколько минутъ напрасно пытавшаяся биться и кричать Леня была водворена и заперта въ павильонѣ.

ГЛАВА XXXI.

Прошло два дня,

Стратилатъ съ Агафономъ заглянули даже въ Багрaмово, якобы въ гости къ своей знакомой Дашѣ, но Лени не отыскалось и тамъ. Ночью они забрались черезъ садъ на балконъ и отворили дверь въ залъ: какъ и всегда, она стояла незапертой.

Убѣдившись, что весь домъ спитъ, „отчаянный" Стратилатъ оставилъ въ залѣ Агафона, шепнувъ ему, чтобы въ случаѣ чего тотъ выручалъ его, а самъ пробрался по корридору, выходившему, какъ онъ зналъ, въ дѣвичью, но сколько ни вслушивался въ тишину у дверей боковыхъ комнатъ—не только плача, но и рѣшительно никакихъ звуковъ ухо его не улавливало.

Наткнувшись въ полной тьмѣ на перила и ощупавъ ихъ, онъ сообразилъ, что передъ нимъ была лѣстница наверхъ.

Осторожно, задерживаясь на каждой ступенькѣ, чтобы трещанье ихъ походило на обычное ночное потрескиванье половъ и мебели, онъ взобрался по ней до самаго конца и остановился: идти дальше среди непроницаемой темноты и не зная расположенія комнатъ было невозможно.

И тамъ, сколько ни напрягалъ свой слухъ Стратилатъ, подозрительнаго ничего не было.

Онъ такъ же тихо спустился внизъ, выбрался въ залу и вернулся вмѣстѣ съ Агафономъ въ сѣнной сарай, на ночевку, въ который они были допущены по просьбѣ Даши.

Утромъ они собрались уже уходить въ городъ, когда изъ окна людской вдругъ увидали показавшуюся въ воротахъ вороную четверню; въ коляскѣ сидѣлъ офицеръ въ голубомъ мундирѣ.

— А вѣдь это никакъ нашъ молодчикъ? проронилъ Стратилатъ, не сводя глазъ съ подъѣхавшей къ дому коляски.

— Онъ! отозвался Агафонъ.

Стратилатъ многозначительно глянулъ на друга и поджалъ губы.—А ну-ка, милочка! обратился онъ къ сидѣвшей съ ними Дашѣ:—узнай, зачѣмъ этотъ офицеръ пріѣхалъ—оченно мы съ Агашей любопытны? Да ты летомъ, Дарья Прекрасная!

Онъ щипнулъ ее, и та, сіяя отъ тонкаго обращенія своихъ гостей, унеслась изъ людской.

—.Не иначе, какъ за хвостъ да объ уголъ хватить его пріѣхалъ! сказалъ Стратилатъ.

— Такъ и надо!.. что отдаленный громъ, отвѣтилъ Агафонъ.

Пентауровъ находился въ самомъ пріятномъ настроеніи. Маремьянъ донесъ ему, что затѣя его удалась блестяще, птичка сидитъ въ клѣткѣ и всѣ слѣды заметены совершенно.

Оставалось подождать еще пару — другую деньковъ, а тамъ, на этомъ самомъ верху появится Ленька, и тогда...

Степанъ Владиміровичъ начиналъ съ блаженнымъ видомъ посвистывать, мылить руки и напѣвать романсы.

Въ это время лакей доложилъ ему, что пріѣхалъ гость—офицеръ, господинъ Свѣтицкій.

— Очень радъ, проси въ гостиную! отвѣтилъ онъ лакею.—Свѣтицкій, какой такой Свѣтицкій? думалъ онъ, спускаясь за лакеемъ внизъ:—чѣмъ онъ тутъ свѣтитъ?! и онъ даже хохотнулъ отъ игривости собственнаго ума.

—Очень пріятно, что собрались навѣстить отшельника! началъ онъ съ покровительственно-пріятнымъ видомъ вельможи, входя въ гостиную, гдѣ у окна стоялъ молодой гусаръ. И Пентауровъ протянулъ руку, но она осталась непринятой.

Тутъ только Степанъ Владиміровичъ разсмотрѣлъ, что лицо его гостя не румянѣе бѣленой стѣны и глаза у него, что угли.

— Гдѣ Леонида Николаевна? спросилъ Свѣтицкій, какъ будто спокойно, но съ такой ноткой въ голосѣ, которая ничего добраго не предвѣщала.

Степанъ Владиміровичъ даже похолодѣлъ отъ неожиданности.—А вамъ какое дѣло? проговорилъ онъ, пятясь къ двери.

— Отвѣчайте или на мѣстѣ изрублю! начиная тяжело дышать, негромко произнесъ гость.

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ?.. Я ничего не знаю!.. пробормоталъ Пентауровъ: — какое мнѣ дѣло? Это странно... врываетесь въ домъ!..

— Лжешь! вдругъ такъ крикнулъ Свѣтицкій, что люди, стоявшіе около лошадей, услышали и оглянулись на открытыя окна гостиной. — Лжешь, мерзавецъ! Гдѣ она?! гусаръ вырвалъ изъ ноженъ лязгнувшую саблю и кинулся на Степана Владиміровича; тотъ успѣлъ выскочить за дверь, захлопнуть ее за собой и съ крикомъ— „эй, люди, люди!“ зайцемъ понесся по корридору.

Свѣтицкій наткнулся на дверь и нѣсколько опомнился. Съ минуту онъ простоялъ, распахнувъ ее, на порогѣ и глядѣлъ помутившимся взглядомъ въ корридоръ, затѣмъ, держа обнаженную саблю въ рукѣ, пошелъ въ залъ, а оттуда по всѣмъ комнатамъ, ища Леню.

Навстрѣчу ему выскочило нѣсколько лакеевъ; за ними виднѣлись перепуганныя лица горничныхъ и самого Пентаурова.

— Берите его! Вонъ тащите! кричалъ онъ, толкая въ шею и спины дворовыхъ, но тѣ, видя саблю въ рукѣ офицера, кто попятился назадъ, кто жался къ стѣнкѣ.

Свѣтицкій шелъ, по очереди распахивая всѣ двери и заглядывая въ каждую комнату; одна изъ дверей ока-

залась почему-то запертой, онъ вышибъ ее ударомъ ноги и вошелъ въ спальню Пентаурова.

Черезъ минуту онъ показался обратно, и вся толпа, подавшаяся было къ той комнатѣ, шарахнулась назадъ.

— Это сумасшедшій! Вяжите его! неистовствовалъ Пентауровъ, колотя сзади своихъ людей, но броситься на гусара, шедшаго на нихъ словно на пустое мѣсто, никто не осмѣливался; онъ молча продолжалъ свой осмотръ.

Степанъ Владиміровичъ метнулся въ одну изъ комнатъ и выскочилъ оттуда съ пистолетомъ рукѣ.

— Уходите! Стрѣлять буду! крикнулъ онъ, наведя дуло на Свѣтицкаго. Тотъ глянулъ въ его сторону и пошелъ прямо на него.

Грохнулъ выстрѣлъ. Сквозь дымъ видно было, что гусаръ сдѣлалъ еще шагъ, затѣмъ выпустилъ изъ руки саблю и тяжело рухнулъ на полъ.

Все, что было живого въ корридорѣ, кромѣ самого Пентаурова, ринулось бѣжать.

— Куда вы? Назадъ! закричалъ онъ:—назадъ всѣ.

На выстрѣлъ первымъ вскочилъ въ корридоръ черезъ залъ Илья, за нимъ Стратилатъ съ Агафономъ; всѣ трое бросились къ лежавшему.

— Это вы что же, живыхъ людей стрѣлять вздумали? угрожающе произнесъ Илья, ставъ на колѣни около своего барина и проворно разстегивая залитую кровью венгерку; Свѣтицкій лежалъ безъ чувствъ со сквозной раной въ серединѣ плеча.

— Онъ сумасшедшій! Онъ убить меня хотѣлъ! воскликнулъ, потрясая еще дымящимся пистолетомъ, Пентауровъ.

— И слѣдовало бы! отозвался Стратилатъ. — Баринъ еще называется, тьфу! онъ плюнулъ чуть не въ самаго Пентаурова.

— Къ черту изъ моего дома убирайтесь! заоралъ Пентауровъ—Тащите офицера, а этихъ въ шею вытолкать! обратился онъ къ возвратившимся своимъ дворовымъ.

Агафонъ ухватилъ валявшуюся на полу саблю Свѣтицкаго.

— А ну-ка, попробуйте?! прогрохоталъ онъ, выпрямившись во весь ростъ и поднявъ саблю надъ головой.

Толпа опять ухнула назадъ.

Илья со Стратилатомъ бережно подняли раненаго и охраняемые Агафономъ вынесли его на дворъ и посадили въ коляску; по бокамъ, поддерживая его, помѣстились Стратилатъ и Илья, Агафонъ взобрался на козлы, и четверикъ во весь духъ помчалъ ихъ въ Рыбное, гдѣ Илья разсчитывалъ найти немедленную помощь своему барину.

Нечего и говорить, какъ приняли ихъ въ домѣ Степниныхъ.

Раненаго помѣстили въ бывшей комнатѣ Ани, перевязали, какъ могли и тотчасъ же, на свѣжихъ лошадяхъ, отправили Агафона и Стратилата въ городъ за докторомъ; Илья остался при своемъ баринѣ.

— Вотъ, братъ, какъ мы нынче — на четверикахъ стали ѣздить! сказалъ Стратилатъ, не безъ удовольствія развалясь въ покойной колескѣ: — оно, пожалуй, лучше чѣмъ на своихъ на двоихъ отплясывать?

Въ Рязани захвативъ доктора, коляска уѣхала обратно, а Стратилатъ побѣжалъ въ гусарскій монастырь.

Новость и неизвѣстныя до тѣхъ поръ никому подробности о дѣлѣ Лени, переданныя Стратилатомъ, ошеломили его обитателей. Костицъ въ ту же минуту приказалъ запрягать лошадей и, спустя полчаса, пара троекъ понесла четырехъ офицеровъ въ Рыбное.

Тамъ былъ уже докторъ, только что успѣвшій осмотрѣть и перевязать, какъ слѣдуетъ, Свѣтицкаго. Рана, по его словамъ, была бы изъ опасныхъ; пуля, по счастью, прошла ниже костей и не раздробила ни одной изъ нихъ.

Свѣтицкій, совершенно ослабѣвшій отъ большой потери крови, былъ въ сознаніи, когда въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, осторожно, на носкахъ вошли въ сопровожденіи Шемякина его товарищи. Ихъ встрѣтилъ неподвижный взглядъ Свѣтицкаго. Лицо его было строго и блѣдно, какъ у мертвеца.

Изъ двери выглянули разстроенныя лица Сони и Плетнева.

— Что, сыне? пошутилъ Костицъ: — откупорили тебя, какъ бутылочку? Какъ себя чувствуешь?

— Ничего... проговорилъ раненый и закрылъ глаза.

Гусары постояли около постели и отошли къ окну.

— Такъ это оставить нельзя! волнуясь, шопотомъ заговорилъ Курденко: — я сейчасъ поѣду вызову его. Черезъ платокъ съ нимъ стрѣляться буду!

— Съ убійцами не стрѣляются, ихъ нагайками лупятъ... сквозь зубы процѣдилъ Радугинъ.

— Взять эскадронъ и разметать по бревну все поганое гнѣздо! предложилъ Возницынъ. — Что же это такое: вѣдь это же разбой былъ?!

— Дѣло! закрутивъ усъ, согласился Костицъ:—надо проучить подлеца, какъ слѣдуетъ!

— Нѣтъ... проговорилъ сзади нихъ слабый, но твердый голосъ.

Всѣ повернулись. Свѣтицкій глядѣлъ на нихъ упорнымъ взглядомъ:—не вы... я, только я... онъ замолчалъ.—Я самъ убью его... продолжалъ онъ, собравшись съ силами.—Вызовите его сейчасъ же... сегодня... я встану скоро... черезъ два дня... я здоровъ... Самъ хочу!.. Голова его вдругъ поникла, глаза потухли, и онъ потерялъ сознаніе.

— Господа, мы его волнуемъ, уйдемте отсюда... сказалъ Шемякинъ.

Всѣ гуськомъ попрежнему выбрались изъ комнаты въ гостиную, гдѣ и продолжали совѣщаніе.

Свѣтицкій такъ опредѣленно и настойчиво заявилъ о своей волѣ, что идти наперекоръ ей было неудобно.

— Что жъ, подождемъ... сказалъ нѣсколько раздосадованный Курденко: — пусть стрѣляется первымъ! А я вторымъ, если понадобится, буду!

— Я третьимъ! подхватилъ Возницынъ.

— Стой! воскликнулъ, поднявъ руку, какъ на эскадронномъ ученьи, Костицъ:—типунъ вамъ на языкъ! Что вы неудачу накликаете? Понадобится очередь—дѣло за нами не станетъ!

Рѣшено было, что старшіе—Костицъ и Возницынъ немедленно же отправятся въ Баграмово и отъ имени всего полка потребуютъ объясненія происшедшаго, въ случаѣ малѣйшей вины Пентаурова, вызовутъ эскадронъ и разнесутъ весь домъ, а его самого на веревкѣ отведутъ въ Рязань, какъ простого убійцу.

Если же дѣло съ выстрѣломъ обстояло иначе, а не такъ, какъ разсказывали Стратилатъ и Илья — ограничатся вызовомъ его отъ всѣхъ офицеровъ эскадрона.

Захвативъ съ собой Илью, которому, на случай посылки его въ Рязань за гусарами, Шемякинъ приказалъ дать верховую лошадь, Костицъ съ Возницынымъ на своей тройкѣ поскакали въ Баграмово.

Пентауровъ, нѣсколько поуспокоившись послѣ событій того дня, сначала героемъ разгуливалъ по всему дому, но затѣмъ сталъ тревожиться и даже мало по малу обуреваться страхомъ.

— Будь этотъ дуракъ штатскій—размышлялъ онъ, поглядывая то въ то, то въ другое окно—не ѣдетъ ли къ нему еще кто-нибудь: — плевать бы я на него хотѣлъ! не я, а онъ ко мнѣ прилѣзъ! А у этого товарищи есть, гусары, народъ отчаянный... Чертъ ихъ знаетъ, что ждать надо!

На всякій случай онъ обыскалъ весь домъ, нашелъ пару заржавленныхъ пистолетовъ и столько же сабель и вооружилъ ими дворовыхъ. Свой пистолетъ, привезенный имъ изъ Петербурга и снова заряженный имъ, онъ положилъ на столѣ у двери въ гостиную и прикрылъ его сверху парой книгъ, попавшихся ему подъ руку.

Вдругъ ухо его уловило звонъ приближавшагося колокольчика. Онъ подбѣжалъ къ окну и увидалъ, что во дворъ верхомъ на буланомъ конѣ внесся гусаръ, за нимъ показались сѣрая тройка и экипажъ съ двумя незнакомыми въ голубыхъ ментикахъ.

Пентауровъ бросился въ дѣвичью, гдѣ по его приказу сидѣли вооруженные саблями и пистолетами дворовые, вызвалъ ихъ въ корридоръ и сталъ позади нихъ около двери въ гостиную.

Въ залѣ послышалось мѣрное бряцаніе шпоръ; тяжелые шаги остановились посреди нея.

Въ корридоръ влетѣлъ перепуганный лакей.

— Баринъ, пріѣхали! просипѣлъ онъ, словно только что смертельно простудившись въ залѣ.

— Зачѣмъ? такъ же сипло спросилъ Пентауровъ, не выходя изъ засады.

— Не знаю.., васъ видѣть хотятъ!

— Спроси зачѣмъ?

Лакей исчезъ, и черезъ секунду раздался львиный рыкъ Возницына:—видѣть его желаемъ... чортъ!

Лакей, какъ овца отъ волка, шарахнулся назадъ.

— А ви-ви-ви... только и могъ доложить онъ Пентаурову.

— Идите всѣ... иди!.. пробормоталъ Пентауровъ, толкая впередъ свою охрану.

Въ дверяхъ залы она остановилась, и гусары увидѣли четверыхъ вооруженныхъ дѣтинъ, за которыми свѣтилась багровая плѣшь, достававшая имъ только до плечъ.

— Что вамъ угодно? спросила плѣшь; плечи дворовыхъ раздвинулись, и между ними показалось лицо хозяина.

— Вы господинъ Пентауровъ? спросилъ Костицъ.

— Я!

Костицъ закрутилъ усъ и съ пренебреженіемъ поглядѣлъ на него.—Не угодно ли вамъ выйти поближе: васъ никто не тронетъ!

— Я, знаете ли, невиноватъ, что я васъ такъ встрѣчаю! заговорилъ Пентауровъ; отсутствіе въ рукахъ прибывшихъ оружія и обѣщаніе „не трогать" придали ему храбрости, и онъ выбрался изъ за спинъ тѣлохранителей.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

— Съ представителями Бѣлоцерковскаго гусарскаго полка.. сухо отвѣтилъ Костицъ: — мы прибыли сюда требовать отъ васъ объясненія по поводу происшествія съ нашимъ товарищемъ.

— Господа, мнѣ ужасно непріятно, я страшно огорченъ тѣмъ, что случилось! воскликнулъ, захлебы-

ваясь отъ волненія, Пентауровъ.—Но вѣдь я же невиноватъ: онъ явился...

— Не онъ, а господинъ Свѣтицкій!.. ледянымъ тономъ поправилъ его Возницынъ.

— Да, конечно, господинъ Свѣтицкій пріѣхалъ ко мнѣ въ возбужденномъ состояніи, гонялся за мной съ саблей въ рукѣ, вотъ спросите всѣхъ ихъ!

— Если говорятъ съ дворянином, холуевъ не опрашиваютъ... попрежнему произнесъ Возницынъ.

— Ну, да; господинъ Свѣтицкій пріѣхалъ требовать у меня мою бывшую дѣвку...

— Не дѣвку, Леониду Николаевну, свою невѣсту!

Пентауровъ, точно отъ удара по лбу, раскрылъ ротъ и заморгалъ глазами.

— Вотъ что?! протянулъ онъ, ошеломленный такою вѣстью.—Да я то же при чемъ здѣсь? Я ея не видалъ и ничего не знаю! Отецъ отпустилъ ее на волю, она куда то исчезла, мнѣ то какое дѣло до всего этого?!

— Можете дать въ этомъ слово? спросилъ Костицъ,

— Разумѣется! выкрикнулъ Пентауровъ:—два, три слова даю, что ея нѣтъ у меня! И никуда я не увозилъ ея и не видалъ ея! Обыщите весь домъ, всѣ строенія, пожалуйста, я къ вашимъ услугамъ!

Гусары взлянули другъ на друга.

— Значитъ, даете слово, что вы Леониды Николаевны не похищали? сказалъ Костицъ.

— Честное слово, не похищалъ!

— Потрудитесь тогда изложить обстоятельства, при какихъ вы ранили нашего товарища.

— Онъ, т. е., господинъ Свѣтицкій, пріѣхалъ ко мнѣ, я встрѣтилъ его, какъ гостя, а онъ сразу, какъ на лакея, закричалъ на меня, сталъ требовать отъ меня Леониду Николаевну... Но гдѣ же я ее возьму? Ея нѣтъ у меня! Онъ выхватилъ саблю и на меня; я безоружный былъ, бросился бѣжать; конечно, онъ за мной, по всѣмъ комнатамъ. Я схватилъ пистолетъ и выстрѣлилъ, господинъ Свѣтицкій упалъ. Вотъ и все! Не могъ же я дѣйствовать иначе, когда его сабля уже два раза свистнула надъ моей головой, и я едва успѣлъ увернуться?.. Вѣдь

онъ хотѣлъ убить меня, это нападеніе было, я защищался!..

Гусары опять обмѣнялись взглядами.

— Точность разсказа тоже подтверждаете дворянскимъ словомъ? спросилъ Костицъ.

— Разумѣется!

— Долженъ предупредить васъ, что если въ ваши слова вкралась хоть малѣйшая неточность, которую не подтвердитъ по выздоровленіи нашъ товарищъ, разговоръ у насъ съ вами будетъ короткій! произнесъ Костицъ.—А пока, въ ожиданіи этого выздоровленія, не откажите не покидать губерніи: мы уполномочены передать вамъ вызовъ всѣхъ господъ офицеровъ второго эскадрона!

— Но позвольте, за что же? Зачѣмъ? пролепеталъ, измѣнившись въ лицѣ, Пентауровъ:—я же не сбижалъ, не оскорблялъ никого?!

— Мы присланы не разсуждать, а исполнять порученіе! отвѣтилъ Костицъ. — Еще разъ, во избѣжаніе излишнихъ непріятностей, предлагаемъ вамъ здѣсь дождаться выздоровленія господина Свѣтицкаго: онъ первый будетъ стрѣляться съ вами!

Гусары брякнули шпорами, сдѣлали видъ, что кланяются и пошли къ выходу.

Пентауровъ остался съ раскрытымъ ртомъ и безпомощно повисшими руками.

— Понимаешь ты тутъ что-нибудь? спросилъ по дорогѣ въ Рыбное Костицъ.

— А ни чертусеньки! отвѣтилъ, мотнувъ головой, Возницынъ:—сдается, не погорячился ли нашъ молодецъ?

— Похоже... проронилъ Костицъ.

— Съ вызовомъ то, пожалуй, лучше бы было подождать?

— Ни въ коемъ случаѣ! отвѣтилъ Возницынъ, кладя длинныя ноги на переднее сидѣнье:—слишкомъ большой убытокъ Его Величеству будетъ, если всякій у себя въ домѣ изъ насъ тиръ начнетъ устраивать!

Въ Рыбномъ ихъ ждали съ нетерпѣніемъ.

Раненый былъ въ забытьи; всѣ собрались на балконѣ, гдѣ Костицъ и Возницынъ передали всѣ слова и увѣренія Пентаурова.

— Онъ далъ честное слово, что онъ не при чемъ? переспросилъ Шемякинъ.

— Нѣсколько разъ даже...

— Знаете, господа, я прямо отказываюсь вѣрить всей этой исторіи! воскликнулъ Шемякинъ, обращаясь ко всѣмъ гусарамъ:—все это совершенно не укладывается въ моемъ мозгу! Ну, зачѣмъ ему было бы нужно это похищеніе, какой смыслъ въ немъ?!

— А тотъ смыслъ, что Леонида Николаевна понравилась ему, и онъ двинулъ маршъ—маршемъ! отвѣтилъ Курденко.

Онъ нагнулся и на ухо передалъ Шемякину всѣ подробности. Тотъ слушалъ, склонивъ голову и закусивъ губу.

— Но вѣдь онъ же дворянинъ, онъ далъ слово? возразилъ онъ.

— А я ему не вѣрю...

— Нѣтъ, это невозможно! Нашъ милѣйшій Дмитрій Назаровичъ немножко кипятокъ — вотъ и причина всего! Укралъ Леониду Николаевну кто нибудь другой! Шемякинъ говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

— И я теперь того же мнѣнія... проговорилъ Возницынъ.—Пострѣляться съ Пентауровымъ для порядку слѣдуетъ, но въ пропажѣ Леониды Николаевны виноватъ не онъ!

— Главное—Священное Писаніе не забывать! проронилъ Радугинъ: око за око, зубъ за зубъ!

— Кто правъ—кто виноватъ,—это увидимъ потомъ! сказалъ Костицъ:—пока мы сдѣлали все, что должны были сдѣлать. А теперь, господа, я думаю, мы такъ надоѣли нашимъ милымъ хозяевамъ, что не пора ли отправляться во-свояси?

Гусары начали было прощаться, но ихъ не пустили, а такъ какъ изъ за суматохи никто не обѣдалъ, то около пяти часовъ дня подали второй обѣдъ.

Передъ сладкимъ блюдомъ нежданно для гусаръ

на огромномъ подносѣ одинъ изъ лакеевъ внесъ длинные бокалы и сталъ разставлять ихъ передъ приборами.

Сонечка, помѣщавшаяся между Курденко и Плетневымъ, поглядѣла на нихъ, затѣмъ на бабушку и вдругъ начала пунцовѣть.

Степнина сидѣла и улыбалась.

Лакеи подали и начали откупоривать бутылки съ шампанскимъ.

Степнина подняла свой бокалъ, желтымъ бриллiантомъ заискрившiйся отъ пронизавшаго его луча солнца.

— Господа! сказала она, обращаясь къ гусарамъ:— не все печальное и дурное на свѣтѣ, есть хорошее! Вы попали къ намъ на семейную радость и должны выпить съ нами за жениха и невѣсту.

Она указала бокаломъ на Соню и Плетнева.

Начались поздравленiя.

— Такъ бы крикнулъ ура въ вашу честь, что всѣ листья облетѣли бы въ саду! сказалъ чокаясь съ Соней Возницынъ:—да нельзя! онъ кивнулъ головою на домъ, гдѣ находился Свѣтицкiй.

— Бабушка, а нельзя сказать „горько"? съ видомъ воплощенной наивности спросилъ Шемякинъ.

— Ну тебя, молчи, безпутный! отвѣтила Степнина: —это только послѣ вѣнца цѣлуются!

— Бабушка, а я видѣлъ, какъ они и до вѣнца сегодня утромъ на балконѣ цѣловались! тѣмъ же тономъ продолжалъ Шемякинъ:—горько!

— Горько, горько! при общемъ смѣхѣ подхватили гусары.

Соня покраснѣла до самыхъ волосъ, вскочила и убѣжала изъ за стола. За ней, смущенно улыбаясь, поспѣшилъ Плетневъ.

— Видишь, озорникъ, что сдѣлалъ—смутилъ бѣдную дѣвочку?...

— Ничего, бабушка, я ихъ сейчасъ приведу! Шемякинъ всталъ и отправился въ домъ. Черезъ минуту онъ вернулся, ведя, обнявъ одной рукой за талiю Соню, другой жениха.

— Господа, прошу больше не приставать къ нимъ!

сдѣлавъ строгое лицо, возгласилъ онъ:—они тамъ уже поцѣловались—и будетъ съ васъ!

— Неправда, неправда! воскликнула Соня.

— Не обращай на него вниманія! вступилась за сестру Аня:—онъ извѣстный врунишка!

Обѣдъ кончился весело, и послѣ него гусары уѣхали въ Рязань.

О перевозѣ туда же Свѣтицкаго Степнина не хотѣла и слушать, и онъ остался вмѣстѣ съ Ильей на попеченіи хозяекъ въ Рыбномъ.

ГЛАВА XXXII.

Пока Стратилатъ бѣгалъ въ монастырь и оповѣщалъ гусаровъ, Агафонъ сидѣлъ у Шилина и разсказывалъ ему о случившемся.

Шилинъ хлопнулъ себя руками по бокамъ.

— Вотъ несчастіе! проговорилъ онъ. — Живъ будетъ ли?

Агафонъ молча пожалъ плечами.

— А слѣда Леониды Николаевны въ Баграмовѣ нѣтъ?

— Нѣтъ! И въ домъ ночью лазали—нѣтъ.

Шилинъ въ раздумьи заходилъ по горницѣ.

— Вотъ вѣдь, не иголка человѣкъ — а пропалъ! проронилъ онъ вслухъ.

— Театръ оглядѣть бы... молвилъ вдругъ Агафонъ, сидѣвшій у окна и смотрѣвшій на пустынную улицу и паркъ Пентаурова.—Насъ изъ него выселили, а ломать его не ломаютъ!

Шилинъ остановился.

— А и впрямь! Когда Леонида Николаевна пропала:—до вашего ухода изъ театра, или послѣ?

— Послѣ...

— Надо осмотрѣть!..

Агафонъ всталъ и взялся за шапку.

— Ты куда? спросилъ Шилинъ.

— А въ театръ.

— А ключъ? онъ вѣдь запертъ?

— Я черезъ паркъ: сзади оконце есть низкое — выну раму и конецъ!

— Смотри поаккуратнѣе! напутствовалъ его Шилинъ, затѣмъ сѣлъ у окошка и сталъ слѣдить за дѣйствіями Агафона.

Тотъ, сойдя съ крыльца, пересѣкъ улицу и пошелъ вдоль забора, ограждавшаго паркъ. Шаговъ черезъ сорокъ онъ оглянулся, затѣмъ быстро нагнулся, шире отодралъ одну изъ отставшихъ отъ столба досокъ и пролѣзъ въ образовавшееся отверстіе.

Въ тѣнистомъ паркѣ было тихо и пусто.

Агафонъ, озираясь, добрался до театра, убѣдился, что онъ запертъ и, доставъ изъ за голенища сапога короткій и широкій ножъ, подошелъ къ окну. Рама держалась на однихъ гвоздяхъ; Агафонъ отогнулъ ихъ, всунулъ въ щель ножъ и легко вынулъ ее изъ гнѣзда.

На случай чьего либо прохода мимо, чтобы не бросилась въ глаза стоящая у стѣны рама, онъ всунулъ ее въ окно, поставилъ внутри зданія и затѣмъ самъ послѣдовалъ за нею.

Мертвая тишина охватила его въ театрѣ. Чтобы не такъ трещалъ полъ, Агафонъ снялъ сапоги и, держа въ одной рукѣ ихъ, а въ другой ножъ, прошелъ по коридору къ уборнымъ; двери ихъ были распахнуты настежь и кромѣ бѣлѣвшихъ среди сумерекъ табуретовъ и столиковъ, ничего въ нихъ не было. Помимо уборныхъ, въ театрѣ имѣлись комнаты, гдѣ хранились разныя вещи и костюмы; на двери одной изъ нихъ рука Агафона нащупала висѣвшій замокъ.

Съ сильно забившимся сердцемъ Агафонъ постучалъ въ дверь, затѣмъ выждалъ и постучалъ сильнѣе. Отвѣта не было. Тишина за ней стояла такая же, что и во всемъ зданіи.

Агафонъ поспѣшилъ на сцену, отыскалъ палку, при помощи ея выдернулъ пробой изъ двери и вошелъ въ костюмерную. Тамъ вдоль стѣнъ висѣли парики и разноцвѣтные камзолы, колеты и платья дамъ, рыцарей и вельможъ; на столѣ грудой лежали мечи и шпаги; сверху нихъ тускло посвѣчивала корона, такъ недавно украшавшая головы Вольтерова и Македонскаго.

Двери въ другія комнаты были незаперты: въ нихъ тѣснилась всякая мебель... Леониды Николаевны не было...

Агафонъ обошелъ весь театръ, заглянулъ въ каждый уголъ и остановился въ раздумьи у рампы близъ чернаго провала въ зрительный залъ. Потомъ онъ повернулся лицомъ ко входу и на болѣе свѣтлой полосѣ прохода отъ двери увидалъ на полу у самой кулисы какой то сѣрый комочекъ.

Агафонъ направился туда и поднялъ его. Комочекъ оказался батистовымъ носовымъ платкомъ. Не было сомнѣнія, что никому изъ актеровъ или актрисъ онъ принадлежать не могъ. Чей же онъ? Какъ попалъ на сцену?

Агафонъ спряталъ странную находку за пазуху и, размышляя о ней, тщательно осмотрѣлъ весь проходъ, а затѣмъ и самый подъѣздъ, но болѣе ничего не отыскалось.

Тѣмъ же путемъ онъ выбрался въ корридоръ и уже хотѣлъ вылѣзать изъ окна, какъ вдругъ увидалъ Антуанетину, Она шла прямо къ театру,

Въ мановеніе ока Агафонъ присѣлъ на карточки и, подавшись въ бокъ, сталъ слѣдить за дѣвушкой.

Въ рукахъ она несла что то завернутое въ клѣтчатый платокъ: походило будто въ немъ была чашка либо миска. Немного позади Антуанетиной неторопливо выступалъ приказчикъ.

Не дойдя до театра, они свернули влѣво и скрылись въ аллеѣ; Агафонъ, перебѣжавшій на другую сторону окна, замѣтилъ, что Маремьянъ раза два оглянулся, словно опасаясь, какъ бы за ними не подглядѣли.

Агафонъ торопливо натянулъ сапоги и, благодаря себя въ душѣ за предусмотрительность съ рамой, выбрался наружу. Прячась за вѣковыми деревьями, онъ побѣжалъ за прошедшими.

Аллея, на которую они свернули, упиралась въ густые кусты и, какъ будто, кончалась тамъ; подобравшись еще ближе, Агафонъ увидалъ, что это только такъ казалось: паркъ тянулся дальше кустовъ, а въ нихъ затаилась какая то бѣсѣдка съ чудною крышей.

Агафону слышно было, какъ звякнули ключи; двери ему видно не было, она находилась гдѣ то сбоку, но онъ ясно слышалъ, какъ она заскрипѣла на петляхъ, когда ее отворили.

Почти сейчасъ же она опять затворилась. Агафонъ бросился на землю въ густые лопухи и изъ нихъ видѣлъ, какъ мимо него, всего шагахъ въ десяти, прошли обратно тѣ же двое лицъ: въ рукахъ Антуанетиной уже ничего не было.

— Иди домой! услыхалъ Агафонъ слова Маремьяна, обращенныя къ дѣвушкѣ: — я еще здѣсь похожу, огляжу кое-что...

Антуанетина повернула въ боковую аллею, а Маремьянъ направился къ театру.

Агафонъ вскочилъ на ноги и бѣгомъ бросился къ забору. У задней аллеи, прежде чѣмъ перебѣжать дорожку, онъ выглянулъ изъ за дерева и, увѣрясь въ томъ, что Маремьяна не видно, — двумя прыжками перескочилъ черезъ нее и прежнимъ порядкомъ попалъ на улицу.

— Однако жъ ты долго! встрѣтилъ его Шилинъ, какъ только онъ показался въ дверяхъ.

Агафонъ вынулъ платокъ и передалъ его Смарагду Захаровичу.

— Глядите, что я въ театрѣ нашелъ!

Шилинъ развернулъ платокъ, и оба разомъ замѣтили на немъ вышитую гладью букву „Л“.

— Ея! воскликнулъ Шилинъ. — На слѣду мы, парены!

Агафонъ передалъ ему все дальнѣйшее.

— Ну, такъ и есть! возбужденно заговорилъ Смарагдъ Захаровичъ:—никто какъ она въ этой бесѣдкѣ у нихъ!

Въ горницу вошелъ съ озабоченнымъ лицомъ Стратилатъ и бросилъ свою шапченку въ уголъ.

— Иль что новое есть? спросилъ онъ, вдругъ замѣтивъ что то особенное въ своихъ пріятеляхъ.

Ему показали платокъ и сообщили все только что происшедшее. Стратилатъ шлепнулъ себя ладонью по лбу.

— Какъ пить дать, Леонида Николаевна тамъ! За сто верстъ киселя хлебать бѣгали, а подъ носомъ и не посмотрѣли?!

— Оно такъ всегда бываетъ! сказалъ Шилинъ.

— Что жъ, за дреколья и въ паркъ выручать ее! Стратилатъ схватился за шапку.

— За дреколья въ отвѣтъ попадемъ! отвѣтилъ Смарагдъ Захаровичъ:—коль не она въ бесѣдкѣ совсѣмъ, тогда дѣло дрянь выйдетъ! Надо безъ шума устроить... А пока Маремьянъ въ паркѣ путается, сбѣгай-ка кто-нибудь за Тихономъ, онъ намъ очень съ руки будетъ!

Стратилатъ, не дослушавъ послѣднихъ словъ, уже летѣлъ по улицѣ. Не прошло и четверти часа, онъ и Тихонъ, дыша, что лошади, только что проскакавшія по десятку верстъ, сидѣли у Шилина и уславливались, какъ дѣйствовать.

Хозяинъ потребовалъ закусить; два стаканчика „отечественной", опрокинутой въ себя Тихономъ, заставили окончательно взыграть его сердце, и безъ того радостно предвкушавшее грядущее событіе.

— Ужъ и по мордѣ жъ я сейчасъ кого-нибудь съѣзжу! мечталъ онъ, суча здоровенный кулачище.

Молчаливый Агафонъ видимо сочувствовалъ ему и поглядывалъ на свои пудовики. Подвижной Стратилатъ ерзалъ и привскакивалъ на стулѣ, все больше и больше входя въ ражъ и нетерпѣніе.

— Ну, теперь и въ походъ, я думаю, можно! сказалъ, наконецъ, Шилинъ, ставя свой опорожненный стаканчикъ на столъ. Все шумно поднялись.

— Не всѣ сразу, братцы, по одному, чтобъ не такъ примѣтно было! распорядился Шилинъ. — Сперва ты, Агафонъ, иди, потомъ я пойду, а за нами по очереди ты, Тихонъ, со Стратилатомъ!

Агафонъ ушелъ; изъ окна видѣли, какъ онъ пролѣзъ въ дыру въ заборѣ и скрылся. За нимъ отправился Шилинъ, и вся компанія перебралась въ паркъ.

Онъ былъ пустыненъ попрежнему. Агафонъ, стоявшій впереди, какъ на часахъ, за деревомъ въ аллеѣ, сдѣлалъ рукой знакъ остальнымъ, притаившимся въ

лопухахъ у забора, и всѣ двинулись наперерѣзъ по травѣ за своимъ вожакомъ.

Ни души не виднѣлось и на второй аллеѣ. Компанія добралась до кустовъ, закрывавшихъ павильонъ и остановилась.

— Сторожей нѣтъ ли? шепнулъ Агафонъ.

Онъ и Стратилатъ, едва ступая на носки, начали тихо огибать павильонъ слѣва; двое другихъ дѣлали то же съ правой стороны.

Сторожа никакого не оказалось. Агафонъ раздвинулъ тучей нависшіе надъ тропочкой кусты и увидалъ передъ собой желтую дверь.

Стратилатъ юркнулъ ему подъ руку и очутился у самой двери. Она была заперта внутреннимъ замкомъ. Стратилатъ потрогалъ за ручку, затѣмъ тихо постучалъ.

Внутри будто кто-то пошевелился.

— Леонида Николаевна, здѣсь вы? вполголоса спросилъ Стратилатъ и постучалъ крѣпче.

— Я! отозвался изнутри знакомый голосъ.

Слышны были легкіе, быстро подошедшіе шаги.— Кто тамъ?

— Ребята, вали всѣ разомъ! вмѣсто отвѣта сказалъ Стратилатъ, напирая на дверь; всѣ навалились на нее, дверь съ трескомъ сломалась пополамъ и нѣсколько досокъ изъ нея упало къ ногамъ Лени.

Стратилатъ распахнулъ уцѣлѣвшую половинку и первый ворвался въ бесѣдку.

— Наша взяла! чуть не во все горло, радостно крикнулъ онъ:—скорѣй за нами пожалуйте, барышня...

Не успѣла Леня отвѣтить — на порогѣ показалась внушительная особа Маремьяна.

— Это что же тутъ дѣлается? проговорилъ онъ, вступая за порогъ; увидавъ такое количество людей, приказчикъ шатнулся было назадъ, чтобъ бѣжать, но оказавшійся ближе всѣхъ къ нему Тихонъ развернулся и, словно быка на бойнѣ, хватилъ его кулакомъ прямо въ лицо. Маремьянъ опрокинулся навзничь, упалъ за порогъ на дорожку, затѣмъ вскочилъ, какъ на пружинѣ, и кинулся прочь; непостижимо какъ, верхомъ на

немъ съ обломкомъ доски въ рукѣ очутился Стратилатъ и принялся гвоздить его по головѣ и чему попало.

— Вотъ тебѣ, старый чертъ! вотъ тебѣ, идолище поганое! приговаривалъ онъ при этомъ.

Маремьянъ ревѣлъ бѣлугой.

— Не надо, не надо! кричала имъ вслѣдъ Леня, но вошедшій въ азартъ Стратилатъ не слушалъ и скакалъ на своемъ конѣ дальше.

Шилинъ подхватилъ Леню подъ руку и съ Агафономъ и съ ней бѣгомъ пустился къ забору. На улицѣ ихъ догнали отставшіе товарищи; Стратилатъ прокатился верхомъ на приказчикѣ шаговъ тридцать и все дубасилъ его подъ поощрительный ревъ Тихона.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?! молвила, смѣясь и плача, Леня, очутившись въ горницѣ у Шилина.—Спасибо! и она обняла и крѣпко поцѣловала сперва хозяина, затѣмъ всѣхъ остальныхъ и даже Мавру, прибѣжавшую изъ кухни.

— Эка, о чемъ вы! пустое! Это мы съ нашимъ удовольствіемъ! отвѣтило ей три голоса; промолчалъ только Агафонъ:—онъ такъ покраснѣлъ отъ поцѣлуя Лени, что кусокъ кумача рядомъ съ нимъ показался бы тѣлеснаго цвѣта; бывшій бурсакъ въ полномъ смущеніи утеръ себѣ рукавомъ губы.

— И чмокнулъ же я его святымъ кулакомъ по поганому рылу! въ полномъ восторгѣ разглагольствовалъ Тихонъ—въ самый пятачекъ сподобилъ!

— А теперь мы васъ сейчасъ въ Рыбное переправимъ! какъ только нѣсколько улеглись всеобщее волненіе и радость, произнесъ хозяинъ.

— Какъ въ Рыбное? Зачѣмъ? удивилась Леня.

— Тамъ побезопаснѣе будетъ, да и господинъ Свѣтицкій тамъ...

— Дмитрій Назаровичъ? Что онъ тамъ дѣлаетъ? Очень онъ безпокоился обо мнѣ?

Пріятели покосились другъ на друга.

— Что произошло, ради Бога? сказала Леня, замѣтивъ переглядыванье.

— А ничего особеннаго! отвѣтилъ Шилинъ: — въ Баграмово онъ ѣздилъ, искалъ васъ тамъ, ну, его Пентауровъ немножко и поцарапалъ...

Леня вся побѣлѣла.

— Какъ? Чѣмъ?

— Да не пугайтесь, говорю, пустое вышло; поправится онъ скоро! Изъ пистолета ранилъ!

— Изъ за меня?.. Леня закрыла лицо руками. — Ѣдемте! Сію минуту ѣдемте! добавила она, овладѣвъ собою.

Шилинъ приказалъ работнику запрягать пару своихъ буланокъ и, пока Леня разспрашивала о случившемся за время ея исчезновенія и отвѣчала на вопросы о себѣ, Мавра собрала всѣ ея вещи и уложила ихъ въ поданную бричку.

Стратилатъ и Агафонъ непремѣнно желали сопровождать „свою“ барышню до Рыбнаго; Шилинъ нашелъ, что взять ихъ съ собой будетъ благоразумнѣе и оба они взгромоздились на козлы.

Проститься Ленѣ приходилось съ однимъ Тихономъ.

— Еще разъ отъ души спасибо вамъ! сказала она, пожавъ ему руку:—боюсь только, не вышло бы у васъ непріятности изъ за меня?

— Наплевать и размазать-съ!.. отвѣтилъ тотъ, кланяясь и прижавъ руку къ сердцу:—не извольте безпокоиться! Худого ничего не выйдетъ! Тятенька насъ за Маремьяна Васильича, можетъ статься, загримируетъ, да это дѣло привычное-съ! Не хлобыснуть его по бланманже было никакъ нельзя-съ!

— Сторонись--народъ: дьячекъ благочиннаго везетъ! воскликнулъ Стратилатъ, дернувъ вожжами.

Бричка выѣхала на улицу и быстро покатилась по ней. Леня повернулась назадъ, и пока не скрылась за угломъ, все махала рукой Маврѣ и Тихону, стоявшимъ у воротъ.

ГЛАВА XXXIII

Чѣмъ ближе къ Рыбному подъѣзжала бричка, тѣмъ все больше волновалась и безпокоилась Леня.

Степнину она знала и даже игрывала съ дѣвочками Рѣпьевыми во время рѣдкихъ поѣздокъ къ нимъ или ихъ въ Баграмово, но то было давно, при жизни Людмилы Марковны. А какъ теперь отнесутся къ ней въ Рыбномъ? Примутъ ли ее? Въ качествѣ кого она ѣдетъ туда сейчасъ? Краска залила ей лицо при послѣдней мысли. Она высказала ее своимъ спутникамъ.

— Полноте:—да вся губернія знаетъ, что вы невѣста Дмитрія Назаровича! возразилъ Шилинъ.

— Попробовали бы не принять? угрожающе заявилъ обернувшійся Стратилатъ:—съ козелъ не слѣзть—всѣхъ, какъ Маремьяшку—подлеца, раздѣлаю!

Уже вечерѣло. Длинныя тѣни лежали на большакѣ отъ посаженныхъ еще при Екатеринѣ березъ.

— Двѣ тройки чьи-то вперегонки летятъ? И-ихъ, дуютъ какъ! проговорилъ Стратилатъ, всматриваясь впередъ.—Никакъ это наши, монастырскіе?

На козлахъ и въ коляскѣ дѣйствительно голубѣли мундиры.

— Стой! Стой! отчаянно заоралъ вдругъ Стратилатъ, вставъ на козлахъ; онъ бросилъ вожжи Агафону и замахалъ обѣими руками.

Тройка и бричка остановились. Стратилатъ спрыгнулъ еще на ходу и подбѣжалъ къ крайней колескѣ, изъ которой глядѣли на него Костицъ и Возницынъ.

— Барышню нашли! Въ Рыбное веземъ! выкрикнулъ Стратилатъ.

Гусары повыпрыгивали на землю и окружили бричку.

— Леонида Николаевна? Вотъ радость! Мы товарищи Свѣтицкаго! вперебой говорили они радостными голосами.

— Стой! Справа по два! скомандовалъ Костицъ: — позвольте представить вамъ, во-первыхъ, себя, — ротмистръ Костицъ, а потомъ товарищей... Онъ сталъ называть ихъ фамиліи, представляемые снимали фуражки и, по очереди, почтительно цѣловали руку Лени.

— Мы только что отъ Дмитрія Назаровича, сказалъ Курденко:—ему лучше, рана неопасная!

— Живъ, почти здоровъ, скоро плясать будетъ! подхватилъ Возницынъ:—все такой же, только въ плечѣ маленькая дырочка!

— Онъ вѣдь не цѣлковый, дешевле отъ того не будетъ! пошутилъ Радугинъ.

Всѣ наперебой старались успокоить и сказать Ленѣ что-нибудь пріятное.

— А мы чуть не всю Рязань перевернули, ища васъ! началъ Курденко:—гдѣ вы были?

Леня въ нѣсколькихъ словахъ передала, что произошло.

— Одначе, мальчикъ! закрутивъ усъ, что хорошій жгутъ, проронилъ Костицъ:—а честное слово намъ далъ, что знать не знаетъ, гдѣ вы?!

— Цѣлыхъ три слова!.. поправилъ Радугинъ.

— Мерзавецъ! воскликнулъ Возницынъ.—Я то дурака какого свалялъ?

Костицъ обратился къ товарищамъ: — что же, сыны, мы сему барину за доблести учинимъ?

— Какъ собирались:—его на веревку, а домъ по бревну раскидать! воскликнулъ Курденко.

— Идетъ! раздались дружные отвѣты.

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! Не надо! зазвенѣлъ, какъ струна, голосъ Лени.

— Негодяевъ надо учить, Леонида Николаевна! отвѣтилъ Костицъ:—вы невѣста нашего товарища и друга! въ вашемъ лицѣ онъ оскорбилъ весь полкъ!

— Вѣрно, правильно! отозвались гусары.

— Господа, изъ за меня и безъ того пролилась кровь! волнуясь, сказала Леня: — довольно ея! Не надо ужасовъ!

— Нельзя-съ, Леонида Николаевна:—отвѣтилъ Возницынъ:—Божечка что сказалъ:—„Око за око, зубъ за зубъ!“

— Нѣтъ:—„мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ!“ возразила Леня; душевная сила вдругъ измѣнила ей:—я приношу всѣмъ несчастіе и если это такъ:... слезы помѣшали ей договорить.

— Вотъ это ужъ и не годится!.. растерянно про-

говорилъ Костицъ:—слезы для нашего брата—пистолетъ и три кинжала въ груды!

— Полноте, не надо, Леонида Николаевна! успокаивали ее съ одной стороны Курденко, съ другой Возницынъ.

— Все на свѣтѣ пустяки! поддержалъ и Радугинъ.

— Господа, если вы меня сколько нибудь уважаете, вы не подымете изъ за меня никакой исторіи! твердо сказала Леня, обращаясь ко всѣмъ. — Не будетъ ни ссоръ, ни дуэлей, ничего!

Возницынъ всплеснулъ руками.—Какъ, ужъ и поссориться теперь хорошему человѣку ни съ кѣмъ нельзя?

— Да: изъ за меня!

— Хорошо-съ... отбой, сыны! Изъ за васъ никакой исторіи не будетъ! рѣшилъ, откозырнувъ, Костицъ: —будь по вашему!—А теперь катите въ Рыбное: тамъ кому то сейчасъ свѣтлый праздникъ будетъ!

— Помните же:—вы обѣщали мнѣ!

— Будьте покойны!

Гусары еще разъ поцѣловали руку Ленѣ, и бричка съ ней понеслась дальше.

— Какъ же ты ей такое обѣщаніе, отецъ командиръ, далъ? сердито обратился къ Костицу Курденко:— такъ и сойдутъ даромъ съ рукъ Пентаурову всѣ его мерзости?

— Кто тебѣ сказалъ? отвѣтилъ Костицъ, садясь въ свою коляску:—завтра же съ лысымъ чортомъ за себя поссорюсь! Мнѣ его плѣшь очень не нравится.

— А меня его правая ноздря раздражаетъ! отозвался изъ другой коляски Радугинъ.

Стратилатъ лихо подкатилъ къ балкону, выходившему на обширный дворъ, и Шилинъ, вмѣстѣ съ выскочившимъ навстрѣчу лакеемъ, пошелъ въ домъ сообщить о пріѣздѣ Лени.

Спустя минуту, изъ него выбѣжалъ Шемякинъ, за нимъ Аня съ Соней и Плетневъ, позади показалось круглое лицо спѣшившей Серафимы Семеновны.

Леня вышла изъ экипажа и нерѣшительно направилась имъ навстрѣчу.

— Леонида Николаевна? Какими судьбами? Какъ мы рады! восклицали всѣ, окруживъ ее. Серафима Семеновна и Аня съ Соней разцѣловались съ гостьей и повели ее въ комнаты.—Значитъ, вздоръ говорили, что вы пропали? Вотъ обрадуется Дмитрій Назаровичъ!

— Гдѣ онъ? Лучше ему? освѣдомилась Леня.

— Да. А вы ужъ знаете все? Черезъ недѣлю встанетъ! отвѣтили ей съ двухъ сторонъ.

Радушно привѣтила ее и старая Степнина, и у Лени сразу стало тепло и хорошо на душѣ среди столькихъ доброжелательныхъ и милыхъ лицъ.

— Ты вѣдь къ намъ совсѣмъ пріѣхала, надѣюсь? съ первыхъ же словъ заявила Степнина.

— Если позволите, на нѣсколько дней, пока не встанетъ Дмитрій Назаровичъ: я ухаживать за нимъ буду!

— А потомъ куда?

Леня слегка пожала плечами.—Не знаю.

— То-то вотъ и есть! отвѣтила Степнина:—прямо тебѣ къ намъ, какъ скончалась Людмила Марковна, и ѣхать надо было! У насъ останешься! рѣшила она: — и замужъ отсюда тебя отдадимъ!

Леня поцѣловала руку старухи, та прижала къ себѣ ея голову и отвѣтила тѣмъ же въ лобъ и щеку.

— Теперь сказывай, что за приключенья за такія съ тобой были? Марья Михайловна намъ тутъ, Богъ вѣсть, что понаплела!

Всѣ тѣснымъ кружкомъ усѣлись въ гостиной вокругъ новаго члена семьи и съ жаднымъ вниманіемъ слушали ея разсказъ.

Обращались въ заключеніи съ Леней хорошо; Маремьянъ при похищеніи ея не показывался и пришелъ въ павильонъ послѣ того, какъ ее туда принесли на рукахъ двое дворовыхъ; выпроводивъ ихъ, онъ успокаивалъ ее и обѣщалъ помочь бѣжать; сдѣлать это онъ собирался такъ, чтобы не быть въ отвѣтѣ передъ „злодѣемъ“ бариномъ и просилъ потерпѣть и „поскучать“ два-три дня, по прошествіи которыхъ обѣщалъ увезти ее тайкомъ изъ города, куда она захочетъ.

Нечего и пояснять, что хитрый приказчикъ имѣлъ совсѣмъ другое въ виду: ему нужно было, чтобы Леня

не дѣлала попытокъ бѣжать и спокойно дала бы себя увезти, куда имъ съ Пентауровымъ было задумано.

При первыхъ же словахъ Лени глаза Шемякина потемнѣли; онъ закинулъ ногу на ногу и сталъ покачивать ее.

— Что? обратилась къ нему во время разсказа Степнина:—и теперь у тебя въ мозгу не укладывается, что за гусь твой Пентауровъ?

— Укладывается, бабушка, укладывается... отвѣтилъ онъ, все качая ногой.

— Вотъ вамъ и дворянское слово?! сказала Серафима Семеновна, когда Леня кончила.

— Безобразіе! воскликнулъ Плетневъ; лицо его покрылось отъ негодованія красными пятнами.

— А ты что молчишь? спросила Степнина Шемякина.

— Слова излишни, бабушка... проронилъ онъ тѣмъ же тономъ.

Аня съ Соней побѣжали подготовить Свѣтицкаго къ встрѣчѣ съ Леней и, когда онѣ впустили ее въ его комнату, ее встрѣтилъ лихорадочный, еще недовѣрчивый взглядъ; раненый сѣлъ и протянулъ къ ней здоровую лѣвую руку.

— Ты, Леня?! произнесъ онъ, хватая сперва за плечо, потомъ за голову наклонившуюся дѣвушку. Вся душа его влилась въ поцѣлуй.

Аня тихо притворила дверь и вернулась съ Соней въ гостиную.

ГЛАВА XXXIV.

Пентауровъ не спалъ всю ночь. Перспектива стрѣляться чуть не съ полдюжиной забубенныхъ головъ и навѣрное безвременно лечь въ скверную яму возлѣ отца и бабушки до такой степени страшила его, что минутами онъ вскакивалъ съ постели и собирался отдавать приказъ закладывать лошадей, чтобы удрать въ Питеръ. Но соображеніе, что враги найдутъ его и тамъ, останавливало его.

— И кой чертъ подтолкнулъ ко мнѣ эту Леньку? думалъ онъ, яростно потирая свою лысину. — Все это анаѳема бабушка виновата—развела вокругъ себя всякую дрянь, а тутъ стрѣляйся изъ за нея потомъ! И Маремьянъ хорошъ! Покажу я ему, Ироду, вольную! Нѣтъ того, чтобы предупредить было, что на Ленькѣ гусаръ повѣсился; плюнулъ бы я! ему бы только вольную подай, а для барина хоть трава не расти!

Какъ ни пытался Степанъ Владиміровичъ найти какой нибудь выходъ, кругомъ была вода, по его выраженію. На разсвѣтѣ его осѣнило:—онъ вспомнилъ, что по сосѣдству, совсѣмъ рядомъ, живетъ Шемякинъ, котораго онъ зналъ когда то, мальчикомъ. Были слухи, что Шемякинъ, несмотря на свою молодость, пользуется общимъ уваженіемъ и человѣкъ дѣльный.

Утопающій хватается за соломинку, и Пентауровъ рѣшилъ съѣздить къ нему и попросить его участія и помощи, чтобъ какъ нибудь уговорить гусаръ отказаться отъ ихъ вызова.

Въ десять часовъ утра четверня Пентаурова уже въѣзжала въ ворота шемякинской усадьбы, но тамъ Степана Владиміровича ожидало разочарованіе:—Шемякинъ съ женой не возвращались съ вчерашняго дня и ночевали въ Рыбномъ.

Рыбное было рядомъ, и черезъ пять минутъ Степанъ Владиміровичъ вылѣзалъ изъ коляски у балкона Степниной.

Всѣ, кромѣ Лени, находившейся въ комнатѣ у Свѣтицкаго, сидѣли на другомъ балконѣ въ саду, когда лакей доложилъ, что пріѣхалъ господинъ Пентауровъ.

— Это еще зачѣмъ? Ненужно его, ненужно! сердито произнесла Степнина:—такъ и скажи, что не хотимъ его видѣть! она повысила голосъ.

Шемякинъ знакомъ руки остановилъ собиравшагося уже бѣжать лакея.

— Бабушка, разрѣшите мнѣ его принять? сказалъ онъ такимъ тономъ, что Аня съ безпокойствомъ взглянула на мужа.

— Что ты хочешь дѣлать? Зачѣмъ? въ одинъ голосъ спросили она и Степнина.

— Хочу поговорить съ господиномъ дворяниномъ Пентауровымъ... Проси въ кабинетъ! обратился онъ къ лакею и послѣдовалъ за нимъ въ залъ.

— Не узнаете, конечно? Давно не видались съ вами!.. пріятно улыбаясь, началъ Пентауровъ, увидавъ входящаго Шемякина. Тотъ притворилъ за собой дверь и не замѣтилъ рукъ, протянутыхъ къ нему Пентауровымъ.

Степанъ Владиміровичъ нѣсколько осѣкся.

Шемякинъ указалъ ему на кресло.

— Чѣмъ могу служить? холодно спросилъ онъ, опускаясь напротивъ него на другое и вскинувъ ногу на ногу.

— Я къ вамъ, въ сущности, по дѣлу... началъ Пентауровъ:—вѣрнѣе, съ большой просьбой. Помогите мнѣ, какъ дворянинъ дворянину.

Шемякинъ молча наклонилъ голову.

— Я въ ужаснѣйшемъ положеніи. У меня скончался отецъ, а потомъ бабушка—я ихъ такъ любилъ; затѣмъ этотъ пожаръ дома,—прямо кошмаръ какой то! Здоровье все это мнѣ разстроило до невозможности! Я совсѣмъ боленъ! И тутъ вдругъ вчера еще новое: — ко мнѣ ворвался гусарскій офицеръ — нѣкто Свѣтицкій, сталъ кричать и требовать отъ меня какую то дѣвку— а я ее и не видалъ и не знаю...

— И не видѣли и не знали? переспросилъ Шемякинъ, начиная слегка покачивать ногою.

— Разумѣется: ее отпустилъ на волю еще мой покойный отецъ! Офицеръ въ отвѣтъ на мои слова, что ея нѣтъ у меня, выхватилъ саблю, чуть не искрошилъ меня. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Я выстрѣлилъ и ранилъ его, но вѣдь это онъ ворвался ко мнѣ, онъ хотѣлъ убить меня, а не я! Я невиноватъ! И вчера же ко мнѣ пріѣзжали двое другихъ офицеровъ и вызвали меня на дуэль съ цѣлымъ эскадрономъ. Да, позвольте, за что?! Почему?—я этого не понимаю. Но вѣдь я же не могу стрѣляться со всякимъ, кому это вздумается? Я человѣкъ государственный, у меня важныя дѣла въ Петербургѣ, тамъ меня ждутъ, и вдругъ я тутъ...

— Что же вамъ отъ меня угодно? проронилъ Шемякинъ.

— Вашей помощи, дорогой мой. И я вамъ, можетъ быть, пригожусь когда либо! Урезоньте ихъ, уговорите!.. Избавьте меня отъ этой нелѣпой дуэли!

— И вы даете честное, дворянское слово, что Леониды Николаевны красть не приказывали, нигдѣ у себя ее не держали и никогда ей гнусностей не предлагали?

Слова Шемякина звучали раздѣльно и металлически.

— Честное слово! Пентауровъ даже перекрестился.

— Извольте, помогу! И даже больше-съ... можете сегодня же безбоязненно уѣзжать въ Петербургъ. Никто васъ больше не обезпокоитъ!

— Да ну? воскликнулъ обрадованный Пентауровъ.

Шемякинъ всталъ.

— Прошу посидѣть минуту! сказалъ онъ и вышелъ за дверь.

Степанъ Владиміровичъ шлепнулъ себя по ляжкамъ и даже подскочилъ отъ нахлынувшаго восторга. Потомъ поднялся съ кресла, заложилъ руки за спину и, улыбаясь, принялся прохаживаться по кабинету.

— А вѣдь дѣйствительно дѣльный парень! думалъ онъ про Шемякина:—какъ онъ только все это устроитъ?

Дверь отворилась и показалось пятеро дюжихъ конюховъ; одинъ несъ здоровенный пукъ розогъ.

Шемякинъ вошелъ послѣднимъ и затворилъ за собой дверь.

— Раздѣть его! приказалъ онъ конюхамъ.

Пентауровъ посѣрѣлъ, выпучилъ глаза и попятился.

— Что вы? Что такое? пробормоталъ онъ, охваченный ужасомъ.

— Живо! Шемякинъ слегка возвысилъ голосъ.

Конюхи въ одинъ мигъ скрутили кусавшагося и дравшагося Степана Владиміровича, сдернули съ него щегольскія свѣтлыя панталоны и разложили на коврѣ изъ медвѣжьей шкуры.

— Пороть! коротко сказалъ Шемякинъ.

Свистнули розги. Пентауровъ неистово завизжалъ и забился, но здоровенные дѣтины держали его за руки и ноги. Розги свистѣли и клали рубецъ за рубцомъ на бѣлое тѣло „государственнаго" человѣка.

Въ дверь кабинета раздался сильный стукъ.

— Саша, что тутъ происходитъ? пустите?! послышались изъ за двери взволнованные женскіе голоса.

Шемякинъ пріоткрылъ дверь.—Здѣсь вамъ не мѣсто... ступайте! желѣзнымъ, недопускающимъ возраженій голосомъ сказалъ онъ и опять захлопнулъ и заперъ дверь.

— Больнѣе! крѣпче пороты! послышался еще разъ его голосъ.

Конюхи усердствовали во всю. Черезъ нѣсколько минутъ крики и свистъ розогъ въ кабинетѣ стихли.

Дверь распахнулась, и показался мертвенно-блѣдный Пентауровъ въ измятомъ и изорванномъ платьи. Не то плачъ, не то какія то слова невнятно рокотали въ его горлѣ.

— Можете ѣхать въ Питеръ: теперь съ вами драться никто не станетъ! напутствовалъ его Шемякинъ.

Помутившіеся, блуждающіе глаза Пентаурова вдругъ наткнулись на кучку перепуганныхъ женщинъ, сбившихся въ концѣ корридора. Среди нихъ была... Леня.

Пентауровъ заморгалъ, словно прогоняя что то почудившееся, потомъ косясь на нее, какъ пугливая лошадь на кустъ, прошмыгнулъ мимо и исчезъ въ залѣ.

— Сашка, ты съ ума сошелъ?! закричала, обрѣтя даръ слова, Аня,

— Нѣтъ, какъ будто ничего, здоровъ!.. отвѣтилъ Шемякинъ, трогая себя за лобъ и принимая свой обычный видъ и тонъ; только почернѣвшіе глаза его еще не успѣли отойти и стать обычными сѣрыми.

— Ты его выпоролъ? Дворянина? только шопотомъ и смогла выговорить Степнина.

— Бабушка, не могъ я же ему отказать: онъ самъ просилъ объ этомъ!

— Вздоръ несешь!

— Ей Богу, бабушка, правда! просилъ устроить

такъ, чтобы никто драться съ нимъ не сталъ! Я и устроилъ. Развѣ не хорошо? Шемякинъ совсѣмъ овладѣлъ собой.

— Да вѣдь онъ же дворянинъ?!

— А я его на коврикѣ, бабушка: на коврикѣ это совсѣмъ хорошо!

— Молодецъ! такъ и слѣдовало его проучить! сказалъ Плетневъ.

— Господа, дворянъ же не порютъ? воскликнула Серафима Семеновна.

— Если они не врутъ, маменька! откликнулся Шемякинъ:—а кто вретъ, тому чики-чики бываетъ; такъ меня въ дѣтствѣ учили, ей-Богу!

— Ахъ ты, разбойникъ! ахъ ты, шутъ! говорила Степнина, идя подъ руку съ нимъ изъ корридора. — Вотъ ужъ дѣйствительно, мозгу не вмѣстить, что натворилъ!

— Бабушка, это я въ государственныхъ цѣляхъ сдѣлалъ! оправдывался Шемякинъ:—гусары его могли на дуэли убить; это имъ что: тьфу и ничего больше, а онъ говорилъ, что онъ человѣкъ нужный, полезный! Я и подумалъ: оставлю-ка я господъ гусаръ съ носомъ, пусть онъ себѣ на зло имъ живетъ... Я о немъ отъ души позаботился! Право!

— Теперь ѣздить къ намъ побоятся люди, скажутъ—выпорютъ!

— И отлично, бабушка! вмѣшалась Соня:—по крайней мѣрѣ только хорошіе люди ѣздить будутъ!

— Я знаю о комъ вы въ дѣйствительности подумали, Александръ Николаевичъ! тихо произнесла Лѣня, взявъ свободную лѣвую руку Шемякина и пожавъ ее.— Было ужасно, но спасибо вамъ!

Она поспѣшила къ своему жениху.

На балконъ, куда опять собрались всѣ, торопливо вышла Ненила, направилась прямо къ Шемякину, взяла его руку и громко чмокнула ее.

— Спасибо, батюшка, что поучилъ этого молодца: давно плакали по немъ розги! сказала она и поклонилась въ поясъ.—Вотъ какъ утѣшилъ на старости лѣтъ,

свѣчку за твое здоровье поставлю! Всегда говорила, что изъ тебя прокъ будетъ!

Молодежью вдругъ овладѣлъ приступъ смѣха. Первою закатилась, припавъ къ спинкѣ стула, Соня; ей принялись вторить и остальные.

— И подѣломъ, и подѣломъ! восклицали то тотъ, то другой.

— Но какой у него былъ видъ?! заливалась Аничка:—какъ онъ визжалъ! Я думала, его рѣжутъ!

Появились улыбки и на лицахъ старшихъ.

— Барыня Грунина пріѣхали! возгласилъ изъ дверей лакей; вслѣдъ за нимъ появилась и сопровождаемая Нюрочкой Марья Михайловна.

— Что не у васъ былъ сейчасъ Пентауровъ? освѣдомилась она, здороваясь съ хозяевами.

— Нѣтъ, не у насъ... не сморгнувъ, отвѣтилъ Шемякинъ.—А что?

— Да совсѣмъ странный какой то: смотримъ, ѣдетъ человѣкъ, чуть не шагомъ, самъ задомъ на передъ колѣнями на сидѣньи стоитъ. Поровнялись мы—вижу, батюшки, Пентауровъ?! И разстроенный, всклокоченный!—Что это вы, спрашиваю, на колѣнкахъ ѣдете? Вообразите, лошадей даже не остановилъ, только рукой эдакъ обвелъ—„видъ, говоритъ, очень хорошъ!“ Онъ не рехнулся ли?

— Бѣдный! Возможно... Самъ мнѣ говорилъ, что онъ очень разстроенъ! проговорилъ, качнувъ головой, Шемякинъ.

— А въ Рязани у насъ коробъ новостей! продолжала, усаживаясь Грунина.

— Не удивишь, матушка, своихъ у насъ много! прервала ее Степнина.

— Ну-те, какія? Марія Михайловна приготовилась слушать: она спеціально затѣмъ и пріѣхала, чтобы почерпнуть вдохновенія для продолженія тѣхъ сказокъ изъ тысяча и одной ночи, которыя гуляли по Рязани о происшествіи въ Баграмовѣ. О бѣгствѣ Лени и о томъ, что она находилась въ Рыбномъ, Марья Михайловна, а стало быть и Рязань, еще ничего не знали,

— Дочку намъ новую Богъ послалъ, и двѣ свадь-

бы у насъ на дняхъ будутъ, вотъ какія! Эту стрекозу замужъ выдаемъ—рука Степниной указала на Соню и затѣмъ еще на кого-то, находившагося за спиной Грунинои:—и эту!

Марья Михайловна грузно повернулась и замахала руками, словно собираясь упасть въ обморокъ. Ее и вправду чуть не хватилъ ударъ: передъ ней стояля Леня!

ГЛАВА XXXV

Роману конецъ. Но разставаясь съ дѣйствующими лицами его, надо сказать о нихъ нѣсколько заключительныхъ словъ.

Свадьбы Лени и Сони произошли въ одинъ день, двадцать пятаго сентября. Вѣнчались онѣ въ своей церкви въ Рыбномъ, и какъ ни хотѣлось обѣимъ невѣстамъ, чтобъ все было, какъ можно, скромнѣе, желаніе ихъ не исполнилось. Съѣхался весь уѣздъ и всѣ офицеры гусарскаго полка, гремѣлъ оркестръ, и старый домъ, полный нарядными людьми, веселъемъ и шумомъ, сіялъ тысячью огней среди темнаго „бабушкинаго" сада.

Въ самый разгаръ танцевъ Степнина вышла на балконъ отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ. Съ ней подошла къ периламъ Ненила, стоявшая у настежь распахнутыхъ дверей и смотрѣвшая на общее веселье.

— Устала, Ненилушка, слабѣть начинаю! сказала Аграфена Степановна.

Старая нянька не отвѣчала. Въ саду царила тишина. Слышно было, какъ то здѣсь, то тамъ тихо шелестѣли падавшія листья.

— Это мы съ тобой... тихо молвила Степнина, глядя въ непроницаемую тьму передъ собой...

Стратилатъ и Агафонъ, собравшіеся на другой же день уходить въ Москву, опять должны были отложить свой уходъ: ихъ пригласила Леня на свою свадьбу.

Не приказала ихъ никуда отпускать изъ имѣнія и Степнина. Приглашены были, разумѣется, и Шилинъ съ Тихономъ, звать которыхъ ѣздилъ въ Рязань самъ Свѣтицкій.

Онъ хотѣлъ сдѣлать попытку заплатить Стратилату и Агафону, но Леня, боясь, что они обидятся, попросила не дѣлать этого.

— Вы мои первые гости! сказала Леня, встрѣчая своихъ друзей и принимая ихъ общій подарокъ — букетъ цвѣтовъ.

Компанія жалась въ уголкѣ и оттуда слѣдила за „своей" Леонидой Николаевной, а она, вся въ бѣломъ, счастливая до сіянія, не разставалась съ ихъ букетомъ, и бѣлымъ облачкомъ летала по залу; улучивъ минуту, она подбѣгала къ нимъ и перемолвливалась словцомъ-другимъ.

На другой день, послѣ теплаго прощанія съ Леней и ея мужемъ, Стратилатъ и Агафонъ надѣли свои узелки на палки и пустились въ путь. Каждый изъ нихъ несъ въ рукѣ по кульку съ остатками отъ обильнаго свадебнаго ужина.

Отойдя верстъ двадцать отъ Рыбнаго, будущіе актеры остановились и сѣли отдохнуть и закусить.

— Ну-ка, Господи благослови, хватимъ свадебнаго! весело сказалъ Стратилатъ, запуская руку въ свой кулекъ и извлекая изъ него что-то завернутое въ бумагу. Онъ развернулъ ее и увидалъ кусокъ пирога, а на немъ бѣлый конвертикъ.

— Это еще что? воскликнулъ онъ.

Такой же конвертикъ оказался и у Агафона.

Они распечатали ихъ и нашли въ каждомъ по пяти сторублевыхъ бумажекъ и по записочкѣ, написанной Леней:—„Хлѣбъ-соль на будущее новоселье отъ искренняго друга Леониды Свѣтицкой".

— Душа, братъ, у нея... большая душа!.. дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Стратилатъ: — ни слова вѣдь въ Рыбномъ она намъ о деньгахъ не сказала!

— Не взяли бы! отвѣтилъ Агафонъ. — А здѣсь возьмемъ, и совѣсть не грызетъ:—не плату дала!

— Записочку бы не утерять! продолжалъ Стратилатъ, тщательно пряча бумажку:—дороже денегъ она! Люди. братъ, мы съ тобой по ней выходимъ!

— Въ люди и выйдемъ! съ упорствомъ въ голосѣ, словно пророчествуя, пророкоталъ Агафонъ.

— Вѣрно, братъ! Доля наша, не прячься, все едино найдемъ, гдѣ ты; ау?! во всю грудь крикнулъ Стравилатъ; смѣлые сѣрые глаза его загорѣлись огнемъ и окинули вившуюся впереди дорогу, словно и впрямь выискивая идущее гдѣ-то впереди счастье.

— Ау! отозвалось совсѣмъ близко изъ перелѣска.

Пентауровъ на слѣдующее же утро послѣ приключившагося съ нимъ недоразумѣнія въ Рыбномъ укатилъ въ Питеръ.

Тамъ его попрежнему видали въ средѣ золотой молодежи, ожидавшей по ресторанамъ государственныхъ должностей, и когда Степана Владиміровича спрашивали, отчего онъ такъ скоро вернулся изъ имѣнія, онъ поводилъ съ небрежнымъ видомъ плечомъ и отвѣчалъ: —что мнѣ тамъ было сидѣть? Привелъ все въ порядокъ и вернулся!

Маремьянъ вольную не получилъ, да и не добивался: очень ужъ онъ сталъ заботиться объ управленіи Баграмовымъ, неизвѣстно кому больше приносившимъ доходу—барину или ему, приказчику.

Помирился онъ и съ Тихономъ, несмотря на два зуба, вышибленные тѣмъ ему въ бесѣдкѣ.

Встрѣтились они впервые послѣ происшествія въ какой то компаніи, и Тихонъ пояснилъ Маремьяну, что все обстояло именно такъ, какъ слѣдовало.

— Вы, Маремьянъ Василичъ, серчать бросьте! сказалъ онъ ему: —нонче я вамъ въ морду заѣхалъ, завтра вы мнѣ, —дѣло житейское: обижаться на это нечего!

Рязань попрежнему продолжалв питаться событіями, и первымъ, очереднымъ, былъ спектакль, нежданно-негаданно устроенный двумя пожилыми особами — сестрами Зяблицыными на Большой улицѣ. Онѣ напали на гулявшаго въ аристократическое время Арефія Петровича, отколотили его зонтиками и гнали, молотя ими, пустившагося удирать бѣглеца отъ Мясницкой до моста.

Послѣ побѣды онѣ торжественно возвратились домой со шляпками на боку и со сломанными зонтиками, висѣвшими въ видѣ плетей-трехвостокъ.

Клавдія Алексѣевна съ брызгавшими изъ нея слюной и восторгомъ объяснила это происшествіе Елизаветѣ Петровнѣ тѣмъ, что Званцевъ позволилъ себѣ выразиться гдѣ-то о младшей Зяблицыной, что она старая, плѣшивая дѣвка, помѣшавшаяся на женихахъ, чего никакъ не могли стерпѣть даже такія мирныя и благочестивыя особы, какъ ея сестры.

— Любопытно, кто же имъ передалъ слова? сказала Елизавета Петровна.

— Разумѣется, я! Клавдія Алексѣевна съ гордостью выпрямилась и указала на свою особу пальцемъ. — И нарочно это сдѣлала: — я не забыла гадость, которую онъ позволилъ себѣ съ Андреемъ Михайловичемъ!

Елизавета Петровна пригнула ее къ себѣ за длинную шею и поцѣловала.

— Вы истинный другъ! съ чувствомъ произнесла она.

— Но до чего интересно жить на свѣтѣ! воскликнула, отдавъ хозяйкѣ столь же горячій поцѣлуй, Клавдія Алексѣевна.—Подумайте только, дорогая: одинъ женится, другого колотятъ! Умирать не надо!!

КОНЕЦЪ.

Португалія.

Эшпиньо. Лѣто 1919 г.

Изд-во „ЗАРНИЦЫ“ Софія

Алабинская, 44

Ю. Л. Елецъ — НА КРЕСТНОМЪ ПУТИ — романъ въ 3 частяхъ.

Н. Н. Брешко-Брешковскій — МІРОВОЙ ЗАГОВОРЪ (бомбы „Римскаго отеля“)—ром. въ 3 част.

Кн. О. Г. Бебутова — СТРАСТЬ И ДУША — романъ въ 2 частяхъ съ эпилогомъ.

С. Р. Минцловъ — ГУСАРСКІЙ МОНАСТЫРЬ — историческій романъ

Инж. М. И. Невѣйновъ — РУЧНАЯ ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВЪ (кузнечное, слесарное, жестяное и водопроводное дѣло), 631 рис.

Инж. С. С. Щербаковъ-Корытинъ—МАЛЯРНОЕ ДѢЛО, съ добавленіемъ отдѣловъ: стекольн. работы и оклейка обоями.

С. Р. МИНЦЛОВЪ

ЦАРЬ БЕРЕНДѢЙ. Таёжная побывальщина. Книгоиздательство „Мѣдный Всадникъ“.

ЗА МЕРТВЫМИ ДУШАМИ. Очерки. Сибирское Книгоиздательство. Складъ — Берлинъ, книжный магазинъ „Градъ Китежъ“.

ДАЛЕКІЕ ДНИ. Воспоминанія. Сибирское Книгоиздательство. Складъ—Берлинъ, книжный магазинъ „Градъ Китежъ“.

ПОДЪ ШУМЪ ДУБОВЪ. Историческій романъ изъ жизни Пскова. Сибирское Книгоиздательство. Складъ—Берлинъ, книжный маг. „Градъ Китежъ“.

Печатается:

СНЫ ЗЕМЛИ. Романъ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the
NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.

DUE AS STAMPED BELOW

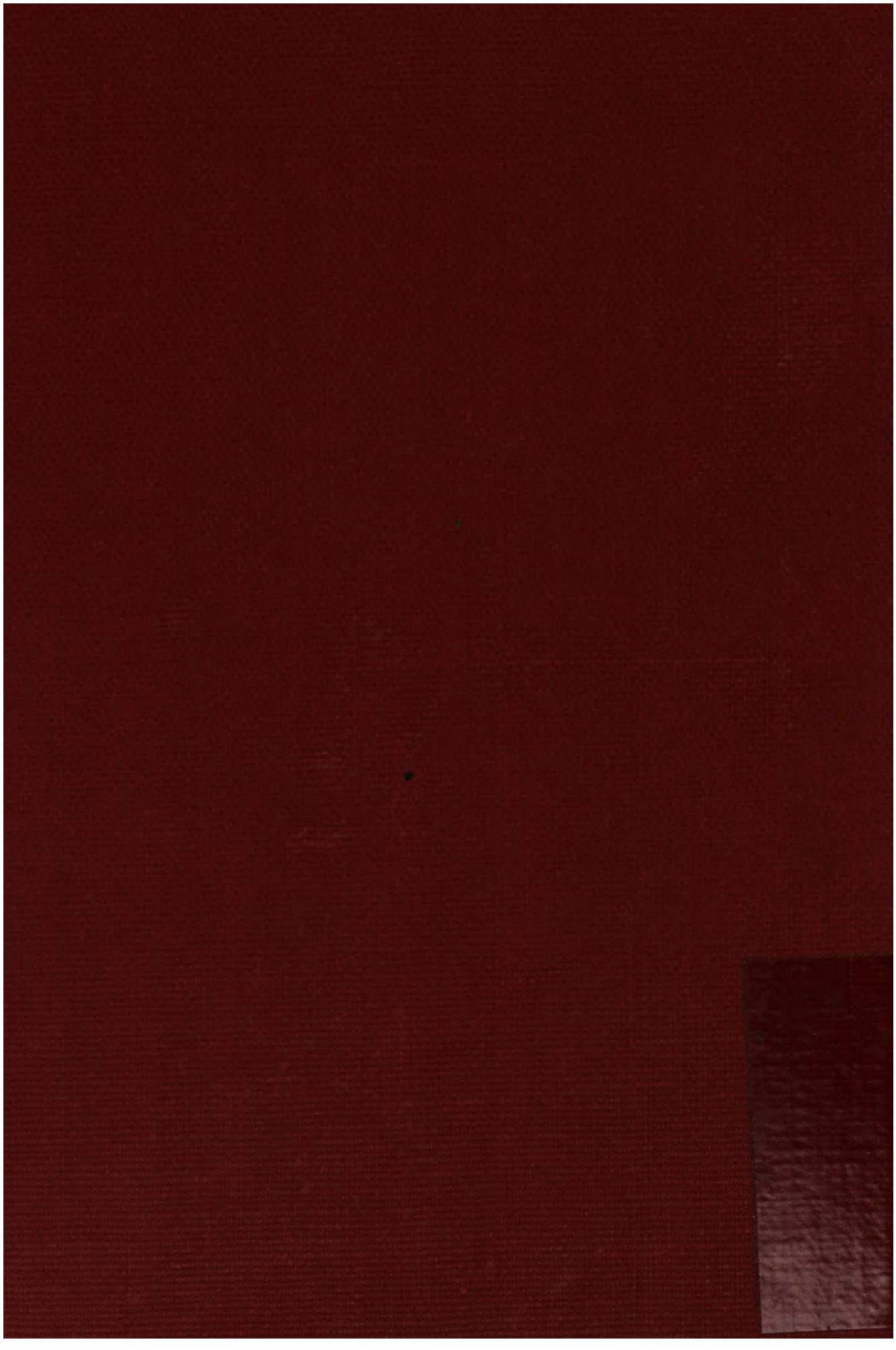
JAN 13 1998

SENT ON ILL

NOV 01 2006

U.C. BERKELEY

12,000 (11/95)

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

B000555591